

LONDON

CASE FILE: 1742-R

COORDINATES:

51.5074° N

0.1278° W

CONFIDENTIAL

ЛАБИРИНТ

МИРА ВАЙС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

иногда, чтобы найти выход,
нужно потерять контроль

18+

Мира Вайс Лабиринт

<https://litres.ru/73886334>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир Роя Кейна. Он решает проблемы. Тихо. Точно. Без лишних движений. Его инструменты — дипломатия, бухгалтерия и иногда — что-то более грязное.

Мир Виллы Ашер — особняки в Мейфэре, закрытые приёмы, элитные клиенты, которые платят за иллюзию. Она думала, что знает о Лондоне всё.

Она привыкла управлять хаосом. Он привык контролировать всё. Но когда их миры сталкиваются, ни правила, ни дистанция не работают.

Каждый раз, оставаясь наедине, они теряют контроль. Каждый раз становится только хуже.

Но они ещё не знают, что страсть, которую они пытаются обуздать правилами, окажется сильнее. Что контроль, который Рой выстраивал годами, треснет в одно касание. Что Вилле придётся отступить от своих принципов — и возвращаться.

Криминальный Лондон, старые деньги, напряжённые переговоры в полумраке частных клубов. И двое, которым не следовало встречаться.

Но они встретились.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	59
Глава 6	76
Глава 7	94
Глава 8	121
Глава 9	147
Глава 10	160
Глава 11	178
Глава 12	194
Глава 13	214
Глава 14	238
Глава 15	263
Глава 16	283
Глава 17	310
Глава 18	333
Глава 19	358

Мира Вайс

Лабиринт

Пролог

Дуло пистолета было плотно прижато к ее виску. Холод металла проникал глубоко, до костей, до того места внутри, где уже давно не осталось ничего, кроме звенящей тишины.

Где-то капала вода. Мерно. С равными интервалами.

Время остановилось.

Кап.

Щелчок затвора прозвучал как приговор.

Кап.

Она зажмурилась, слезы текли по лицу.

Кап.

Мир сузился до единственной точки — маленького кружка стали, прижатого к коже.

Кап.

Этот звук был последней нитью. Все остальное: стены, свет, воздух исчезло.

Палец замер на курке. Не двигался. Ждал?

Перед закрытыми глазами вспыхнуло лицо. Глаза без очков. Уголок губ, дрогнувший вверх. Исчезло. Другое лицо, маленькое, с темными глазами. Теплый сверток, пахнущий

молоком. Исчезло.

Тишина.

Кап. Кап. Кап.

А потом — крик.

Она кричала.

Ее держали руки. Она вцепилась в них, в эти руки, ногтями, насмерть, будто это единственное, что могло ее удержать. Спасти.

Глава 1

Рой проснулся ровно в шесть утра. Без будильника. Это было встроено в него на уровне рефлекса: открыть глаза, оценить обстановку, восстановить контроль. Он лежал в постели ровно минуту, глядя в потолок, потом вставал. Никакой неги, никаких «еще пять минут». Дисциплина была его религией.

Дом в Кэнэри-Уорф был минималистичным, функциональным, без лишних деталей. Два этажа, большие окна, серые стены, темное дерево. Никаких фотографий на полках, никаких безделушек. Только книги — по военной истории, тактике, биографии. Все на своих местах. Все под прямым углом.

Он спустился в подвал, где оборудовал небольшой спортзал. Час тренировки: груша, тренажеры, собственный вес. Движения точные, экономные, без лишней затраты энергии. Он не качался ради рельефа. Он поддерживал форму, которая позволяла ему делать его работу.

После душа он приготовил кофе: черный, крепкий, без сахара. Пил стоя у окна, глядя на серое лондонское небо.

Телефон завибрировал. Артур Синклер.

— Рой. Доброе утро.

— Доброе.

Голос Артура был, как всегда, ленивым, с растяжкой.

— Как спалось?

— Нормально.

— А мне вот не спалось. Думал о нашем друге из «Дорчестера». Ты сегодня к нему?

— Да. В одиннадцать.

— Хорошо. Будь с ним помягче. У него дочь выходит замуж, он нервный. Но долг пусть вернет. Сам понимаешь.

— Нервный должник — это стандартная комплектация.

— Это да. — Артур хмыкнул. — И ещё: охота в Суррее у Эшфорда, через пару недель. Ты поедешь.

— Охота или переговоры?

— А есть разница?

— Для меня — да.

— Рой, для меня тоже. Но Эшфорд хочет видеть лица. Не бюрократию. Поедешь.

— ...Хорошо.

— Будь аккуратен с управляющим. Не сломай его.

— Я его не собирался ломать.

— Ты их не ломаешь. Они сами. Я просто напоминаю.

Артур отключился, довольный собой, как всегда. Рой поставил чашку в раковину ровно, без звука. Надел темно-серый костюм, белую рубашку, застегнул запонки. Очки в коричневой оправе привычным весом легли на переносицу. Посмотрел в зеркало. Тридцать восемь лет, проседь в бороде, холодные серо-голубые глаза. Все на месте. Можно работать.

Хейл ждал у машины. Он всегда ждал раньше. Рой пришел на семь минут раньше обычного, Хейл все равно был раньше. Рой давно перестал это комментировать. Хейл был длинным, небритым, с лицом человека, который видел достаточно, чтобы больше ничему не удивляться. Кожаная куртка расстегнута всегда, в любую погоду, как будто это был не стиль, а тактическая необходимость. Зубочистка в левом углу рта. Пять лет вместе, и Рой до сих пор не знал, это была одна и та же зубочистка или бесконечная серия новых. Спрашивать не стал — некоторые вопросы разрушают картину мира.

— «Дорчестер»? — сказал Хейл.

— Да.

Хейл кивнул, сел за руль. Машина тронулась. Они ехали молча — с Хейлом всегда было молча, что было одним из главных его достоинств. Он умел молчать не пусто, а наполненно: это было молчание человека, который думает, а не человека, которому нечего сказать. На подъезде к Парк-лейн Хейл переместил зубочистку из левого угла рта в правый.

— На севере что-то шевелится.

— Конкретнее.

— Пока нет. Но люди Моргана из Дублина, неделю назад объявились в Ливерпуле. Без приглашения.

— Морган знает, что Ливерпуль наш.

— Знает. Поэтому и интересно.

Рой смотрел в окно. «Дорчестер» уже был виден — тяже-

лая, самодовольная архитектура старых денег, которая говорила: здесь все схвачено, все оплачено, все прилично. Рой не возражал против этой иллюзии. Иллюзии были полезны, когда ты понимал их природу.

— Держи под наблюдением.

— Уже.

— Артуру пока не говори.

— Уже не говорю.

Рой повернул голову.

— Хейл.

— Что?

— Ты мог бы иногда дожидаться команды.

Хейл переместил зубочистку обратно. Подумал.

— Мог бы, — согласился он. — Но тогда я был бы менее полезен.

Рой вышел из машины. Хейл кивнул и отъехал на парковку.

Управляющий «Дорчестера» ждал в своем кабинете. Небольшой, уютный кабинет с видом на Парк-лейн, обстановка человека, который умеет устраиваться с комфортом за чужой счет. Это само по себе было характеристикой. Управляющий звался Колин Брасс. Пятьдесят четыре года, брюшко, хорошо сидящий костюм, которому явно было неловко из-за хозяина. Он встал, когда Рой вошел, рефлекторно, как встают перед людьми, которых боятся, хотя формально бояться еще не начали.

— Мистер Кейн. — Он протянул руку. — Рад видеть вас снова.

— Колин. — Рой пожал руку ровно столько, сколько требовал протокол, и сел — не туда, куда ему предлагали, а туда, откуда было видно дверь и оба окна. Старая привычка. — Мы с вами в прошлый раз договорились на какую дату?

— На... — Брасс сглотнул. — На пятнадцатое.

— Сегодня восемнадцатое.

— Я понимаю. Возникли обстоятельства...

— Колин. — Рой поправил очки. — Расскажите мне про обстоятельства. Я люблю истории про обстоятельства. Иногда в них есть сюжет.

Брасс открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Дочь выходит замуж, — сказал он. — Расходы...

— Поздравляю. За чей счет свадьба?

— Ну, частично наш, частично...

— Колин. Вы берете деньги Артура Синклера. Деньги, которые вам не принадлежат. И тратите их на свадьбу дочери. Это, знаете, звучит как начало очень плохого тоста.

Молчание. За окном ехали машины, шли люди — обычный лондонский день, равнодушный ко всему.

— Я верну, — сказал Брасс. — Клянусь. Через неделю.

— Через неделю. — Рой смотрел на него без враждебности, без давления. просто смотрел, как смотрят на задачу, которую нужно решить.

— Колин, вы вчера звонили в страховую компанию. Уточ-

няли условия личной защиты.

Брасс побелел.

— Откуда вы...

— Откуда я что?

— Знаете.

— Это Лондон. Здесь все знают. — Рой встал, одернул пиджак. — Это меня не беспокоит. Артур Синклер не заинтересован в вашей смерти, Колин. Он заинтересован в своих деньгах. Это разные вещи. Первое, хлопотно и некрасиво. Второе, просто бухгалтерия. — Рой поправил очки.

— Меня беспокоит другое. — Он наклонил голову чуть в сторону. — Вы звонили в страховую в понедельник. В пятницу до этого вы встречались с бухгалтером отеля. В среду перед этим, с поставщиком столового серебра, который, по интересному совпадению, выставил счет на тридцать процентов выше рыночной цены. — Пауза. — Это любопытная цепочка, Колин. Я ее запомнил.

Брасс сидел неподвижно. Его руки на столе стали совсем белыми.

— Через неделю, — сказал Рой и встал. — Только деньги Артура. Остальное меня не касается. Пока.

Он вышел, не дождавшись ответа. Ответ был не нужен, решение уже было принято, причем не Брассом.

◇◇◇

Вилла Ашер просыпалась по-разному. Иногда в шесть, если был ранний звонок от клиента. Иногда в девять, если на-

кануне работала допоздна.

Сегодня будильник прозвенел в семь, и она, не открывая глаз, нашарила телефон, чтобы отключить его. На грудь тут же легло что-то теплое и пушистое.

— Царица, — пробормотала она. — Ты меня задушишь.

Белая персидская кошка посмотрела на хозяйку с выражением «ты сама виновата, что не покормила меня вчера перед сном» и требовательно мяукнула. Вилла вздохнула, ссадила кошку с груди и села в постели.

Квартира над книжной лавкой в Блумсбери была маленькой, но уютной. Книги повсюду, на полках, на полу, на подоконнике. Эскизы, заметки, чашки с остатками чая. Беспорядок, который она называла «творческим». Царица не одобряла.

Она покормила кошку, заварила себе чай с мятой и села за стол, открывая ноутбук. Сегодня нужно было доделать концепцию для саудовского клиента, вечер в стиле «арабской ночи», но без пошлости, с глубокими культурными референсами. Она работала над этим две недели, и сегодня должна была представить финальную версию. Встреча в «Дорчестере» в три часа.

Вилла любила свою работу. Она создавала миры. Не просто мероприятия — переживания. Люди платили ей за то, чтобы на несколько часов забыть, кто они, и стать частью чего-то большего. Она использовала древние ритуалы, символику, музыку, свет, запахи — все, чтобы гости выходили

с ощущением, что прикоснулись к чему-то запретному или вечному. Клиенты называли ее ведьмой. Она не возражала.

В полдень позвонила ассистентка саудовского клиента. Британский акцент, ледяной тон.

— Мисс Ашер, я вынуждена сообщить, что Его Высочество отменяет встречу. Выбор пал на другое агентство.

Вилла закрыла глаза, досчитала до пяти и ответила ровным голосом:

— Понимаю. Передайте Его Высочеству, что я желаю ему найти ровно ту магию, которую он ищет.

Она положила трубку. Посмотрела на Царицу.

— Твою мать, Царица.

Кошка медленно моргнула, что означало: «Я тебе сочувствую, но моя миска все еще полупустая».

Вилла встала, налила себе еще чаю и села обратно. Смотреть в стену. Две недели работы. Две недели вдохновения. Все впустую. Она не плакала из-за работы. Она злилась. Тихо, глубоко, так, как умела.

Она допила чай, взяла ключи и вышла из квартиры. Спустилась на второй этаж, в офис.

Маленькая комната с большим окном на тихую улицу. Два стола, книжные полки с папками, доска с эскизами. За одним из столов уже сидела Флоренс, с двумя кружками в руках, с планшетом под мышкой и с выражением лица, которое говорило: «Я все знаю, и у меня есть план».

Флоренс подняла голову, посмотрела на Виллу поверх оч-

ков, она носила их, только когда работала со сметами, считая, что так она выглядит умнее.

— Ну, и что ты будешь делать? — спросила она, ставя кружку перед Виллой.

— Работать дальше, — Вилла села за свой стол и щелкнула по клавиатуре с такой силой, будто клавиши были виноваты в случившемся.

— Ты в курсе, что он выбрал агентство, которое просто вешает золотую фольгу на стены и зовет это «восточной ночью»?

— В курсе. Клиент всегда прав, даже когда он идиот.

Флоренс протянула ей кружку, чай с мятой, как Вилла любила.

— Ладно. Тогда вот тебе список того, что мы делали на этой неделе. Потому что если мы не выставим счета завтра, я буду продавать почку, чтобы расплатиться с поставщиком осветительного оборудования.

Вилла взяла планшет, пробежала глазами список из двадцати пунктов.

— Почему пункт 11, «купить новую кофеварку»?

— Потому что старая умерла. Как и моя вера в человечество. Но кофеварку мне обещали завтра.

Вилла хмыкнула. Впервые за последний час. Флоренс сочла это победой и вернулась к своему экрану. Вилла сидела за столом, просматривая список Флоренс. Двадцать пунктов. Кофеварка. Счета.

В дверь, не стучась, вошел Мик.

Немолодой, коренастый, с вечно растрепанными волосами и в куртке, которая видела лучшие дни лет десять назад. В одной руке, дымящаяся кружка без ручки, в другой, какой-то провод. Мик, технический директор, был из тех людей, которые видели все.

— Свет в туалете на первом этаже моргает, — сказал он вместо приветствия.

— И? — Вилла подняла голову от бумаг.

— Я поменял лампу. Но дело не в лампе. Проводка старая, изоляция сыплется. Я проверил щиток, там еще с восьмидесятих никто не менял. Если хочешь, чтобы однажды тут не замкнуло, надо звонить арендодателю.

— Позвоню.

— Сегодня. И кофеварка сломалась.

— Знаю. Флоренс уже заказала новую.

Мик покосился на Флоренс.

— Надеюсь, не с сенсорным управлением.

— С обычными кнопками, — ответила Флоренс, не поднимая головы от экрана. — Я помню, что ты ненавидишь сенсор.

— Ладно. — Мик сел на свой скрипучий стул в углу. — Слышал, саудовец слетел.

— Я в порядке, — сказала Вилла.

— Я не спрашивал.

Он отхлебнул из кружки, поморщился, кофе остыл, и по-

ставил ее на стол.

— Ладно. Закончишь с этим, скажи, куда едем дальше. Мне нужно знать, какое оборудование тащить.

— Сначала встречусь с лордом Эшфордом по поводу охоты в Суррее.

— Охота? — Мик поморщился, как от остывшего кофе.

— Фазаны, перепела и пьяные аристократы. Веселье.

— Деньги пахнут одинаково.

— Спорно. Но ладно. Скажешь, приеду.

Он встал, взял кружку, направился к двери.

— И привези завтра нормальные кружки.

Флоренс подняла голову.

— Уже едут.

— Посмотрим.

Флоренс, проводила его взглядом и покачала головой.

— Он придет через пять минут, потому что забыл свой провод.

Через пять минут Мик вернулся, забрал провод и ушел снова, не сказав ни слова.

Вилла посмотрела на Флоренс.

— Зачем ему провод?

— Понятия не имею. Я перестала задавать вопросы после того, как он починил проектор за час до открытия, используя скотч, жевательную резинку и молитву.

Вилла вздохнула и вернулась к списку

Через час Вилла позвонила другому клиенту — лорду

Эшфорду, который хотел «что-то эдакое» для охоты в Суррее. Подтвердила встречу на завтра.

Флоренс, услышав имя лорда Эшфорда, подняла голову и многозначительно подняла бровь, но ничего не сказала. Ее бровь означала: «Надеюсь, этот не окажется идиотом».

Вилла проигнорировала ее. Потом собрала портфель — старые карты Лондона, эскизы, бутафорские монеты, — и вызвала такси. В «Дорчестер» все равно нужно было заехать: забрать кое-какие материалы, оставленные там после предыдущего мероприятия.

Она не знала, что этот визит изменит ее жизнь.

Дождь начался, когда Вилла выходила из «Дорчестера». Мелкий, противный, лондонский. Она раскрыла зонтик, который тут же сломался под порывом ветра. Выругалась сквозь зубы, сунула бесполезный остов в урну и накинула капюшон плаща. В одной руке, тяжелый портфель, в другой, телефон, на который сыпались сообщения от поставщиков. Она не смотрела вперед. Она вообще редко смотрела вперед, когда шла по улице, привыкла, что мир подстраивается под нее.

Рой вышел из отеля через главный вход. Поправил воротник тренча и задержался под козырьком, оценивая дождь. Хейл должен был подъехать с минуты на минуту.

Вилла свернула за угол, пытаясь укрыться от ветра, и одновременно нашаривала в сумке пачку сигарет. Голова опу-

цена, глаза в телефоне. Она не видела его. Он не видел ее.

Столкновение было неизбежным.

Удар вышел глухим. Портфель вылетел из ее рук, раскрылся в воздухе, и содержимое, листы плотной бумаги, эскизы, монеты, старая карта лондонских катакомб — веером рассыпалось по мокрому асфальту. Вилла пошатнулась, схватилась за чье-то плечо. За чей-то бицепс. Твердый, как камень, обтянутый дорогим кашемиром.

Рой среагировал мгновенно. Удар. Контакт. Женщина. Угрозы нет. Он не отшатнулся — просто замер, позволяя ей восстановить равновесие, и посмотрел вниз.

Она была ниже его на голову. Темные волосы, выбившиеся из-под берета, мокрые от дождя. Бледная кожа, острые скулы. И глаза — болотная зелень с золотыми крапинками, которые в свете уличного фонаря вспыхнули яростью и досадой. Она подняла голову, и их взгляды встретились.

— Прошу прощения, — сказала она, опускаясь на корточки. Голос низкий, с хрипотцой. — Моя вина. Смотрела в телефон. С вами все в порядке? Ничего не сломала?

Последняя фраза была с легкой иронией. Она понимала, что врезалась в скалу, а не в хрустальную вазу.

Рой опустился рядом. Поднял один из листов — эскиз лабиринта, нарисованный тушью. Дождь уже размывал края. Он аккуратно стряхнул капли, прежде чем протянуть ей.

— В порядке. Вам помочь?

Вилла замерла, глядя на его руки. Длинные пальцы, про-

ступающие вены. Она подняла глаза на его лицо — борода с проседью, темно-русые волосы зачесаны назад, квадратные очки в коричневой оправе. Необычное лицо. Запоминающееся.

— Будьте добры. Этот лист... если он испорчен, я кого-нибудь убью сегодня вечером.

Уголок его рта дрогнул — тень улыбки.

— Судя по рисунку, у вас есть план, как избавиться от тела. Лабиринт. Символизм понятен.

Она замерла. Он знает. Не просто узнал фигуру — понял смысл.

— Вы знаете, что это не просто круги?

Он встал, протянул ей руку. Хватка крепкая, вежливая.

— Я знаю, что в центре лабиринта Минотавр. И обычно туда лучше не соваться без нити Ариадны.

Подъехал черный Ягуар. Рой отпустил ее локоть — ровно в тот момент, когда она восстановила равновесие.

— Доброго вечера.

Он сел в машину. Ягуар отъехал и растворился в дожде.

Вилла осталась стоять, прижимая к груди мокрый эскиз лабиринта. Станный мужчина. Странная встреча. Она посмотрела на лист — на одном краю остался след от его пальцев. Хмыкнула, сунула бумаги в портфель и пошла ловить такси. Дома ждали Царица, чай и новая концепция для лорда Эшфорда. Некогда думать о незнакомцах с очками в коричневой оправе.

В машине Рой смотрел в окно. Правая ладонь еще чувствовала тепло ее локтя. Он потер пальцы друг о друга, словно стирая это ощущение, и переключился на мысли о предстоящей встрече в Бирмингеме. Странная женщина. Но Лондон полон странных людей. Он ее больше не увидит.

Хейл смотрел прямо.

— Неделя, — сказал Рой, возвращаясь к Брассу.

— Принято.

— И пусть он думает, что мы следим за его телефоном.

— Мы следим за его телефоном.

— Я знаю. Пусть он тоже знает.

Хейл тронул машину.

— Как он? — спросил он через минуту.

— Страшно. Но заплатит.

— Люди, которым страшно, иногда делают глупости.

— Колин Брасс не сделает. Он трус. Трусы — самые предсказуемые клиенты.

— Хуже умных или хуже злых?

Рой подумал.

— Умные иногда находят выход. Злые иногда решаются.

Трусы всегда платят. Просто нужно дать им время осознать, что других вариантов нет.

Хейл переставил зубочистку.

— Философия? — сказал он.

— Наблюдение, — ответил Рой.

Хейл хмыкнул. Это был его максимум.

Глава 2

Следующие дни прошли как обычно. Работа, тренировки, отчеты, звонки. Рой не думал о женщине с лабиринтом. Иногда, поправляя очки, он вспоминал ее глаза, но тут же отгонял мысль. Мало ли кого встретишь на улице. Артур дал новое задание — проверить поставщика в Бирмингеме, который, по слухам, начал работать на сторону. Рой съездил, поговорил, убедился, что слухи ложные, вернулся. Рутину. То, что он умел лучше всего.

Один раз, поздно вечером, он открыл ноутбук, чтобы проверить почту, и на пару секунд задумался. Женщина с лабиринтом. Кто она? Организатор мероприятий, судя по эскизам. Работает с масонской символикой, старыми картами. Интересно. Он закрыл ноутбук и пошел спать. Любопытство — не порок, но и не добродетель. У него дела поважнее.

Через несколько дней Артур упомянул, что лорд Эшфорд нанял какую-то женщину-организатора для своей охоты. «Говорят, она ведьма. Превращает скучные приемы в ритуалы. Элинор слышала о ней от кого-то». Рой кивнул, не придав значения. Имя не прозвучало.

Вилла завалила себя работой. Концепция для охоты в Суррее требовала полной переделки — лорд Эшфорд хотел «тюдоровскую готику с элементами язычества», и она

с головой ушла в эскизы, сметы, переговоры с подрядчиками. Некогда было думать о мужчине с очками в коричневой оправе.

Но пустая ваза на подоконнике мозолила глаза. Вилла никогда не держала цветов дома — они умирали, а она не любила наблюдать умирание. Но однажды, проходя мимо цветочного магазина, она остановилась. Белые пионы. Ее любимые. Она купила букет, принесла домой, поставила в вазу. Царица обнюхала цветы и чихнула.

— Это просто цветы, — сказала Вилла кошке. — Никакого скрытого смысла.

Царица посмотрела на нее с выражением «врешь» и ушла на подоконник.

Через несколько дней пионы завяли. Вилла выбросила их и не купила новые. Работа, работа, работа. Все остальное — потом.

Брасс не заплатил через неделю.

Это не было сюрпризом. Рой знал это с момента, как вышел из его кабинета в первый раз — по тому, как Брасс держал руки на столе, по тому, как смотрел в сторону, когда говорил про свадьбу дочери. Люди, которые собирались платить, смотрели в глаза. Люди, которые тянули время, смотрели куда угодно, кроме.

Он дал ему десять дней вместо семи. Просто чтобы Брасс успел почувствовать, что пронесло.

На одиннадцатый день Рой приехал снова. Без предупреждения. Хейл остался у машины.

Брасс был на месте — сидел за своим столом, смотрел в окно на Парк-лейн, и по тому, как он обернулся, когда открылась дверь, было понятно: ждал. Не конкретно Роя — просто ждал, что кто-нибудь придет.

— Мистер Кейн, — сказал он. Голос ровный. Почти.

— Колин. — Рой сел. Не туда, куда в прошлый раз — в другое кресло, откуда был другой угол обзора. Маленькая деталь, которую Брасс заметил и не понял почему. — Расскажите мне, как прошла свадьба.

— Хорошо. — Брасс сглотнул. — Очень хорошо.

— Рад слышать. Молодые довольны?

— Да, они...

— Отлично. — Рой поправил очки. — А теперь расскажите мне, почему деньги не вернулись вместе с вашим хорошим настроением.

Брасс открыл ящик стола. Достал конверт.

— Здесь часть, — сказал он. — Остальное — в течение месяца. Я клянусь. У меня сейчас—

— Колин. — Рой не взял конверт. — Вы помните, что я вам говорил про страховую полис?

— Да, но я—

— Вы помните, что я говорил про то, что Артур Синклер не заинтересован в вашей смерти?

— Да.

— Хорошо. — Пауза. — Потому что я хочу, чтобы вы понимали: это по-прежнему правда. Артур действительно не заинтересован в вашей смерти. — Рой взял конверт. Взвесил в руке. — Но он заинтересован в том, чтобы вы понимали: следующий разговор будет не со мной.

— А с кем?

Рой положил конверт на стол. Встал.

— Колин. Вы работаете в индустрии гостеприимства тридцать лет. Вы умеете читать людей. — Он застегнул пиджак. — Подумайте об этом вопросе сами.

Он вышел. В коридоре — мимо портье, мимо гостей с багажом, мимо официанта с подносом. Вышел на Парк-лейн, сел в машину.

— Часть? — спросил Хейл.

— Часть.

— Что дальше?

— Ничего. Он заплатит.

— Когда?

— Когда поймет, что следующий разговор будет не со мной.

Хейл переставил зубочистку.

— А кто следующий?

— Никто. Но он этого не знает.

Хейл кивнул с видом человека, который ценит экономию ресурсов.

— Изящно, — сказал он.

— Бухгалтерия, — ответил Рой.

Через три недели Хейл доложил в машине. Кратко, как всегда — лишних слов не было в его природе.

— Брасс заплатил.

— Все?

— Все. С процентами.

Рой смотрел в окно. За стеклом плыл Мейфэр — дорогой, самодовольный, вечный.

— Как?

— Уволили позавчера. — Хейл переставил зубочистку. — Правление «Дорчестера» получило анонимный пакет. Подробный. Семь лет скимминга. Поставщики, склады, банкетные счета. Очень аккуратно составленный документ. С таблицами.

— Кэт любит таблицы.

— Все любят таблицы, когда они правильно составлены.

Рой помолчал.

— Сколько он скимал?

— По нашим подсчетам — около восьмидесяти тысяч за семь лет. Из разных источников. Наши деньги — меньше пяти процентов от общей суммы. — Пауза. — Он брал у всех. Просто по чуть-чуть, чтобы не заметили.

— Заметили.

— Теперь — да.

Рой смотрел в окно. Брасс думал, что проблема — это

долг Синклеру. На самом деле проблема была в том, что он воровал системно, трусливо, маленькими порциями, и думал, что это его защищает. Мелкий вор — это не менее опасно, чем крупный. Просто сложнее поймать.

— Что с ним теперь?

— Дочь только вышла замуж. Зять узнал. Они сейчас не разговаривают. — Хейл помолчал. — Еще он попал в реестр ненадежных работников гостиничной отрасли. Анонимно. Работы в индустрии ему не найти.

— Артур сказал «не сломай его».

— Он жив, — сказал Хейл. — Руки-ноги целы. Брасс просто больше не существует в своем мире. — Пауза. — Это разные вещи.

Рой ничего не ответил. За окном Мейфэр сменился Найтсбриджем. Он думал о Брассе — о том, что тот семь лет клал чужое в карман и думал, что умнее всех. О том, что люди, которые воруют по чуть-чуть, всегда думают что умнее всех. О том, что они почти всегда ошибаются.

— Хейл.

— Что.

— Ты сказал Кэт спасибо?

— Нет.

— Почему?

— Потому что она не делала этого специально для нас.

Она делала это потому, что он ей не понравился.

Рой чуть наклонил голову.

— Кому он нравился.

— Никому, — согласился Хейл. — В этом и была проблема.

◇◇◇

Артур Синклер просыпался поздно, если позволял график. Сегодня позволил. Он лежал в постели, глядя в потолок спальни своего дома в Хэмпстеде, и слушал, как внизу Элино́р готовит кофе. Ее шаги он узнал бы из тысячи.

Они были женаты пятнадцать лет. Артур до сих пор не понимал, как ему так повезло. Элино́р была не просто красивой женщиной — она была опасной. Владелица элитного стрелкового клуба в Суррее, куда ходили только избранные. Она сама тренировала клиентов, и ее репутация в определенных кругах была не менее внушительной, чем его. Артур обожал ее. Иногда ему казалось, что это единственное чистое чувство в его жизни.

Он спустился на кухню. Элино́р стояла у плиты, в шелковом халате, с идеально уложенными волосами. Она всегда выглядела так, будто только что вышла из салона, даже в семь утра.

— Кофе готов, — сказала она, не оборачиваясь. — Черный, как ты любишь.

— Ты ведьма.

— Я знаю. Садись.

Он сел, взял чашку, сделал глоток. Элино́р села напротив, поджав ноги, и посмотрела на него своими темными глазами

— теми самыми, что видели насквозь.

— Что у тебя сегодня?

— Встреча с юристами. Потом надо съездить в клуб, проверить новые поступления. Рой занимается «Дорчестером».

— Как он?

— В порядке. Ты же знаешь, он всегда в порядке.

— Он никогда не в порядке, Артур. Он просто хорошо это скрывает.

Артур хмыкнул. Элинор была права, как всегда. Рой был лучшим из его людей, но он был пустым. Функционирующим механизмом. Артур иногда думал, что Рою не хватает чего-то — или кого-то, — чтобы стать живым.

— Лорд Эшфорд устраивает охоту через пару недель, — сказал он. — Поедешь со мной?

— Если там не будет слишком много идиотов.

— Идиоты будут. Но я обещаю тебе отдельную винтовку и мишени.

— Тогда поеду.

Она улыбнулась уголком губ. Артур потянулся через стол и взял ее руку.

— Я люблю тебя, ты знаешь?

— Знаю. Ты говоришь это каждое утро.

— Потому что это правда.

Она сжала его пальцы, потом встала и пошла одеваться. Артур допил кофе и подумал, что, несмотря на всю грязь его бизнеса, этот дом, эта женщина, это утро — чисты. И ради

ЭТОГО СТОИЛО ЖИТЬ.

Глава 3

Клуб «Те Артс» — место, где старые деньги встречались с новыми деньгами и делали вид, что знакомы давно. Ковры семнадцатого века, стены в дубовых панелях, запах сигар и репутации. Артур любил такие места — не потому что ему нравилась атмосфера, а потому что понимал: переговоры в правильном интерьере экономят час времени. Он уехал в половине первого, хлопнув Роя по плечу:

— Дожми их вежливо. Без крови на коврах. Ковры не мои, но Эшфорд расстроится.

— Ковры в порядке, — сказал Рой.

— Рой, это образно.

— Я понял. Ковры в порядке.

Артур посмотрел на него с видом человека, который не был уверен, шутят с ним или нет. С Роем он никогда не был уверен. В этом была определенная польза.

Ирландцев было трое. Старший — Тэдди Морган, рыжий, сорок пять лет, с лицом человека, который привык к тому, что его недооценивают, и научился это использовать. Двое сопровождающих — один для веса, один для вида. Стандартная делегация для переговоров, которые обе стороны считают разведкой.

Тоби стоял у стены. Он стоял там с момента, как гости вошли, — руки перед собой, взгляд направлен примерно в се-

редину пространства между стеной и ирландцами. Не угрожающий, не пустой. Просто присутствующий. Сто двадцать килограммов флегматичного бирмингемского абсолютного покоя в костюме, который явно шили с надеждой на лучшее. Тэдди посмотрел на него один раз — ровно при входе. Больше не смотрел. Это был стандартный ответ.

Рой говорил тридцать семь минут. Он не торопился — никогда не торопился в переговорах, потому что понимал: спешка выдает нужду, а нужды у него не было. Семьдесят процентов маршрута. Без исключений. Без обсуждения процентного соотношения. Единственный вопрос, открытый для переговоров — сроки.

— Это жестко, — сказал Тэдди. Первое, что он сказал за полчаса.

— Это арифметика, — сказал Рой. — Если вам нужно — посчитайте на салфетке.

— Нас такие условия не устраивают.

— Тэдди. — Рой поправил очки. — Нас такие условия тоже не устраивали бы, если бы мы были на вашем месте. К счастью, мы не на вашем месте.

Тэдди посмотрел на него. Потом на Тоби. Потом снова на Роя.

— А если мы откажемся?

— Тогда вы откажетесь. Это ваше право. Вы вернетесь в Дублин, расскажете своим людям, что переговоры с Синклером не сложились. Они спросят почему. Вы объясните. —

Пауза. — Вам нужны детали объяснения, или вы справитесь самостоятельно?

Тэдди молчал. Один из сопровождающих начал что-то говорить — Рой чуть повернул голову. Ровно на градус. Сопровождающий замолчал.

— Неделя на решение, — сказал Рой. — Артур — человек терпеливый. В разумных пределах.

Он встал. Застегнул пиджак — одной рукой, без взгляда, привычным движением.

— Хорошего вечера, Тэдди.

На улице Тоби нашел его у машины. Бирмингемский акцент растянул первое слово:

— Хоро-ошая встреча.

— Нормальная.

— Тэдди нервничал.

— Все нервничают.

— Нет. — Тоби покачал головой с видом человека, который имеет в виду что-то конкретное. — Не все. Большинство — просто боятся. А Тэдди нервничал. Это другое.

Рой посмотрел на него.

— Разница?

— Страх — это реакция. Нервозность — это ожидание. Тэдди чего-то ждал. Ответа. Знака. Не знаю. — Тоби помолчал. — Мне он не нравится.

— Почему?

— Не знаю. Просто не нравится. Иногда бывает. Цветы то-

же иногда не нравятся, а потом оказывается, что корни гнилые.

Рой хотел что-то ответить, но не стал. С Тоби лучше было не углубляться в метафоры — там обнаруживалась неожиданная глубина, которая в половине второго ночи была несколько избыточна. Но согласился.

— Возможно.

— Не возможно. Точно. У него такое лицо. — Тоби посмотрел на Роя с выражением человека, который только что сформулировал аксиому. — Люди с таким лицом всегда возвращаются. Я за тридцать лет ни разу не ошибся.

— Тридцать лет чего?

— Жизни. Я с детства наблюдаю.

Рой некоторое время смотрел на него. Тоби смотрел обратно — спокойно, без спешки, как смотрят на погоду.

— Езжай домой, Тоби.

— А ты?

— Подожду машину. Хейл должен подогнать.

Тоби кивнул, обошел свой старенький «Ленд Ровер» и уехал. Рой остался на тротуаре.

Теперь он стоял, вдыхая холодный ночной воздух, и ждал, пока подгонят Ягуар. Внутри было привычное ничто. Работа сделана. Можно ехать домой.

Вилла стояла в двадцати футах от него, в углублении между двумя зданиями, где фонарь не доставал до тротуара. Она вышла из клуба через служебный вход. Лорд Эшфорд устро-

ил здесь «неформальную встречу» со своими друзьями-аристократами, чтобы обсудить грядущую охоту. Виллу пригласили «на минутку» — представить концепцию. Минутка растянулась на два часа. Она сидела за столом с людьми, чьи фамилии были вписаны в историю Британии еще при Тюдорах, и слушала, как они спорят о том, можно ли использовать живых соколов или лучше чучела. Она улыбалась, кивала, делала пометки, а внутри медленно закипала ярость пополам с тоской. Когда лорд Эшфорд наконец отпустил ее, она вышла через кухню и теперь стояла в переулке, прислонившись спиной к холодной кирпичной стене, и пыталась закурить. Зажигалка, купленная утром в киоске за два фунта, отказывалась работать. Она щелкала колесиком — раз, другой, третий. Искра вспыхивала и гасла. Огонь не зажигался.

— Черт, — выдохнула она в холодный воздух.

Рой услышал. Не ругательство — голос. Низкий, обволакивающий, с хрипотцой. Он повернул голову медленно, как сова, выслеживающая мышь в траве. В темноте переулка он различил силуэт. Женщина. Длинное темное пальто, распущенные волосы, в руке — сигарета, в другой — бесполезная зажигалка. Она стояла, чуть ссутулившись, и в этой позе было что-то смутно знакомое. Он мог пройти мимо. Ягуар уже выезжал из-за угла. Но вместо этого он сделал несколько шагов в темноту, на ходу вытаскивая из кармана «Зиппо» — тяжелый, серебряный, подарок Артура на какую-то годовщину. Артур тогда сказал: «Держи, на случай если за-

хочешь что-то сжечь. Или кого-то». Рой не улыбнулся, но зажигалку носил постоянно. Он подошел бесшумно. Остановился в полушаге. Поднял руку. Щелк. Ровное, уверенное пламя вспыхнуло в дюйме от кончика ее сигареты, осветив снизу лицо. Острые скулы, темные круги под глазами, полные губы. И глаза — болотная зелень, в которой сейчас, в свете огня, плясали золотые искры.

Вилла вздрогнула. Не от испуга — от узнавания. Она подняла взгляд от огня к лицу и встретилась с холодными серо-голубыми глазами, спрятанными за стеклами очков в коричневой оправе. Та же борода с проседью, та же прямая спина. Мужчина с Парк-лейн. Она медленно, не разрывая зрительного контакта, поднесла сигарету к пламени и затянулась. Кончик заалел. Дым смешался с паром из ее рта.

— Спасибо. Вы спасли вечер. Я уже готова была тереть палочки друг о друга, как дикарка.

Рой захлопнул зажигалку, убрал в карман, но с места не сдвинулся.

— Вы знаете, что это убивает.

— Вы носите с собой инструмент для убийства, — она кивнула на его карман.

— Я ношу его для контроля огня. Вы используете его для медленного самоуничтожения. Разница в подходе.

Вилла усмехнулась уголком рта.

— Резонно. Вы всегда такой приятный собеседник в два часа ночи в темном переулке?

— Зависит от того, кто стоит в темном переулке. Вы здесь работаете или ждете неприятностей?

Она затянулась, глядя на него.

— Работаю. Создаю неприятности для своего рассудка. А вы? Судя по тому, как вы вышли из клуба, вы там не шампанское пили. Слишком прямая спина для пьяного. И глаза слишком трезвые.

Он молчал секунду.

— Я обеспечиваю, чтобы у людей, пьющих шампанское, не возникало неприятностей с законом гравитации и прочими физическими явлениями.

— Красиво сказано. Я запомню этот эвфемизм.

Она сделала последнюю затяжку, затушила сигарету о подошву туфли и, завернув окурок в салфетку, сунула в карман. Рой заметил это. Чистоплотна. Не мусорит даже в темном переулке. Ягуар стоял у тротуара.

— Мне пора, — сказал он, не двигаясь.

— Да, — согласилась она, тоже не двигаясь.

Пауза. Долгая, натянутая, как тетива лука. Вилла смотрела на его руки — большие, с проступающими венами. Вспомнила, как эти руки стряхивали капли с ее эскиза. Рой смотрел на ее губы, потом отвел взгляд.

— Доброй ночи.

Он развернулся и пошел к машине. Вилла смотрела ему вслед. Мокрая шерсть пальто обтягивала широкие плечи. Походка человека, который знает, куда идет. Ягуар уехал.

Она осталась в переулке одна, прислонилась затылком к холодному кирпичу и закрыла глаза. Странное чувство. Как будто что-то сдвинулось, но она еще не поняла, что именно.

— Даже имени не спросил, — прошептала она. — И я не спросила.

В Ягуаре Рой смотрел в окно. Он узнал ее. Женщина с лабиринтом. Два случайных пересечения за короткий срок. Для Лондона это редкость. Он вытащил «Зиппо», повертел в пальцах. Она затушила сигарету и завернула окурки в салфетку. Чистоплотна. Интересно. Он убрал зажигалку в карман.

Вилла вернулась домой в третьем часу ночи. Царица встретила ее у двери с выражением «ты где шляешься, я голодная». Вилла покормила кошку, скинула пальто и села на пол в гостиной, привалившись спиной к дивану. Странный вечер. Странная встреча. Она думала о мужчине с «Зиппо». Тот самый, с Парк-лейн. Два раза за короткое время. Для Лондона это необычно. Она не верила в судьбу, но совпадение заставило задуматься. Царица забралась ей на колени и замурчала. Вилла гладила ее и смотрела в стену.

— Что думаешь, Царица? Случайность?

Кошка медленно моргнула.

— Вот и я не знаю.

На следующий день она позвонила Кларе.

— Помнишь, я рассказывала про мужчину с Парк-лейн?

Того, что поднял мой лабиринт.

— Который разбирается в греческой мифологии? Помню.
А что?

— Я встретила его снова. Вчера ночью. В переулке у «Те Артс». Он зажег мне сигарету.

Пауза.

— И?

— И ничего. Мы поговорили пару минут, и он ушел. Даже имени не спросил. Я тоже.

— Вилла. Ты безнадежна.

— Знаю.

Они поговорили еще немного, потом Вилла отключилась и села работать. Концепция для охоты в Суррее была почти готова. Лорд Эшфорд хотел «тюдоровскую готику с элементами язычества», и она придумала факельное шествие, живых соколов и ритуал очищения огнем. Работа спасала от лишних мыслей. Но иногда, глядя на пустую вазу на подоконнике, она вспоминала его руки. И ей хотелось снова купить пионы.

◇◇◇

На следующий день Рой проснулся как обычно. Тренировка, душ, кофе. Все по расписанию. Но мысль о женщине из переулка сидела в голове, как заноза. Он не любил незакрытые вопросы. Два пересечения за короткое время — Парклейн и теперь переулок у «Те Артс». Для Лондона это редкость. Он прокрутил в голове их короткий разговор. Она вы-

шла из клуба, работала с лордом Эшфордом, судя по контексту. Организатор. Курит редко, только в стрессе. Затушила сигарету и завернула окурки в салфетку — не мусорит. Интересная деталь. Он потерял переносицу под очками и заставил себя переключиться на работу. Ни имени, ни фамилии — проверять нечего. Просто женщина. Просто совпадение. Он выбросил ее из головы и поехал на встречу с Артуром. Работа не ждет.

Вечером он вернулся домой, поужинал, просмотрел отчеты. Перед сном поймал себя на том, что вспоминает ее глаза в свете пламени. Он закрыл глаза и заставил себя думать о завтрашнем дне. Встреча с юристами, потом доки, потом сводка от людей. Никаких женщин из переулков. Только работа.

Глава 4

Суррей в середине ноября — открыточная Англия. Зеленые холмы, аккуратные изгороди, вековые дубы и воздух, пахнущий старыми деньгами.

Поместье лорда Эшфорда, Хэдли-Корт, располагалось в самой глубине этого великолепия — георгианский особняк из серого камня, увитый плющом, с конюшнями и собственным оленьим парком.

Вилла приехала за два дня до охоты и жила в гостевом крыле, которое превратила в штаб. Леди Эшфорд хотела «что-то в духе Тюдоров, но без крови, дорогая, я веган». Вилла выслушала, сохранив профессиональную улыбку, а про себя подумала, что Тюдоры без крови — как рыба без воды. Но деньги платили хорошие, и она взялась за дело.

Утром первого дня, Вилла обходила помещения. Флоренс сидела в импровизированном штабе — бывшей малой гостиной, переоборудованной под офис, — и сверяла смету. Мик настраивал свет в большом зале.

Вилла нашла Дэна в соседней комнате, которую отдали под мастерскую. Он сидел на корточках перед стеной, приставив к ней лазерный уровень, и что-то бормотал себе под нос. Рядом валялись рулоны плотной бумаги с эскизами, карандаши и наполовину пустая кружка с остывшим чаем.

— Дэн, — сказала Вилла. — Ты должен был закончить два часа назад.

— Я закончу, когда пойму, — ответил он, не оборачиваясь.

— Что именно ты пытаешься понять?

— Почему стена здесь такая кривая.

Вилла подошла ближе. Стена выглядела нормально.

— Она не кривая. Это старое здание, у него могут быть нюансы.

— Не могут, — отрезал Дэн. — Я проверял уровнем. Перепад — полтора сантиметра на метр. Это не нюанс, это катастрофа.

Он наконец поднялся, выпрямился и посмотрел на Виллу. Невысокий, жилистый, с вечно взлохмаченными волосами и пятнами краски на джинсах, которые не отстирывались уже, наверное, с прошлого года. В руках он держал эскиз — набросок того, как должен выглядеть зал к вечернему приему.

— Полтора сантиметра — это проблема, — признала Вилла.

— Это проблема, — согласился Дэн. — Если я повешу те гобелены на эту стену, они будут выглядеть так, будто их повесил пьяный. А если я сделаю то, что предлагал изначально — подвинуть их на два метра вглубь — они съедят пространство для танцев.

— И что ты предлагаешь?

— Я уже нашел решение. — Он развернул эскиз. — Мы не

вешаем гобелены на эту стену вообще. Вместо этого — вот здесь, здесь и здесь — делаем вертикальные флаг-ткани на каркасах. Они создадут иллюзию колонн, скроют кривизну стены, и у нас останется пространство для танцев.

Вилла изучила эскиз. Решение было неожиданным и правильным.

— Ты сделаешь до вечера?

— Я сделаю до трех ночи. Отсыпаться буду после.

Вилла хмыкнула. Дэн снова присел к стене, проверяя уровень.

— И Дэн, — окликнула она. — Свет для факелов ты настроил?

— Мик занимается светом. Это его зона.

— А твоя зона?

— Моя зона — чтобы пространство не выглядело как дешевый бордель.

Он взял эскиз, карандаш и начал вносить правки, даже не подняв головы. Вилла оставила его и вернулась в штаб по пути заглянув в большой зал, где Мик возился с пультом.

— Свет готов?

— Уже. — Он щелкнул тумблером, и на стене вспыхнул сложный узор из теней. — Факелы синхронизировал с музыкой. Не подведет.

— Хорошо.

— Слышал, Дэн кривую стену нашел?

— Нашел.

— И что?

— Решил. Флаг-ткани.

Мик хмыкнул.

— Он справится. Всегда справляется..

На утро второго дня.

Телефон завибрировал. Лорд Эшфорд.

Вилла ответила, стараясь говорить ровно.

— Мисс Ашер, я смотрю на гобелены в восточном крыле,

— голос лорда был напряженным. — Это не то, что мы обсуждали.

— Лорд Эшфорд, я понимаю ваше недовольство, — сказала Вилла, стоя у окна. — Но гобелены, которые вы хотели, физически не могли быть установлены за отведенное время...

— Кто за это отвечает? — перебил он. — Ваш декоратор? Как его... Дэн? Я хочу поговорить с ним.

Вилла сжала телефон чуть сильнее.

— Вы говорите со мной, лорд Эшфорд. Дэн предложил альтернативу, и она работает. Решение принимала я.

— Но он обещал мне те гобелены! Он лично приезжал, смотрел, говорил, что все будет в лучшем виде!

— Он не мог знать, что стена окажется кривой, — ровно сказала Вилла. — Мы выяснили это только вчера, когда начали монтаж. Замена гобеленов на флаг-ткани была единственным способом сохранить пространство для танцев и уложиться в сроки.

— Я не заказывал флаг-ткани. Я заказывал гобелены.

— Вы заказывали вечер, который произвел бы впечатление на гостей. Флаг-ткани не будут висеть на стене — они создадут иллюзию колонн. Ваши гости даже не поймут, что что-то было заменено. Они увидят только то, что должны увидеть.

Пауза. Лорд Эшфорд молчал. Вилла добавила.

— Если вас по-прежнему не устраивает решение, через час я принесу эскизы и объясню на месте. Но к Дэну вы пойдете только через меня. Он делает свою работу. Не мешайте ему ее делать.

— Хорошо. Через час, — лорд Эшфорд повесил трубку.

Вилла положила телефон на стол.

Флоренс подняла голову.

— Он требовал Дэна?

— Требовал.

— А ты, как всегда, взяла весь огонь на себя?

Вилла посмотрела на нее. Флоренс не улыбалась. Не кивала. Просто смотрела.

— Главное, чтобы вы работали и вас ничего не отвлекало. Истерики клиентов, на мне, вся остальная магия на вас ребята — сказала Вилла.

— Знаю, — ответила Флоренс. — Поэтому мы здесь.

Она вернулась к смете. Вилла — к окну.

Через минуту в дверях появился Дэн — с эскизами в руках и с видом человека, который услышал свое имя издалека

и пришел проверить, не зря ли.

— Слышал, — сказал он. — Ты сказала, что решение было твоё.

— Было.

— Не было.

— Теперь было. — Вилла посмотрела на него. — Иди работай. И в следующий раз, когда клиент будет звонить, не прячься за Мика.

— Он звонил Мику?

— Он звонил всем. Я сказала, чтобы он звонил только мне.

Дэн хотел что-то добавить, но не стал. Кивнул и вышел.

Флоренс проводила его взглядом.

— Он никогда не скажет спасибо.

— Он скажет по-своему. Когда в следующий раз спасет мой проект за сутки до открытия.

— Ты слишком добра к ним.

— Я не добра. Я вижу, что они делают. И они знают, что я вижу.

Флоренс хотела возразить, но не стала. Вернулась к смете.

Вилла посмотрела на часы. До встречи с лордом Эшфордом был час. До начала охоты — три.

◇◇◇

К полудню гости собрались на террасе. Рой приехал с Артуром. Скука смертная. Фазаны, перепела, фальшивые улыбки. Артур был в своей стихии, лениво беседовал с лордом,

пил шерри, очаровывал леди Эшфорд. Рой стоял чуть позади, сканировал пространство и ждал, когда это закончится.

Вилла оставила команду доделывать последние штрихи, взяла лук и ушла на кромку леса, подальше от шума. Лонгбоу из тиса, почти в ее рост, она купила три года назад у мастера в Уэльсе. Стрельба из лука была единственным, что выключало ее внутренний процессор. Когда она натягивала тетиву, мир сужался до точки, мишени, и все остальное исчезало. Клиенты, сметы, лорд Эшфорд с его претензиями, Дэн с его кривыми стенами — все.

Она нашла старый гнилой пень в сотне ярдов, у подножия векового дуба. Достала стрелу, наложила на тетиву, выровняла дыхание.

Вдох. Выдох. Натяжение.

В голове — блаженная тишина.

А дальше — как в старом анекдоте: выходит из-за дерева мужчина.

Рой отошел от группы гостей, чтобы ответить на звонок Артура. Ничего срочного — обычная проверка от людей в доках. Он шел по тропинке к лесу, телефон прижат к уху, голос низкий и ровный. Закончил разговор, убрал телефон и уже собирался повернуть обратно, когда услышал звук.

Вжух.

Резкий, певучий свист рассекаемого воздуха. А затем — глухой, смачный тук древесины в футе от его виска.

Рой замер. Телефон выскользнул из пальцев в траву. Пра-

вая рука дернулась к бедру — чистый рефлекс, искать кобур, которой здесь не было. Взгляд метнулся к источнику звука. Стрела. Длинная, с серым оперением, глубоко вошла в ствол дуба ровно на уровне его головы. Древко еще вибрировало.

Он медленно повернул голову. В двадцати ярдах, за стволом другого дуба, стояла она. Женщина с луком. Та самая. Темные волосы собраны в хвост, узкие брюки для верховой езды, высокие сапоги, свитер крупной вязки. В руках, тисовый лонгбоу. Их взгляды встретились. В ее глазах не было ни страха, ни извинения. Только спокойный интерес.

— Вы всегда такая меткая или мне просто повезло? — голос Роя был тихим и ровным, как поверхность замерзшего озера.

Вилла опустила лук.

— Если бы я целилась в вас, вы бы сейчас истекали кровью в папоротнике. Я стреляла в пеня. Вам не стоило выходить из-за дерева. Это базовая техника безопасности на стрельбище.

— Это не стрельбище. Это поместье с кучей гостей.

— В сотне ярдов отсюда гости пьют шерри. Здесь, я и мой лук. Я слышала, как вы говорили по телефону. У вас громкий голос. Я ждала паузы. Вы замолчали. Я выстрелила. Расчет был верным.

Рой поднял телефон, отряхнул от листьев. Посмотрел на стрелу, потом на нее. На ее пальцы с мозолями от тетивы.

Она не врала. Она действительно его слышала и рассчитала все до сантиметра.

— В следующий раз, когда будете ждать паузы, убедитесь, что в радиусе поражения нет движущихся объектов. У вас хорошая техника, мисс...

— Ашер. Вилла Ашер. Но можно просто Вилла.

Она не спросила его имя. Ждала.

— Рой Кейн.

Вилла чуть склонила голову, пробуя имя на вкус.

— Приятно познакомиться официально, Рой Кейн. Хотя, признаться, я думала, ваше имя будет звучать как-то более устрашающе. Мордред, например.

— Разочарованы?

— Заинтригована.

Она повесила лук на плечо, закрепила стрелу в колчане и поправила берет.

— Вы будете на вечернем приеме?

— Буду. По работе.

— Я тоже. По работе. — Она наконец подняла на него глаза. — Тогда до вечера, Рой Кейн. Постарайтесь не попасть под стрелы до заката. У меня больше нет лишних.

Она развернулась и пошла в глубь леса, туда, где за деревьями виднелась тропинка, ведущая к конюшням. Рой смотрел ей вслед. Ветер трепал ее волосы, выбившиеся из хвоста. Она шла легко, несмотря на высокие сапоги и тяжелый лук на плече. Не оглянулась.

Рой поправил очки. На стеклах остался след от пальцев — он не заметил, как сжал их, когда выдергивал стрелу. Он достал платок, аккуратно протер стекла, убрал платок в карман. Потом развернулся и пошел обратно к террасе.

У террасы его перехватил Артур. Он стоял с бокалом шерри, щурясь на ноябрьское солнце, и выглядел до неприличия довольным.

— Рой, ты чего такой взъерошенный? На тебя фазан напал?

— Нет. Просто гулял.

Артур прищурился сильнее. Он знал Роя слишком давно, чтобы не заметить, когда тот врет. Или, точнее, когда он недоговаривает.

— Гулял. Ну-ну. А почему у тебя на пиджаке опилки?

Рой опустил взгляд. На левом плече, там, где ткань касалась ствола дуба, когда он выдергивал стрелу, действительно прилипли крошечные кусочки коры и древесной трухи. Он стряхнул их быстрым, раздраженным движением.

— Задел дерево.

— Дерево, — повторил Артур с наслаждением. — Ты задел дерево. В лесу. Где полно деревьев. Невероятная история, Рой, тебе надо писать мемуары. «Я и деревья: история одной прогулки».

Рой ничего не ответил. Он смотрел в сторону леса, куда ушла Вилла, хотя ее уже не было видно. Артур проследил за его взглядом, но ничего не увидел, кроме дубов и папорот-

ников. Он хмыкнул и допил шерри.

— Ладно, пойдем, нас ждут фазаны. Постарайся не задеть ни одного дерева по дороге. Они здесь старые, могут обидеться.

Ровно через час Вилла стояла в кабинете лорда Эшфорда с эскизами в руках. Лорд сидел за массивным дубовым столом и выглядел так, будто его только что лишили фамильного серебра.

— Я не понимаю, — сказал он, разглядывая эскизы. — Вы хотите сказать, что гобеленов не будет вообще?

— Будут флаг-ткани на каркасах. Они создадут иллюзию колонн. Пространство для танцев останется нетронутым, а кривая стена исчезнет. Ваши гости не заметят разницы.

— Я замечу.

— Вы — да. Потому что вы знаете, что должно было быть. Они — нет. Они увидят только результат.

Лорд Эшфорд поджал губы. Вилла видела, что он колеблется.

— Ваш декоратор... Дэн... он обещал мне гобелены. Лично.

— Дэн сделал все, что мог. Он нашел проблему, которую никто не мог предвидеть — кривизну старой стены. Он предложил решение за ночь. И это решение работает. Если бы он не был лучшим в своем деле, вы бы узнали о проблеме за час до приема, когда гобелены уже висели бы криво.

Лорд Эшфорд молчал. Вилла положила эскизы на стол.

— Дайте нам шанс, лорд Эшфорд. Если вечером вам не понравится результат — я лично принесу извинения перед всеми гостями. Но я знаю, что этого не понадобится.

Он посмотрел на нее долгим взглядом. Потом вздохнул.

— Хорошо. Делайте. Но если что-то пойдет не так...

— Не пойдет. Моя команда не подводит.

Она вышла из кабинета и прикрыла за собой дверь. В коридоре ее ждал Дэн — с видом человека, который готовился к расстрелу.

— Он согласился. Работай.

Дэн выдохнул и кивнул. Ни слова благодарности. Просто пошел обратно в мастерскую — быстрым шагом, почти бегом. Вилла проводила его взглядом и направилась в штаб. До приема оставалось несколько часов, а ей еще нужно было проверить факелы.

А в это время Рой стоял у окна в бильярдной, куда удалились мужчины после обеда, и смотрел на пустующий парк. Артур играл партию с лордом Эшфордом и что-то вполголо-са обсуждал — видимо, ту самую «небольшую услугу». Рой должен был слушать, но вместо этого он думал о том, как она стояла с луком, как смотрела на него без страха, как ее пальцы коснулись его пальцев, когда она принимала стрелу.

«Вилла Ашер. У нее есть имя. И она стреляет из лука так, что любой инструктор королевской гвардии удавился бы от зависти. И она не боится. И она назвала меня Мордредом».

Он поправил очки и заставил себя вернуться к реальности. Артур что-то говорил о процентах. Рой заставил себя слушать. Но краем глаза он все еще видел лес, дуб и стрелу, вибрирующую в стволе.

Вечером того же дня, когда охота закончилась, гости собрались в большом зале поместья на ужин, а Вилла руководила последними приготовлениями к своей части программы — факельному шествию и тюдоровскому пиру с элементами театрализованного представления, — она на минуту уединилась в маленькой гостиной, примыкавшей к кухне. Достала телефон, открыла чат с подружкой Кларой, с которой дружила еще с Кембриджа.

«Помнишь, я рассказывала тебе про Минотавра с Парк-Лейн?»

Ответ пришел почти мгновенно — Клара, видимо, как раз сидела в телефоне.

«Помню. А что?»

«Он здесь. На охоте. Я чуть не подстрелила его из лука».

Три точки. Пауза. Потом:

«Ты ЧТО???»

«Случайно. Почти. Он вышел из-за дерева, когда я стреляла по пню. Стрела прошла в футе от его головы».

«ВИЛЛА. Ты едва не убила человека и пишешь мне об этом без смайликов???»

«Я не пишу со смайликами. И я не промахнулась. Я по-

пала ровно туда, куда целилась. Просто он оказался на полпути».

«И что он сделал??? Вызвал полицию? Закричал?»

Вилла посмотрела в потолок, вспоминая его лицо в тот момент. Холодные глаза, сжатые челюсти, рука, дернувшаяся к бедру. И голос низкий, с металлом. «Вы всегда такая меткая или мне просто повезло?»

«Нет. Он выдернул стрелу из дерева, вернул мне, сказал, что у меня хорошая техника, и представился. Его зовут Рой Кейн».

«...и ты до сих пор не в его постели?»

«Клара».

«Что? Я просто спросила. Ты две недели назад сказала мне, что у него руки как у скульптуры, только живые. И что от него пахнет так, что ты готова пересмотреть свои взгляды на моногамию».

«Я этого не говорила».

«Говорила. Дословно: „Царица, налей мне чай, я встретила мужика, от которого у меня намокли трусики только потому, что он подал мне лист бумаги“. Царица, конечно, чай не налила, но я все слышала по телефону».

Вилла фыркнула и убрала телефон в карман, не ответив. Она вышла из гостиной и направилась в зал, где уже собирались гости. Ей нужно было проверить расстановку факелов и убедиться, что актеры, изображающие тюдоровских слуг, не напьются до выхода.

Артур заканчивал переговоры в бильярдной. Лорд Эшфорд, раскрасневшийся после обеда и двух бокалов портвейна, подписал бумаги, не глядя, старая школа, доверие, джентльменские соглашения. Артур был доволен. Рой стоял чуть позади, сканировал пространство и ждал, когда это закончится. Его мысли то и дело возвращались к женщине, с которой он столкнулся в лесу. «Вилла Ашер. Она будет на приеме. Может, удастся поговорить».

За час до начала приема Рой получил сообщение от Хейла. Ирландцы. Ливерпульский маршрут. Срочно. Он убрал телефон и подошел к Артуру, который как раз выходил из бильярдной.

— Ирландцы всплыли, — сказал Рой. — Нужно ехать. Сейчас.

Артур посмотрел на него.

— Ситуация серьезная?

— Достаточно.

— Тогда едем. — Артур бросил взгляд в сторону зала, где шли последние приготовления. — Жаль. Я хотел посмотреть на факельное шествие.

— Я тоже.

Артур хмыкнул, но ничего не сказал. Через пятнадцать минут они уже выезжали за ворота поместья. Рой смотрел в окно на удаляющийся особняк. Он не успел с ней поговорить. Не успел даже подойти. «Не судьба. Может, оно и к лучшему». Но где-то глубоко внутри он знал, что это не так.

Вечером, когда гости собрались в большом зале поместья на ужин, а Вилла руководила последними приготовлениями к своей части программы, она на минуту уединилась в маленькой гостиной, примыкавшей к кухне. Искала его глазами весь вечер. Не нашла. «Уехал. Даже не попрощался. Ну и черт с ним». Она достала телефон и открыла чат с Кларой.

«Он исчез. Уехал».

«... и ты бесишься?»

«Нет, просто странно»

«Врешь»

«Я не бешусь. У меня прием в разгаре».

«Конечно. Удачи с приемом».

Вилла убрала телефон. Бесилась. Но прием действительно был в разгаре.

Прием закончился. Гости разъехались. Актеры, изображавшие тюдоровских слуг, сдали костюмы и, кажется, не напились — по крайней мере, не все. Вилла стояла в опустевшем зале и смотрела на флаг-ткани, которые колыхались от сквозняка. Они действительно создавали иллюзию колонн. Кривая стена исчезла за ними, как будто ее никогда не было.

Сзади подошел лорд Эшфорд. Она услышала его шаги — тяжелые, уверенные, — и обернулась.

— Мисс Ашер.

— Лорд Эшфорд.

Он посмотрел на флаг-ткани, потом на нее. Пауза. Вилла ждала.

— Я был неправ, — сказал он наконец. — Это сработало. Леди Эшфорд в восторге. Она сказала, что никогда не видела наш зал таким... — он запнулся, подбирая слово, — величественным.

— Благодарю. Я передам ваши слова команде.

— И передайте вашему декоратору... Дэну, кажется? — что я погорячился. Он хорошо сделал свою работу.

Вилла кивнула. Лорд Эшфорд еще раз окинул взглядом зал и ушел. Вилла выдохнула.

Через час, когда последние коробки были погружены в фургон, она зашла в импровизированный штаб за планшетом. На столе лежала новая пачка ее любимого чая с мятой. Ни записки, ни подписи. Только чай.

Вилла взяла пачку, повертела в руках и улыбнулась. Дэн никогда не скажет «спасибо». Но он скажет по-своему.

Она сунула чай в сумку и вышла к машине. Впереди была дорога в Лондон и мысли о мужчине, который даже не вздрогнул, когда стрела вошла в дерево в футе от его головы. «Рой Кейн. Мой личный Минотавр. Посмотрим, что будет дальше».

Рой вернулся в Лондон глубокой ночью, после многочасовых переговоров в Ливерпуле. Усталый, злой, голодный.

Дом встретил его тишиной и порядком. Он снял пальто, повесил ровно, прошел на кухню, налил виски. Выпил залпом.

Смотрел в окно на огни города. Вилла Ашер. Он не увидел ее на приеме. Уехал, даже не попрощавшись. И теперь, стоя у окна с пустым стаканом, он понимал, что это его беспокоит. Не по-рабочему.

По-другому. Он сел за стол, открыл ноутбук. Через свои каналы сделал запрос — поверхностный, просто чтобы убедиться, что она не подослана, не следит, не часть игры. Через несколько часов получил ответ. Вилла Ашер.

Полное имя — Вильгельмина Элис Ашер. Тридцать шесть лет. Родилась за пределами Британии, гражданка с юности. Кембридж, факультет англосаксонской истории и древних языков. Организатор эксклюзивных мероприятий для элиты. Ни судимостей, ни связей с криминалом, ни подозрительных контактов. Чисто.

Рой закрыл ноутбук. Она не угроза.

Просто женщина, которая организует мероприятия и стреляет из лука. Просто женщина, которая смотрит на него без страха. Просто женщина, чьи глаза он не может забыть. Он пошел в душ, стоял под горячей водой, чувствуя, как напряжение уходит из мышц. Но не из головы. Лежа в постели, он смотрел в потолок и думал о том, что завтра у него встреча с Артуром, потом отчет по Бирмингему, потом надо проверить новый маршрут. Работа.

Много работы. Это поможет. Он заснул только под утро.

Глава 5

Лондон, Бермондси. Белый куб галереи «Уайт Кьюб» светился в сером ноябрьском вечере, как стерильная операционная для искусства. Внутри пахло бетоном, дорогим парфюмом и деньгами — теми самыми, что не пахнут, но почему-то все равно оставляют после себя ощущение холодной, отполированной пустоты. Закрытый предпоказ частной коллекции. По приглашениям. Список гостей утвержден лично владельцем галереи и, по слухам, парой людей, чьи имена лучше не произносить вслух.

Рой приехал по внезапному поручению Артура. Тот позвонил ему за час до начала и, как обычно, не попросил, а поставил перед фактом: «Рой, сгоняй в „Уайт Кьюб“. Там будет лорд Торнтон, сэр Генри, знаешь такого? Торгует антиквариатом. Иногда забывает указывать в декларациях, что ваза, которую он продает, была выкопана не в Суррее, а в долине Царей. Он хочет продать мне не только картину, какого-то кричащего Папу, Бэкон, кажется, но и кусок земли в Суррее. Посмотри на него. Мне кажется, он дерганый. Может, шулер, а может, просто идиот. Разберись. И заодно посмотри на картины, тебе полезно. Ты последнее время ходишь с лицом человека, которому жмут ботинки на три размера. Я подъеду позже».

Рой не ответил, что ботинки ему не жмут, а лицо у него

такое, потому что он четвертую ночь подряд просыпается в три часа с мыслью о женщине, которая чуть не продырявила ему череп стрелой. Он просто сказал: «Понял. Буду», — и повесил трубку.

Теперь он стоял в главном зале галереи, перед огромным полотном Фрэнсиса Бэкона. Кричащий Папа. Искаженная фигура на золотом троне, рот разверст в беззвучном вопле, плоть словно плавится и стекает с костей. Рой смотрел на картину и не чувствовал ничего. Вернее, чувствовал профессиональное спокойствие, с которым обычно оценивал звукоизоляцию комнаты, где кто-то кричит. Хорошая комната, подумал он. Кричи не кричи — никто не услышит.

Вокруг него двигались люди, мужчины в костюмах дорожке, чем месячная аренда квартиры в Сохо, женщины в платьях, которые стоили как небольшая яхта. Все с бокалами шампанского, все с застывшими улыбками людей, которые пришли не смотреть искусство, а быть увиденными на фоне искусства. Рой не пил шампанское. Он стоял, заложив руки за спину, и ждал, когда появится сэр Генри Торнтон, чтобы оценить степень его дерганости. Заодно ждал Артура, который обещал подъехать позже, ему тоже нужна была эта встреча, но сначала он хотел, чтобы Рой присмотрелся к Торнтону без него.

Вилла приехала в галерею с другой целью, но по иронии судьбы, к тому же человеку. Сэр Генри Торнтон нанял ее три дня назад. Вернее, попытался нанять. Он хотел «вечер мрач-

ной поэзии» в своем поместье. Вилла выслушала его, сидя в его офисе — старом особняке в Мейфэре, заставленном антиквариатом сомнительного происхождения, — и почувствовала, как внутри нее загорается красный сигнал тревоги. Она знала этот тип клиентов. Слишком много слов, слишком много пафоса, слишком мало конкретики. И запах. От него пахло не деньгами, а проблемами.

Она отказалась. Вежливо, профессионально, сославшись на загруженность. Сэр Генри не настаивал, но посмотрел на нее так, что она поняла: он запомнил. Люди вроде него всегда запоминают отказы.

Сегодня она пришла в галерею не ради него. Она пришла «напитаться атмосферой упадка» для уже другого проекта для лорда Эшфорда. Ей нужны были визуальные референсы, ощущения, тени. Она бродила по залам, делала заметки в телефоне, иногда останавливалась перед картинами и смотрела на них не как искусствовед, а как сценарист, придумывая историю, которая могла бы разворачиваться на этом фоне.

На ней было узкое платье темно-зеленого цвета, волосы собраны в низкий пучок, открывающий острые скулы и длинную бледную шею. В ушах, крошечные серьги с черным жемчугом. Никаких других украшений. Она выглядела так, будто пришла сюда из другого времени, из эпохи, когда женщины носили траур по мужьям, которых сами же и отравили, и делали это с безупречным вкусом.

Она вошла в главный зал и остановилась. Не из-за Бэко-

на. Из-за спины, которую увидела перед полотном. Широкие плечи, обтянутые темно-серым кашемировым пиджаком. Тренч перекинут через согнутую левую руку. Осанка человека, который не гнется ни под каким ветром. Она узнала его мгновенно, по тому, как он стоял, по тому, как чуть наклонял голову, глядя на картину, по тому, как его правая рука поправила очки в коричневой оправе.

«Рой Кейн. Мой личный Минотавр. Снова».

Она не стала колебаться. Она подошла и встала рядом с ним, на расстоянии вытянутой руки, глядя на того же кричащего Папу. Несколько секунд они стояли молча. Она чувствовала его запах, то же дорогое мыло, шерсть, что-то еще, теплое и мужское, от чего у нее слегка сжалось внизу живота. Она заставила себя дышать ровно.

— Вам нравится Бэкон? — спросила она, не поворачивая головы. — Или вы пришли сюда по работе?

Рой медленно, очень медленно повернул голову. Его взгляд скользнул по ее профилю, острая скула, полные губы, длинная шея, и остановился на ее глазах. В них снова вспыхнули золотые крапинки. «Опять она. Случайность? В Лондоне с населением в девять миллионов? Нет. Это уже не случайность. Это статистическая аномалия».

— И то, и другое, — ответил он ровно. — А вы? Опять ищете способ избавиться от тела в лабиринте? Или на этот раз объект искусства?

Вилла усмехнулась, уголком губ, той самой усмешкой, ко-

торая не обещала ничего хорошего, но обещала интересное.

— Я думаю, Бэкон писал не боль, а гнев. Гнев человека, которого заперли в золотой клетке и заставили молиться. Очень по-английски. А я здесь, потому что мой клиент хочет «мрачной поэзии». Пытаюсь понять, сколько мрака можно продать, чтобы гости не начали вешаться на люстрах до десерта.

Рой развернулся к ней всем корпусом. Он сделал это медленно, вторгаясь в ее личное пространство ровно на ту грань, которая заставляла ее сердце биться чаще, но еще не выглядела угрозой. Она не отступила. Просто стояла и смотрела на него снизу вверх, и в ее глазах плясали золотые искры.

— Вы продаете контролируемый хаос, — сказал он. Это был не вопрос.

— А вы его предотвращаете, — ответила она. Тоже не вопрос.

Они стояли так несколько секунд, слишком близко для незнакомцев, слишком далеко для того, чего хотели оба. Воздух между ними стал плотным, как перед грозой.

Рой чувствовал, как внутри него поднимается глухое, горячее давление, которое он привык давить, но которое сейчас, глядя на ее губы, на ее глаза, на то, как она дышит, становилось почти невыносимым.

Вилла чувствовала, как ее тело реагирует на его близость предательски и однозначно, и ей пришлось напомнить себе, что она в публичном месте, на виду у лондонской элиты, и

что падать в обморок от вожделения перед картиной Фрэнсиса Бэкона — это, пожалуй, слишком даже для нее.

Момент разбил голос. Знакомый, с ленивой растяжкой, от которого у Роя всегда слегка напрягались плечи, не от страха, от готовности.

— Рой. Я смотрю, ты уже оцениваешь не только риски, но и прекрасное?

Артур Синклер возник словно из ниоткуда. Он стоял в трех шагах от них, в безупречном костюме цвета антрацита, с бокалом шампанского в руке и с той особенной ухмылкой, которая появлялась на его лице только тогда, когда он чувял нечто более интересное, чем бизнес. А именно, личную жизнь своей правой руки, которая, насколько Артур знал, отсутствовала как явление последние лет пять, если не больше.

Рой сделал шаг назад. Слишком ровный. Слишком поспешный. Артур это заметил, и его ухмылка стала шире.

— Мы просто обсуждали Фрэнсиса Бэкона, — сказал Рой голосом, который должен был звучать нейтрально, но прозвучал как оправдание. Он сам это услышал и внутренне поморщился.

Вилла, напротив, не выказала ни смущения, ни спешки. Она повернулась к Артуру, окинула его быстрым, оценивающим взглядом, не как женщина мужчину, а как профессионал потенциального клиента, и протянула руку.

— Вилла Ашер. Мы не знакомы. Ваш спутник обладает

редким для современного мужчины качеством, он узнает лабиринт, когда видит его на мокром асфальте.

— Артур Синклер, — он пожал ее руку, и его бровь поползла вверх. Он посмотрел на Роя, потом на нее, потом снова на Роя. В его голове, Вилла была уверена, сейчас щелкали шестеренки, собирая пазл. Рой. Женщина. Лабиринт. Рой, который стоит слишком близко к женщине. Рой, у которого на лице написано то же, что у того кричащего Папы, только он молчит.

— Рой у нас кладезь талантов, — сказал Артур, и в его голосе звенело неприкрытое удовольствие. — Лабиринты, картины, решение проблем. И он отлично водит машину. Если он вам понадобится по работе, обращайтесь. Я уверен, Рой будет счастлив помочь.

Это был намек. Тонкий, грязный, в стиле Артура. «Я разрешаю тебе расслабиться, приятель. И я это вижу. Не накосячь».

Рой ничего не сказал. Он просто поправил очки и посмотрел на Артура взглядом, который у людей попроще означал бы «я тебе это припомню», а у Роя означал именно это, но в более вежливой форме.

В этот момент к ним подошел еще один человек, высокий, сухощавый мужчина лет шестидесяти, с аристократической бледностью и глазами, которые бегали, как у мыши в лабиринте. Сэр Генри Торнтон. Тот самый. Он был одет в костюм, который стоил больше, чем его репутация, и держался с той

особой нервозностью, которая бывает у людей, привыкших, что за ними следят.

— Мистер Синклер! — его голос был слишком громким для галереи. — Рад видеть вас здесь. И мисс... Ашер, если не ошибаюсь? Какая приятная неожиданность. Вы знакомы с мистером Синклером?

Вилла почувствовала, как внутри у нее все сжалось. Она не хотела, чтобы Торнтон видел ее здесь. Она не хотела, чтобы он думал, что она имеет отношение к его делам с Синклером. Она вообще не хотела иметь с ним ничего общего.

— Мы только что познакомились, — сказала она ровно. — Прошу прощения, мне нужно проверить кое-что по работе. Приятно было встретиться, мистер Синклер. Рой.

Она кивнула Рою отдельно, чуть дольше, чем требовалось, и ушла. Ее шаги были быстрыми, но не бегущими. Спина прямая, голова высоко. Рой смотрел ей вслед, и его взгляд упал на вырез платья, открывающий ее спину. Бледная кожа, лопатки,двигающиеся под тканью, изгиб позвоночника. Он заставил себя отвернуться.

Артур, разумеется, заметил и это.

— Рой, — сказал он тихо, пока сэр Генри рассыпался в любезностях перед кем-то еще. — Кто она?

— Организатор мероприятий. Врезалась в меня у «Дорчестера». Две недели назад.

— Врезалась? И ты не проверил ее?

— Проверил. Чисто.

Артур помолчал. Потом хмыкнул.

— Чисто, значит. И она стреляет из лука?

Рой резко повернул голову.

— Откуда ты...

— Рой, у меня есть глаза. Я видел, как она держит бокал.

Следы от тетивы на пальцах. Такие бывают только у тех, кто много стреляет. А она не похожа на ту, кто просто ходит в тир по выходным. Значит, лук. — Артур отпил шампанского, глядя на Роя поверх бокала. — Проверь ее еще раз. И проверь еще раз себя. У тебя лицо, как у того кричащего Папы, только ты молчишь. Напряженный весь. Это вредно для здоровья. И для бизнеса.

Сэр Генри вернулся и начал что-то говорить о картине, о Суррее, о процентах. Рой слушал вполуха, кивал в нужных местах, задавал вопросы, которые должны были выявить дерганость. Но часть его сознания все еще была там, у выхода из галереи, с женщиной в темно-зеленом платье, которая назвала его Роем так, будто пробовала это имя на вкус, и ушла, оставив после себя шлейф сандала и полыни.

Вечером того же дня Рой сидел в своей идеально чистой квартире. На столе перед ним стоял закрытый ноутбук и чашка с остатками черного кофе. Он уже проверил ее по базам. Еще раз. Глубже. Интерпол, связи, банковские транзакции, старые кембриджские архивы, даже списки пассажиров рейсов за последние пять лет.

Результат: Вилла Ашер, тридцать шесть лет. Родилась в

Глазго, Шотландия. Гражданка Великобритании. Мать, иммигрантка во втором поколении, скончалась, когда Вилле было двенадцать лет. Причина смерти — аневризма. Отец в свидетельстве о рождении не указан. После смерти матери несовершеннолетняя Вилла Ашер была передана под опеку двоюродной бабки по материнской линии, проживавшей в Бристоле. Окончила Кембридж, факультет англосаксонской истории и древних языков, стипендиат. Сразу после выпуска поступила на работу в лондонское event-агентство «Харт и партнеры», где проработала пять лет. Уволилась, основала собственное агентство. Ни одного уголовного дела. Даже штрафа за парковку. Единственное нарушение — просроченная библиотечная книга по кельтской мифологии. Контактов с криминалом нет. Связей с разведками нет. Долгов нет.

Чисто. Слишком чисто.

Рой откинулся в кресле и посмотрел в потолок. В его мире «слишком чисто» означало одно из двух: либо человек святой, либо настолько хорош, что обставил все базы данных. И то, и другое было проблемой. И то, и другое было магнитом.

Он открыл ноутбук. Зашел в деловые соцсети. Нашел ее профиль. Пара фотографий с мероприятий. На одной, она в темно-зеленом платье, стоит у колонны в каком-то особняке и смотрит в камеру с тем же спокойным, изучающим выражением, с каким смотрела на него сегодня. Рой смотрел на фотографию три минуты. Потом закрыл ноутбук, встал,

прошел на кухню, налил себе воды. Выпил. Вернулся. Снова открыл ноутбук. Снова посмотрел на фотографию.

— Черт, — сказал он в тишину квартиры.

Он достал телефон, нашел ее контакты в деловой базе. Посмотрел на номер. Сохранил в телефонную книгу под именем «В. Ашер». Потом убрал телефон в ящик стола, словно тот обжигал пальцы.

Через десять минут он снова открыл ящик и переложил телефон в карман пиджака.

В это же время Вилла сидела в своей квартире над книжной лавкой, на полу в гостиной, окруженная эскизами, заметками и чашками с остывшим чаем. Царица лежала на подоконнике, наблюдая за хозяйкой с выражением королевского неодобрения. Вилла не работала. Она смотрела в стену и думала о том, как он стоял перед кричащим Папой, как повернулся к ней, как вторгся в ее пространство, как его глаза за стеклами очков потемнели, когда она назвала его по имени.

Она достала телефон, открыла чат с Кларой.

«Я снова его видела. В галерее. Он стоял перед Бэконом и смотрел на кричащего Папу с таким лицом, будто прикидывал, сколько будет стоить заставить его замолчать».

Клара ответила почти мгновенно, у нее был дар всегда быть онлайн.

«И? Ты с ним заговорила?»

«Да. Он спросил, ищу ли я способ избавиться от тела в

лабиринте».

«Романтик. Что ты ответила?»

«Что Бэкон писал не боль, а гнев».

«О господи, Вилла, вы двое созданы друг для друга. Вы будете обсуждать философию насилия, пока не умрете от старости, так и не переспав».

Вилла не ответила. Вздохнула, встала и пошла ставить чайник. Завтра у нее была куча работы. Через две недели, благотворительный бал для лорда Эшфорда. Снова сжатые сроки. И где-то в этом графике, между факелами, тюдоровскими актерами и бюджетом, ей нужно было найти место для мысли о мужчине, который смотрел на нее так, будто она была одновременно самой большой угрозой и самым желанным объектом в его жизни.

Она не знала, когда они увидятся снова. Но она знала, что это произойдет.

Кэт появилась в доме Роя в среду утром. Не позвонила, не написала, просто появилась, как всегда, будто материализовалась из воздуха. Она вообще не имела привычки предупреждать. Рой когда-то сказал ей, что это невежливо. Кэт ответила, что невежливость — это недооцененный инструмент.

Он услышал ее раньше, чем увидел: тихие шаги по деревянной лестнице, потом знакомый звук, фарфоровая чашка ставится на подоконник. Кэт всегда первым делом находила

место для своего зеленого чая. Потом уже здоровалась.

— В Манчестере проблема, — сказала она, когда вошла.

Она выглядела, как всегда, совершенно не так, как выглядела. Светло-серый свитер, очки в тонкой оправе, темные волосы острижены коротко — студентка-аспирантка, зашедшая обсудить диссертацию. На левой руке, там, где манжета свитера не доставала до запястья, тянулся тонкий белый шрам, ровный, давний, аккуратный только на первый взгляд. Рой знал его историю наизусть и никогда не смотрел на него дольше секунды.

— Конкретнее? — сказал он.

— Поставщик. — Кэт устроилась в кресле напротив его стола, поджав ноги под себя с той естественностью, которую не приобретешь в офисной среде. — Фишер говорит, что работает на нас. Его люди говорят, что работает на нас. Его бухгалтерия говорит, что работает еще на кого-то.

— Ты читала его бухгалтерию.

— Я читала его бухгалтерию.

— Он знает?

— Нет. Пока.

Рой снял очки, протер стекла. Это была привычка, которую он не замечал за собой, — чистить стекла, когда нужно было время подумать. Кэт это знала и молчала, прихлебывая чай.

— Хейл проверял его три недели назад, — сказал Рой.

— Хейл проверял то, что лежит сверху. Я смотрела под

ковер.

— И что под ковром?

Кэт поставила чашку. Посмотрела на него. Когда она вот так смотрела, тихо, почти ласково, без всякой агрессии в лице, у Роя всегда возникало ощущение, что он стал свидетелем чего-то, чего видеть не следовало. Хейл однажды сказал, что Кэт смотрит как хирург перед первым разрезом. Тоби сказал, что она смотрит как его теща. Значения эти формулировки имели примерно одинаковое.

— Под ковром, Морган, — сказала она. — Дублин. Те самые люди, которые сидели напротив тебя во вторник.

Рой снова надел очки.

— Тэдди, — сказал он.

— Что?

— Тоби сказал, что ирландец вернется.

— Тоби прав. Он уже в Лондоне.

Молчание. За окном проехал автобус. Кэт выпила еще глоток чая.

— Что ты предлагаешь? — спросил Рой.

— Я уже ничего не предлагаю, — сказала она. — Я уже сделала.

Рой посмотрел на нее с тем выражением, которое означало: «объяснись». Кэт отвечала на это выражение только тогда, когда считала нужным.

Сейчас она сочла нужным.

— Фишер получил звонок сегодня утром. Из Манчестера.

Его финансист, тот, что вел двойные счета, попал в неприятную историю с налоговой. Очень детальную историю. С документами. — Она поправила очки. — Налоговая работает медленно, но основательно. У Фишера теперь будет достаточно своих проблем, чтобы не думать о чужих маршрутах.

— Кэт.

— Что.

— Это ты организовала звонок из налоговой.

— Кто-то же должен был.

— Я не давал команду.

Она посмотрела на него. Мягко. Почти с нежностью.

— Рой. Ты всегда даешь команду. Просто иногда немного позже, чем это оптимально.

— Это мое решение, когда давать команды.

— Конечно. — Она встала, взяла чашку. — И мое решение, насколько именно ждать, пока ты его примешь.

Рой посмотрел на нее долгим взглядом.

— Кэт!

— Рой. — Она улыбнулась, едва, краем губ. — Согласись, это эффективнее.

Он мог возразить. Это было бы неточно.

— Тэдди, — сказал он вместо этого.

— Это уже твоя работа. Или Хейла. Я люблю архитектуру, — она подняла чашку, — а не строительство. Разные специализации.

Рой встал, подошел к окну, встал рядом. Внизу плыл

утренний Лондон, серый, деловитый, равнодушный к чужим проблемам.

— Ты в порядке? — спросил он. Не как начальник подчиненного. Иначе.

Кэт помолчала секунду, ровно секунду, потому что она никогда не позволяла паузам быть длиннее.

— В порядке, — сказала она. — Нашла новую пластинку. Чет Бейкер, пятьдесят четвертый год. Хейл чуть не заплакал.

— Хейл не плачет.

— Хейл почти не плачет. Это разные вещи.

Рой хмыкнул. Почти. Кэт это засчитала как победу и допила чай.

— Буду в городе до пятницы, — сказала она, вставая. — Если с Тэдди будут осложнения, звони. Я придумаю что-нибудь.

— Надеюсь, не нужно будет.

— Я тоже надеюсь. — Она забрала чашку, поставила в раковину, ополоснула. Кэт всегда мыла за собой посуду, это был один из немногих ее бытовых принципов. — Кстати.

— Что.

Она взяла пальто, уже у двери. Обернулась.

— Хейл говорит, что ты стал рассеянным. Что ты дважды переспросил одно и то же на прошлой неделе.

— Хейл говорит лишнее.

— Хейл говорит ровно столько, сколько нужно. — Она смотрела на него, тем самым взглядом, тихим, вниматель-

ным. — Что происходит?

— Ничего.

— Рой.

— Ничего, Кэт.

Она смотрела на него еще секунду. Потом кивнула, не потому что поверила, а потому что решила не давить. Пока.

— Хорошо. — Она надела пальто. — Если надумаешь говорить, ты знаешь, где меня найти.

— На моем подоконнике.

— Со своим чаем, — подтвердила она. — Спокойного дня, Рой.

Дверь закрылась тихо. Как всегда, она никогда не хлопала дверями.

Рой постоял у окна. Потом достал телефон. Открыл контакты. Нашел «В. Ашер». Посмотрел на номер. Убрал телефон в ящик стола.

За окном шел дождь.

Глава 6

Офис Виллы в Блумсбери выглядел скорее как штаб по подготовке государственного переворота, чем как место планирования светского ужина.

Флоренс сидела за своим столом, воплощение идеальной аккуратности, с планшетом и толстым блокнотом. Мик и Дэн стояли у стены с картой рассадки, оба с лицами, будто им только что сообщили, что шампанское будет без пузырьков.

Дверь открылась. Вилла вошла с чашкой чая в руке, словно это был ее личный скипетр.

— Доброе утро. Фло, сколько у нас папок?

— Двадцать три.

— Тогда начинаем. У нас двадцать три способа испортить вечер, и наша задача, не дать им этого сделать.

Вилла села во главе своего стола, откинувшись на спинку стула, с чашкой чая в руке. Флоренс мгновенно разложила перед ней двадцать три папки, как колоду хорошо тасованных карт.

— Фло, твоя очередь. И пожалуйста, без прелюдий.

Флоренс открыла блокнот и заговорила спокойно, будто читала меню в дорогом ресторане:

— Сэр Генри Торнтон. Аллергия на арахис — потенциально летальная. Страсть к антиквариату. Два года назад приобрел поддельного Рембрандта и до сих пор реагирует на

эту тему... бурно. Жена ушла. Тему бывшей супруги и развода, обходить за три мили.

Вилла кивнула, делая пометку на планшете.

— Отдельный стол в углу. Подальше от леди Грейсон, она была подругой его жены и выступала на ее стороне в суде. Не стоит устраивать им случайную встречу у буфета.

— Совершенно с вами согласна.

— Лорд Уинтертон, — продолжила Флоренс. — Охота, его страсть. Веганов презирает примерно так же, как неучтивость.

— Веганов нет в списке? — спросила Вилла.

— Есть один. — Флоренс подняла голову. — Леди Эшфорд.

Мик усмехнулся.

— Она хозяйка дома. Он не сможет от нее сбежать.

— Сможет, — поправила Флоренс. — Я посадила их в разные концы зала. Ее, ближе к сцене. Его, ближе к бару.

— А если они все равно встретятся?

— Тогда он скажет ей, что веганство убивает британскую культуру. Она скажет ему, что охота, это варварство. Они будут спорить до десерта. Гостям будет весело.

— Ты специально это устроила? — спросил Дэн.

— Я устроила так, чтобы они не испортили вечер друг другу. Если они решат испортить его себе сами, это их право.

Вилла кивнула.

— Что с меню для леди Эшфорд?

— Два отдельных блюда. Я согласовала с ее личным поваром.

— С поваром? — удивился Мик.

— У нее три повара. Я говорила с тем, который отвечает за диеты. Очень милый человек. — Флоренс полистала блокнот. — И леди Эшфорд не заметит замены. Я сказала шеф-повару, что если он перепутает, я расскажу его жене, где он был в прошлую командировку.

— А где он был? — спросил Мик.

— Понятия не имею. Но жена не знает, что я понятия не имею.

Дэн переглянулся с Миком.

— Ты блефуешь, — сказал Мик.

— Я обеспечиваю результат, — ответила Флоренс. — Разница есть.

— Ладно, — Вилла постучала ручкой по столу. — Дальше.

— Лорд Кроули. Аллергия на людей.

— На людей? — переспросил Дэн.

— Не выносит громких разговоров, женских духов и жестикуляции. Я посадила его в угол. Рядом с выходом. Если его что-то не устроит, он уйдет. Все будут рады.

— Включая его? — спросил Мик.

— Особенно его.

— Леди Грейсон, — продолжила Флоренс. — Панически боится пауков.

Вилла повернулась к Мику и Дэну:

— Мик, проверь каждую щель в ее апартаментах. Дэн, никакой паутины в декорациях. Даже самой художественной.

— А если она будет эстетически безупречной? — попытался уточнить Дэн.

— Она увидит паутину и устроит маленький личный Армагеддон, — парировала Флоренс. — Нам не нужны такие спецэффекты.

— Дэн, — Вилла посмотрела на него. — Твоя задача, лабиринт из теней. Тени от свечей должны падать на стены так, чтобы проступали силуэты горгулий и грифонов. Официанты будут двигаться по схеме движения планет в ночь зимнего солнцестояния. Атмосфера, древняя, загадочная, полная теней. Никаких ярких цветов, никаких отвлекающих деталей. Ты понял?

— Лабиринт из теней. Без пауков. Без лишнего света. Без розовых единорогов. Понял.

— И без охотничьих трофеев, — добавила Вилла. — Лорд Эшфорд хотел «Тюдоровскую готику с элементами язычества». Никакой крови, никаких убитых животных.

— Лес без трупов. Будет сделано.

— Мик, — Вилла повернулась к нему. — Свет. Мягкий, приглушенный, но не похоронный. Тени должны жить своей жизнью, двигаться независимо от свечей. Справишься?

— Сделаю так, что тени будут танцевать, — ответил Мик. — А гости будут думать, что это магия.

— Это и есть магия. Просто техническая.

— Разница есть?

— Для гостей, нет. Для нас, вся.

— Музыка, — напомнила Флоренс. — Композитор прислал демо. Я скинула вам на почту. Основана на средневековых манускриптах, очень низко в миксе. Гости будут чувствовать, но не понимать, почему у них мурашки по коже.

Вилла кивнула.

— И последнее. Название вечера: «Тени старой Англии: где спит Минотавр».

Дэн замер.

— Минотавр? Это греческий миф. А у нас, Тюдоры, горгульи, грифоны.

— Компромисс. Тюдоры любят все, что связано с древними проклятиями. Минотавр в лабиринте, это проклятие. Они будут думать, что речь о какой-то старой английской легенде. Это сработает.

— А если кто-то знает греческую мифологию?

— Тогда они поймут шутку. И оценят.

— Кто оценит?

— Те, кто знает. — Вилла посмотрела на Флоренс.

Та, не поднимая головы, ответила:

— Лорд Эшфорд, вряд ли. Гости, тоже. Но их помощники? Возможно. Я проверю список.

Вилла усмехнулась.

— Фло... ты действительно собрала досье на все двадцать

три персоны?

— На всех, кто способен испортить нам вечер, — ответила та невозмутимо. — У меня три блокнота. Один, клиенты. Второй, их гости. Третий, поставщики и их маленькие человеческие слабости.

Мик не удержался:

— Однажды она узнала, что у поставщика орхидей есть знакомая в Голландии. Когда он попытался подсунуть нам фаленопсисы вместо вандов, она позвонила не жене, а этой знакомой. И вежливо попросила «поговорить с ним». Через пять минут он перезвонил и пообещал правильные цветы к утру.

Флоренс пожала плечами.

— Я не угрожала. Я создала правильную мотивацию.

— Ты задаешься, — хмыкнул Мик

Флоренс в ответ только скорчила гримасу.

Вилла встала, поставила чашку.

— Итак: Мик, свет и тени. Дэн, лабиринт без трупов и пауков. Фло, рассадка и тотальный контроль. Через две недели мы превратим поместье лорда Эшфорда в такой лабиринт, что гости еще долго будут гадать, как мы прочитали их мысли.

Дэн направился к двери, но на пороге обернулся.

— Лабиринт я сделаю. Но если кто-то заблудится и начнет звать на помощь, я умываю руки.

— Пусть заблудятся, — ответила Вилла. — Им будет о

чем рассказать за десертом.

Когда мужчины вышли, Вилла посмотрела на Флоренс. Та уже раскладывала папки по стопкам: «важно», «срочно», «можно проигнорировать».

— А что у тебя в папке «можно проигнорировать»?

— Мелкие, но пикантные детали. Лорд Эшфорд в юности хотел стать актером. Леди Грейсон пишет стихи. У сэра Генри есть незаконнорожденный сын в Испании.

— Сын в Испании — это правда?

— Правда. — Флоренс захлопнула блокнот. — Но пока он сам не решит сделать это достоянием вечера, нам это не нужно. А если решит... мы будем во всеоружии.

Вилла покачала головой.

— Ты, мое секретное оружие, Флоренс.

— Договорились.

Флоренс встала, поправила стопки.

— Я проверю рассадку.

— Проверь. И скажи Дэну, чтобы не ныл.

— Он будет ныть. Это его способ общаться.

— Знаю.

Флоренс вышла.

Вилла осталась одна. Посмотрела на разложенные папки, на карту рассадки, на пустую чашку. Взгляд упал на часы. Половина одиннадцатого. До вечерней встречи в клубе еще куча времени. Заехать к Торнтону можно успеть.

Вилла взяла телефон, набрала номер сэра Генри. Тот от-

ветил после пятого гудка, с той ленивой интонацией, которая означала, что он прекрасно знал, кто звонит, и делал вид, что очень занят.

— Сэр Генри, это Вилла Ашер. Я сейчас заеду за своими эскизами.

— Мисс Ашер, я, право, не уверен, что они у меня...

— Вы в этом уверены. Я оставила их у вас после нашей встречи. Желтая папка. Ваша секретарша подписала подтверждение.

— Но сегодня я очень занят...

— Я буду через двадцать минут.

Вилла положила трубку, не дожидаясь ответа. Взяла пальто и ключи от машины.

Полдень вторника. Лондон, Мейфэр. Улица, на которой располагался офис Артура Синклера — неприметное здание георгианской эпохи, внутри отделанное с той сдержанной роскошью, которая кричит о деньгах громче любого золота. Рой сидел в припаркованном Ягуаре, ожидая, пока Артур закончит телефонный разговор с женой и выйдет. Они должны были ехать на встречу в Сити, но Элинор, судя по обрывкам разговора, доносившимся из приоткрытого окна на втором этаже, обсуждала с мужем какие-то дела своего стрелкового клуба и заодно интересовалась, почему он вчера

вернулся позже обещанного. Рой не вслушивался, это было не его дело. Он умел ждать.

Он смотрел на улицу рассеянно, сканируя пространство по привычке. Люди, машины, голуби, мусорный бак у соседнего здания, курьер на велосипеде. Утро было серым и холодным, типично лондонским. Его мысли текли вяло, и он позволил им течь, редкая роскошь для человека, чей мозг всегда работал в режиме анализа угроз.

А потом дверь здания напротив открылась, и из нее вышла Вилла Ашер.

Рой выпрямился на сиденье. Не резко, он никогда не делал резких движений без необходимости, но достаточно заметно для самого себя. Она была в строгом брючном костюме темно-синего цвета, с кожаным портфелем в руке и беретом, лихо сдвинутым набок. Волосы распущены, падают на плечи тяжелой волной. Она остановилась на крыльце, достала телефон, быстро что-то проверила, сунула обратно и быстрым шагом направилась в сторону Бонд-стрит. Не оглянулась.

Здание напротив. Рой знал, кому оно принадлежит. Сэр Генри Торнтон. Тот самый, с которым он разговаривал в галерее. Тот, что торгует антиквариатом сомнительного происхождения. Тот, которого Артур просил «посмотреть», и Рой посмотрел, и выводы были не в пользу сэра Генри. А теперь из его офиса выходит Вилла Ашер, организатор мероприятий с кристально чистой биографией. Женщина, которая врезалась в него на Парк-лейн, которой он прикуривал в

темном переулке, которая чуть не подстрелила его из лука в Суррее и с которой он стоял перед кричащим Папой Бэкона в галерее. Женщина, о которой он думал чаще, чем хотел бы признаться.

И она выходит из офиса человека, связанного с контрабандой антиквариата.

Рой проводил ее взглядом, пока она не скрылась за углом. Внутри у него все сжалось. Не от ревности, он не имел на нее никаких прав и сам это знал. От профессионального беспокойства, смешанного с чем-то более личным, во что он не хотел углубляться. «Зачем она там была? В галерее она явно избегала Торнтона, ушла сразу, как он появился. Но сегодня она выходит из его офиса с деловым видом. Встреча? Обсуждение заказа? Или что-то еще?»

Он не любил неопределенности. И он не любил, когда люди, которые казались ему интересными, вдруг начинали вести себя непредсказуемо. Хотя, если честно, вся Вилла Ашер с первой секунды была непредсказуемой.

Артур вышел из офиса через пять минут, сел в машину и хлопнул дверью.

— Элинор хочет расширить клуб. Говорит, нашла новое помещение, и ей нужно мое благословение. — Он усмехнулся, пристегивая ремень. — Благословение. Как будто она когда-нибудь спрашивала разрешения. Она просто ставит меня перед фактом, а я делаю вид, что это моя идея. Идеальный брак, Рой.

Рой ничего не ответил. Он завел двигатель и выехал на дорогу. Артур покосился на него.

— Ты чего молчишь? Опять кофе перепил? Или тебя кто-то расстроил?

— Все в порядке.

— Ну-ну. — Артур откинулся на сиденье и закрыл глаза. — Ладно, не хочешь говорить, не надо. Но когда захочешь, ты знаешь, где меня найти. Обычно я в баре или в постели с женой. Второе предпочтительнее.

Рой вел машину, но краем глаза все еще видел дверь здания напротив и женщину, вышедшую из нее.

Вечер того же дня. Частный клуб в Мейфэре — место, куда не ходят, чтобы быть увиденными. Старая кирпичная кладка, кожаные кресла, запах сигар и старого виски, впитавшийся в деревянные панели за десятилетия. В главном зале потрескивал камин, в читальне царила тишина, нарушаемая только шелестом газетных страниц и редким звоном ложечки о фарфоровую чашку.

Рой сидел в углу читальни, в глубоком кожаном кресле, и просматривал документы на нового потенциального партнера Артура, владельца сети складов в Тилбери, который хотел «сотрудничать». На самом деле он не столько читал, сколько ждал. Артур должен был подъехать позже, после встречи с юристами, и Рою велели быть на месте. На случай, если партнер окажется не таким дружелюбным, как его письма.

Внезапно тишину читальни нарушил голос. Низкий, обво-

лакивающий, с легкой хрипотцой. Он доносился из-за ширмы, отделявшей часть зала для частных переговоров.

— Нет. Я сказала, никакого сусального золота и танцовщиц с голыми животами. Это не «Арабская ночь» из дешевого кабака. Мы воссоздаем обряд очищения огнем Ахеменидов. У вас будут чаши с горящим шафраном, гости будут входить через портал из черного базальта. Это медитация на тему власти и бремени, а не шоу для туристов.

Рой замер. Он узнал этот голос мгновенно, кожей, раньше, чем мозгом. Вилла. Снова. В том же клубе, где он сидел. В тот же день, когда он видел ее выходящей из офиса Торнтона.

«Пятый раз. Парк-лейн, переулок, Суррей, галерея, теперь это. Это уже не случайность. Это либо судьба, в которую я не верю, либо кто-то играет. Но она не похожа на игрока. Она похожа на саму себя».

Он не встал. Не подошел к ширме. Просто остался сидеть, глядя в документы, но не видя ни строчки. Он слушал. Ее голос был спокойным, уверенным, с теми стальными нотками, которые появляются у людей, привыкших отстаивать свое видение перед клиентами, не понимающими разницы между стилем и безвкусицей. Она говорила о Персеполии, о ритуалах очищения, о короне Ахеменидов. Она знала, о чем говорила. И она не прогибалась.

Через несколько минут разговор за ширмой закончился. Послышался звук отодвигаемого стула, шаги. И из-за шир-

мы вышла Вилла. Раскрасневшаяся после спора, с горящими глазами, в которых пылали угли россыпью. В руках, кипа папок, на плече, ремешок портфеля. Она сделала два шага и остановилась, потому что прямо перед ней, загораживая проход между креслами и книжными шкафами, стоял Рой Кейн.

Она не вздрогнула. Просто подняла голову и встретила с ним взглядом. В ее глазах промелькнуло что-то, узнавание, удивление, а затем быстрая, как вспышка, тень чего-то более темного и горячего. Она подавила это мгновенно, но он заметил. Он всегда все замечал.

— Мир тесен, — сказал он. Голос ровный, без эмоций.

Вилла чуть склонила голову набок, поправляя ремешок портфеля на плече. На ее губах появилась легкая усмешка, не веселая, скорее, философская.

— Это Лондон, мистер Кейн. Здесь все тесно, если знать, куда смотреть.

Она сделала шаг в сторону, чтобы обойти его, но проход был узким, и ее плечо едва уловимо коснулось его груди. Легкое прикосновение, ткань ее пиджака к его кашемировому кардигану. Искра. Рой почувствовал жар ее тела даже через слои одежды. Она тоже почувствовала, ее дыхание сбилось на долю секунды, почти незаметно, но он услышал.

Она прошла мимо и уже взялась за ручку двери, ведущей в холл, когда Рой заговорил снова.

— Вы сегодня были в офисе сэра Генри Торнтонна.

Это был не вопрос. Констатация факта, брошенная ей в спину. Вилла остановилась. Ее спина напряглась, но она не обернулась. Пауза. Долгая, натянутая.

— Вы следите за мной, мистер Кейн? — спросила она, не поворачиваясь. Ее голос был ровным, но в нем звенела та самая сталь, которую он слышал из-за ширмы.

— Я видел вас из окна. Офис моего работодателя находится напротив. Это не слежка. Это география.

Вилла медленно повернулась. Теперь она смотрела на него в упор, и в ее болотных глазах горел холодный, оценивающий огонь. Она не злилась, она прикидывала, что ему ответить и сколько правды он заслуживает. Рой видел эту работу мысли в ее взгляде и уважал ее за это.

— Сэр Генри пытался нанять меня для одного мероприятия, — сказала она наконец. — Я отказалась. Сегодня я заходила забрать свои материалы, эскизы и референсы, которые оставила у него после первой встречи. Он не хотел отдавать. Пришлось быть убедительной.

Рой молча смотрел на нее. Она отказалась от заказа Торнтон. Не работает с ним. Пришла забрать свое. Это объясняет, почему она ушла в галерею, когда он появился, она не хотела, чтобы он думал, что она имеет к нему отношение.

— Убедительной, — повторил он. — Вы угрожали ему Ахеменидским огнем?

Уголок ее губ дернулся, тень той самой усмешки.

— Нет. Я просто объяснила ему, что мои эскизы защище-

ны авторским правом, а его репутация в определенных кругах не настолько безупречна, чтобы позволить себе судебный иск о краже интеллектуальной собственности. Он понял. И отдал.

Рой чуть наклонил голову, и свет от настольной лампы блеснул на стеклах его очков. «Умно. Холодно. Эффективно. Она знает слабые места людей и бьет точно в них. Без крика, без угроз, просто фактами. Это впечатляет».

— Вы могли бы просто оставить ему эти эскизы, — сказал он. — Нарисовали бы новые.

— Я не оставляю свое тем, кто пытается меня использовать. — Она поправила портфель на плече, и в этом жесте было что-то окончательное. — Это принцип.

Она смотрела на него, ожидая реакции. Осуждения? Одобрения? Рой не дал ни того, ни другого. Он просто принял информацию к сведению, и это, кажется, устроило ее больше всего.

— Доброго вечера, мистер Кейн, — сказала Вилла и вышла.

Он смотрел на закрывшуюся за ней дверь. Потом вернулся в свое кресло, взял документы, но не читал их. В голове крутилось: «Она отказалась от Торнтона. Она пришла забрать свое. Она не врет. Она не играет. Она просто такая. Чистая, но не наивная. Умная, но не манипулятор. Опасная — но не для меня. Для меня она другая опасность».

Он поправил очки и заставил себя сосредоточиться на бу-

магах. Но буквы расплывались, а перед глазами стояло ее лицо в тот момент, когда она повернулась к нему в дверях — гордое, спокойное, с тлеющим огнем в глубине зрачков.

Вечером того же дня, вернувшись домой, Вилла скинула туфли, бросила портфель на стул в прихожей и села на пол, прислонившись спиной к стене. Царица вышла из гостиной, оценила состояние хозяйки и, фыркнув, улеглась рядом, положив пушистую голову ей на колено.

— Он видел меня у Торнтонна, — сказала Вилла, глядя в потолок. — Он спросил. Я объяснила. И знаешь что? Он поверил. Я видела это по его глазам. Он не сомневался. Он просто принял.

Царица замурчала, низко, вибрирующе, словно одобряя.

— И он снова стоял слишком близко. И я снова почувствовала это.

Она закрыла глаза. Перед внутренним взором всплыло его лицо, холодные глаза за стеклами очков, проседь в бороде, жесткая линия рта. И то, как он смотрел на нее, когда она сказала про принципы. Не осуждал. Не восхищался. Просто принимал. Как равную.

— Царица, — прошептала она. — Кажется, у меня серьезные проблемы.

Кошка лизнула ее руку шершавым языком. Вилла вздохнула и пошла на кухню ставить чайник. Завтра у нее был тяжелый день — подготовка к приему у лорда Эшфорда, «Тени старой Англии», факелы, тюдоровские актеры, бесконечные

правки. Но сейчас она могла думать только о том, как его плечо коснулось ее плеча в узком проходе клуба, и о том, что она готова была развернуться и поцеловать его прямо там, у книжных шкафов, на глазах у почтенных джентльменов, читающих газеты.

Она не сделала этого. И он не сделал. Но что-то подсказывало ей, что следующая встреча будет другой. Потому что пять «случайностей» за почти месяц, это уже не случайность. Это диагноз. И от этого диагноза не лечат.

В своей квартире в Кэнэри-Уорф Рой сидел за ноутбуком. Он снова открыл ее досье. Снова пролистал. Ничего нового. Чисто. Он закрыл ноутбук и долго смотрел в темное окно, за которым горели огни Лондона.

«Она сказала правду. Она отказалась от Торнтона. Она пришла забрать свое. Она не врет. Она не играет. Она просто такая, какая есть. И она...»

Он не закончил мысль. Встал, подошел к окну, сложил руки на груди. В отражении стекла он видел свое лицо, такое же, как у того кричащего Папы, только молчащее. Артур был прав тогда, в галерее. Он напряжен. Слишком напряжен. И эта женщина, Вилла Ашер, каким-то образом пробивала его защиту снова и снова, даже не пытаясь. Просто существуя. Просто будучи собой.

Он думал о том, что будет дальше. О том, что они неизбежно увидятся снова, Лондон тесен, когда знаешь, куда смотреть, а они оба знали. О том, что он хотел этого — и бо-

ялся этого хотеть. О том, что контроль, который он выстраивал годами, трещит по швам от одного только запаха ее духов.

Он не знал, когда это случится. Но он знал, что это случится. И впервые за долгое время Рой Кейн не был уверен, что сможет контролировать исход.

Глава 7

Это был вторник, и вторник начинался неплохо.

Рою нужен был флеш-накопитель. Маленький, черный, с серебряной цепочкой. Его, как брелок, что было удобно и глупо одновременно носил Марк Солли. Мелкий посредник, который работал на Тэдди Моргана и думал, что Рой об этом не знает. Рой знал об этом уже восемь дней, на накопителе были данные о счетах, которые связывали Тэдди Моргана с бирмингемским поставщиком. Без этих данных Кэт не могла закончить свою часть работы, а Кэт не любила незаконченную работу.

Солли работал барменом в «Прайм» по вторникам и четвергам.

Это Хейл установил за три дня — маршрут, расписание, привычки. Солли приезжал на метро, выходил на Олдгейт, заходил в один и тот же магазин за одним и тем же сэндвичем, открывал клуб в половине восьмого. Человек без воображения, что само по себе было информацией: люди без воображения предсказуемы, а предсказуемые люди управляемы.

— Флешка при нем? — спросил Рой.

— В куртке, — сказал Хейл. — Внутренний карман, левая сторона. Он ее не вынимает. Думает, что это безопаснее, чем

дома.

— Он прав. Дома было бы безопаснее для нас, — заметил Рой.

Они сидели в машине в ста метрах от входа в клуб. Хейл за рулем. Тоби на заднем сиденье — занимал его полностью, как предмет мебели, которому дали возможность передвигаться. Кэт не было — она была внутри. Уже двадцать минут. Рой не спрашивал, как она туда вошла. Некоторые вопросы разрушали картину мира.

— Сколько людей? — спросил Рой.

— Пятеро своих, — сказал Хейл. — Плюс персонал. Персонал — не его.

— Пятеро — это Солли хочет казаться важным или реально ждет неприятностей?

— Второе. Он получил сигнал, что мы ищем флешку. Не знает от кого, не знает как — просто знает.

— От кого сигнал?

— Работаю.

— Хорошо.

Рой смотрел на вход в клуб. Красная дверь, тусклый свет над ней, двое на входе — молодые, в одинаковых куртках, с одинаковым выражением лица людей, которых наняли выглядеть убедительно.

— Тоби, — сказал Рой.

— Да, — сказал Тоби с заднего сиденья.

— Ты сегодня в каком настроении?

Тоби подумал. Это всегда занимало у него время — он не отвечал не подумав.

— Миролюбивом, — сказал он наконец. — Но гибком.

— Хорошо. Гибкое миролюбие — это именно то, что нужно.

Хейл вытащил зубочистку.

— Заходим?

— Да.

Двое на входе увидели Тоби первым.

Это был стандартный эффект: когда Тоби шел, взгляд цеплялся за него раньше, чем за остальных. Не потому что он делал что-то угрожающее — он не делал ничего. Просто его было много, и это само по себе было аргументом.

— Клуб закрыт, — сказал один из них.

— Я вижу, — сказал Тоби. — Мы по делу.

— Какому делу?

— По нашему.

Пауза. Охранник посмотрел на Тоби, потом за его плечо — на Хейла, на Роя. Хейл стоял чуть сбоку с руками в карманах куртки и смотрел куда-то над головой охранника — туда, где теоретически был горизонт. Рой стоял прямо и ждал с видом человека, у которого есть время, но он предпочел бы его не тратить.

— Подождите, — сказал охранник и потянулся к телефону.

— Конечно, — сказал Рой.

Они ждали. Сорок секунд. Охранник говорил тихо, потом убрал телефон и открыл дверь — не потому что хотел, а потому что получил команду.

Тоби вошел первым. Рой — за ним, неторопливо, как входят в помещение, которое уже считают своим.

Внутри было пятеро. Солли за барной стойкой — бледный, с руками, которые он пытался держать спокойно и не вполне справлялся. Четверо рассредоточены по залу — двое у стены, один у второго выхода, один на возвышении у диджейского пульта, откуда был обзор всего помещения.

Хейл вошел следом. Остановился у двери — спиной к ней, лицом к залу. Сложил руки перед собой. Зубочистка перешла из левого угла рта в правый.

Тоби прошел к центру зала. Остановился. Огляделся — медленно, без спешки, как оглядываются люди, которым некуда торопиться. Поймал взгляды троих из четырех. Четвертый, тот что на возвышении, смотрел на Роя.

— Все хорошо. — сказал Тоби негромко. Не угрожающе. Скорее успокаивающе — как говорят людям, которые начинают нервничать. — Никто никуда не торопится.

Один из тех, что у стены, сделал движение рукой — Тоби повернул к нему голову. Просто повернул. Человек у стены остановился.

— Хорошо, — сказал Тоби. И улыбнулся — неожиданно, мягко, как улыбаются люди, которые искренне рады, что обошлось без осложнений.

Рой подошел к барной стойке.

Солли смотрел на него. Рой сел на барный стул — не топясь, как садятся, когда пришли ненадолго, но на своих условиях. Снял очки. Протер стекла. Надел обратно.

— Марк, — сказал он.

— Ты кто такой, твою мать? — сказал Солли. Голос почти ровный. Почти.

— Не возбуждайся так. Тебе хорошо известно кто я. — Рой положил руки на стойку. — Еще до того момента, как Тэдди Морган упомянул имя Синклера в разговоре с тобой три недели назад. В кафе на Брик-лейн. Ты заказал капучино, он — черный. Вы сидели у окна. Он сказал тебе держать флешку до его приезда и никому не отдавать.

Солли молчал. Побелел немного.

— Это хорошее кафе, — продолжил Рой. — Я там бывал. Капучино действительно хороший.

— Откуда вы

— Марк. — Рой говорил ровно, почти дружелюбно. — Я знаю о тебе достаточно, чтобы этот разговор был очень коротким. Я знаю, где ты живешь. Знаю, что ты должен за квартиру за два месяца. Знаю, что твой брат, коппер, в Лидсе думает, что ты работаешь барменом и больше никем. — Пауза. — Я бы хотел, чтобы твой брат продолжал так думать. Это в интересах всех.

— Вы угрожаете.

— Нет. — Рой чуть наклонил голову. — Я описываю си-

туаацию. Угроза, это когда говорят, что случится, если ты не сделаешь. Я просто объясняю, как все устроено. — Он положил на стойку конверт. — Здесь достаточно, чтобы закрыть долг за квартиру. Это не взятка. Это компенсация за неудобство.

Солли смотрел на конверт. На Роя. Снова на конверт.

— А Тэдди?

— Тэдди получит сигнал, что флешка утеряна. Это твоя версия. Я не буду ее опровергать.

— Он не поверит.

— Может быть. — Рой пожал плечами. — Но это уже будет его проблема, не твоя. У тебя, Марк, сейчас только одна проблема, и она решается очень просто.

Солли смотрел на него еще секунду. Потом медленно достал флешку из внутреннего кармана куртки и положил на стойку.

Рой взял флешку. Взял конверт и положил на то место, где лежала флешка.

— Спасибо, — сказал он. — Хорошего вечера, Марк.

Он встал. Застегнул пиджак.

Один из четырех, тот, что стоял у второго выхода, сделал шаг вперед. Тоби повернул к нему голову.

Человек у выхода остановился.

— Всем спокойной ночи, — сказал Тоби. Совершенно искренне.

Они вышли. Дверь закрылась.

На улице Хейл сказал:

— Четыре минуты.

— Три пятьдесят две, — поправил Тоби.

— Ты считал?

— Я всегда считаю.

Рой шел к машине. Флешка была в кармане. Конверт остался на стойке. Это была простая арифметика: информация стоила дороже, чем деньги в конверте, а Солли получил возможность сказать себе, что он не сдал флешку, он ее продал. Людям важно, как они называют то, что делают.

На следующее утро Хейл прислал сообщение в шесть сорок семь.

Просто адрес. Рой знал, что это означает: смотри сам.

Он приехал через сорок минут. Хейл стоял у машины — расстегнутая куртка, зубочистка, вид человека, который ждал давно и не скучал.

— Вчера вечером, — сказал Хейл. — Ресторан на Мэйфэр. Тэдди Морган и один человек. Час двадцать.

— Кто человек?

Хейл протянул телефон. На экране — фотография. Нечеткая, с расстояния, но достаточная. Мужчина лет пятидесяти пяти. Сухощавый. Дорогой костюм. Осанка человека, которому не нужно ничего доказывать, потому что все давно доказано.

Рой смотрел на фотографию три секунды.

— Ты знаешь, кто это?

— Нет, — сказал Хейл. — Но знаю, куда он поехал после. — Пауза. — В Мейфэр. Улица Хилл-стрит. Дом восемнадцать.

Рой поднял взгляд.

Дом восемнадцать на Хилл-стрит. Он знал этот адрес. Там располагался офис сэра Генри Торнтон.

— Они знакомы, — сказал Рой. Не вопрос.

— Как минимум, — сказал Хейл. — Портье открыл дверь раньше, чем он позвонил. Значит, ждали.

Рой смотрел на фотографию еще секунду. Тэдди Морган, который «проверял систему» по словам Тоби. Торнтон, которого Артур просил «посмотреть». Встреча в ресторане, которую не планировалось видеть.

Слишком аккуратное совпадение, чтобы быть совпадением.

— Артуру?

— Пока нет, — сказал Рой. — Найди мне имя.

— Работаю.

— И Тоби скажи — пусть держит Тэдди в поле зрения.

Тихо. Без контакта.

— Уже сказал.

Рой вернул телефон. Посмотрел на адрес — восемнадцать, Хилл-стрит. Потом на серое утреннее небо над Мейфэром.

Два человека из разных концов одной проблемы встретились за ужином и думали, что их никто не видел. Это была стандартная ошибка. Люди, которые привыкли действовать осторожно, иногда забывают, что осторожность — это не только про то, что делаешь ты. Это про то, кто смотрит.

— Хейл.

— Что.

— Флешка у Кэт?

— Со вчерашнего вечера.

— Хорошо.

Рой сел в машину. Хейл — за руль. Тронулись.

За окном Мейфэр медленно просыпался — дорогой, самодовольный, полный людей, которые ужинали с нужными людьми и думали, что этого никто не заметил.

Имя пришло в среду.

Не через базы — базы дали только компанию и адрес регистрации, что само по себе было информацией: человек, который умеет оставаться невидимым в базах, либо параноик, либо профессионал. Хейл нашел его через старый метод — живых людей, которые помнят лица.

Он позвонил Рою в семь вечера.

— Ричард Коул, — сказал он. — Пятьдесят восемь лет. Партнер в «Коул и Беннет». Юридическая фирма. Сити.

— Слышал о нем?

— Нет. Это хорошо или плохо?

— Плохо, — сказал Рой. — Люди такого уровня должны быть слышны. Если не слышен — значит, работает на это.

Пауза.

— Клиенты?

— Официально — корпоративные. Слияния, поглощения, трасты. Ничего интересного.

— А неофициально?

— Работаю, — сказал Хейл. — Но уже есть кое-что. Один из трастов в его портфеле зарегистрирован на Мальте. Учрежден восемь лет назад. Бенефициар — физическое лицо, имя закрыто. Но адрес для корреспонденции — Хилл-стрит, восемнадцать.

Торнтон.

— Восемь лет, — сказал Рой.

— Да.

— Задолго до того, как Артур начал смотреть в сторону Торнтон.

— Задолго, — подтвердил Хейл. — Рой.

— Что.

— Тэдди приехал из Дублина проверить систему. Коул в Лондоне восемь лет. — Пауза. — Это не совпадение и не разведка. Это структура.

Рой смотрел в окно. Кэнэри-Уорф горел огнями — деловой, равнодушный, занятый собой.

— Артуру пока не говори, — сказал он.

— Уже не говорю.

— Хейл.

— Что.

— В этот раз подожди команды.

Долгая пауза.

— Хорошо, — сказал Хейл. — В этот раз подожду.

Артур позвонил в половине одиннадцатого. Не по делу — по тону было слышно.

— Рой. Торнтон. Ты что думаешь?

— О чем именно?

— Он звонил мне вчера. Хочет встретиться. Говорит, есть предложение по поводу земли в Суррее и еще кое-чего. — Артур помолчал. — Голос у него был странный. Слишком уверенный для человека, которого я попросил подождать три месяца назад.

Рой ничего не ответил.

— Ты молчишь, — заметил Артур. — Когда ты молчишь, это либо ты думаешь, либо ты уже подумал и не говоришь. Второе?

— Второе.

— И?

— Скажи ему: через две недели. После приема у Эшфорда.

— Почему через две недели?

— Потому что мне нужны две недели.

Артур помолчал. Потом хмыкнул.

— Хорошо. Две недели. — Пауза. — Рой.

— Что.

— Ты у меня как хороший доктор. Я прихожу с насморком, а ты говоришь «через две недели» и смотришь на меня так, что я понимаю: дело не в насморке.

— Артур.

— Что.

— Через две недели.

— Понял. — Артур отключился.

Рой убрал телефон. Написал Хейлу одно слово: «Ускорь-ся».

Хейл ответил: «Уже».

◇◇◇

Олдвич-Холл, родовое поместье лорда Эшфорда, располагалось в глубине Оксфордшира. Особняк был построен в георгианском стиле — колонны, портики, флигели, оранжерея, пруд с лебедями и лабиринт из тисовых кустов. Вилла приехала сюда за два дня до приема и жила в гостевом крыле, которое превратила в штаб. Тема вечера: «Тени старой Англии: где спит Минотавр». Она работала с пространством, светом, звуком и символами. Тени от свечей должны были падать на стены так, чтобы проступали силуэты горгулий и грифонов. Музыка написал современный композитор на основе средневековых манускриптов. Официанты двига-

лись по залу, подчиняясь схеме, которую она начертила на плане рассадки, схема повторяла движение планет в ночь зимнего солнцестояния.

Вилла стояла у входа в главный зал, сверяя рассадку гостей с планшетом, когда Флоренс подлетела к ней — покрасневшая, с выбившимися из пучка волосами и планшетом в руке.

— Поставщик орхидей, — выпалила она. — Прислал фаленопсисы вместо вандов.

Она сказала это с таким лицом, будто ей вместо черной икры подали плавленый сырок.

— И? — Вилла даже не подняла глаз от схемы.

— Я заставила его развернуться.

Вилла наконец посмотрела на нее.

— Умница.

Флоренс, двадцать три года, сраный перфекционист, которого Вилла вытащила из какого-то кривого ивент-агентства, сияла. Она обожала, когда Вилла ее хвалила. А Вилла обожала людей, которые не ждут, пока им скажут, а действуют сами.

— Поставщик сказал, что ванды закончились, — продолжила Флоренс, открывая свой блокнот — потрепанный, исписанный вдоль и поперек, с закладками из стикеров разных цветов. — Но у них есть фаленопсисы. Белые. Я сказала, что белые нам не подходят. Они сказали, что других нет. Я сказала, что тогда они найдут другие, потому что у нас контракт.

Они нашли.

— Где?

— В другой теплице. В Голландии. Привезут завтра утром.

— А ты откуда знаешь про теплицу в Голландии?

Флоренс подняла голову, посмотрела на Виллу с выражением «ты серьезно?».

— Я записала. Когда мы заключали контракт. В примечаниях.

Вилла посмотрела на нее долгим взглядом.

— Ты пугаешь меня, Флоренс.

— Это комплимент. Я знаю.

Флоренс, довольная, унеслась проверять, как там Дэн с декорациями. Вилла покачала головой и вернулась к планшету.

К семи вечера начали съезжаться гости. Рой приехал с Артуром и Элинором. Артур, в смокинге, что-то вполголоса обсуждал с женой, и по тону его голоса Рой понимал: обсуждают не бизнес. Элинор отвечала ему так же тихо, и Рой, глядя в зеркало заднего вида, видел, как она поправляет мужу запонку и как он накрывает ее руку своей.

Элинор Синклер была женщиной, о которой ходили легенды. Высокая, с точеным лицом и темными глазами, которые видели насквозь. Она владела элитным стрелковым клубом в Суррее и управляла им с холодной эффективностью. Говорили, что она отлично стреляет и что однажды, когда конкурент попытался запугать ее сотрудников, она лично

объяснила ему, что случится, если он еще раз появится поблизости. Конкуренент больше не появлялся. Артур боготворил ее.

Когда они вошли в главный зал, Рой сразу почувствовал: что-то здесь не так. Тени на стенах двигались, хотя свечи горели ровно. Музыка проникала под кожу. И запах, не только духи и вино, но что-то еще, травяное и горьковатое, как полынь. Как она.

Зачем он приехал — это был хороший вопрос. Официально: сопровождать Артура на светском мероприятии. Неофициально: посмотреть на Торнтон в естественной среде обитания. Есть разница между человеком за переговорным столом и человеком с бокалом в руке среди людей, которые его знают. За столом люди показывают то, что приготовили. На приеме — то, что есть.

Сэр Генри Торнтон появился в зале в четверть восьмого. Рой заметил его сразу, не потому что искал, а потому что Торнтон вошел именно так, как входят люди, которые хотят, чтобы их заметили, и одновременно боятся, что их заметят слишком внимательно. Громко поздоровался с лордом Эшфордом. Похлопал кого-то по плечу. Засмеялся раньше, чем успела прозвучать шутка. Нервный.

Рой взял воды, не шампанского, никогда шампанского на работе, и переместился к колонне, откуда просматривался весь зал. Это была его позиция по умолчанию: периметр, не центр. Оттуда он наблюдал.

Торнтон за первые двадцать минут проверил телефон четыре раза. Не звонки, именно проверял, смотрел на экран и убирал обратно. Ждал чего-то. Или кого-то. Рой отметил это и перевел взгляд на остальных гостей, привычка читать комнату целиком, а не фокусироваться на одном объекте раньше времени.

Он увидел ее. Она стояла в дальнем конце зала, у арочного прохода, и разговаривала с кем-то из персонала. На ней было длинное шелковое платье глубокого изумрудного цвета, с открытой спиной, которое струилось вдоль тела. Глубокий вырез открывал бледную кожу груди. Волосы распущены, тяжелой темной волной падают на плечи и спину. Рой почувствовал, как внутри у него что-то сдвинулось. Тяжелое, горячее, давно забытое. Он заставил себя отвести взгляд и заняться тем, зачем приехал. Но краем глаза он все время следил за ней.

Вилла чувствовала его присутствие кожей. Она не видела его, она стояла спиной ко входу, когда он вошел, но знала, что он здесь. Воздух в зале изменился, стал плотнее, словно перед грозой. Она закончила инструктаж, отпустила официанта и позволила себе медленно повернуться. Он стоял у колонны, в двадцати футах от нее, в безупречном черном смокинге. Очки в коричневой оправе блестели в свете свечей. Он не смотрел на нее, он сканировал зал, но она знала, что он знает, где она стоит.

Вилла заставила себя заниматься работой. Проверила рас-

становку бокалов. Убедилась, что музыканты готовы. Перекинулась парой слов с леди Эшфорд. Все это время она чувствовала его взгляд, иногда на своем затылке, иногда на обнаженной спине. И каждый раз, когда их взгляды случайно встречались, между ними вспыхивало что-то безмолвное, электрическое, опасное.

Рой большую часть ужина провел в библиотеке. У него была встреча с лордом Уинтертоном, шестьдесят два года, широкий, красный от портвейна, с голосом, которым удобно командовать загонщиками на охоте. Артур хотел прощупать почву по одному земельному вопросу в Оксфордшире, деликатному, требовавшему личного разговора без свидетелей.

Уинтертон пришел минута в минуту, пунктуальность старой школы. Они сидели в глубоких кожаных креслах у нетопленного камина, пока в зале играла музыка, написанная на основе средневековых манускриптов. Рой подумал, что Вилла выбрала ее намеренно, чтобы разговоры в зале текли медленнее, чем обычно. Правильное решение.

— Земля на границе с Котсуолдсом, — сказал Уинтертон.
— Артур хочет ее под логистику?

— Под хранение. Долгосрочная аренда. Артур не покупает то, что может арендовать.

— Разумно. Я слышал, он взял склады в Тилбери.

— Обсуждает.

— С Виллисом?

Рой посмотрел на него. Уинтертон сказал это небрежно,

между делом — но слишком небрежно для человека, который знает это имя.

— Вы знакомы с Виллисом?

— Шапочно. Встречались пару раз. Лондон тесен.

— Да. Особенно в определенных кругах.

Рой убрал это наблюдение в ту часть головы, где хранились вещи, которые требуют проверки. Уинтертон знает Виллиса. Уинтертон — потенциальный партнер Артура. Виллис — потенциальный партнер Артура. Это могло быть ничем. А могло быть краем чего-то.

Встреча заняла двадцать минут. Когда Рой вернулся в зал, Торнтон стоял у буфета с бокалом и разговаривал с кем-то, кого Рой не знал. Разговаривал активно, жестикулировал, наклонялся к собеседнику, смеялся. Слишком активно для человека, которому комфортно. Так ведут себя люди, которым нужно произвести впечатление или убедить.

Рой пересек зал, взял воды и остановился достаточно близко, чтобы слышать интонацию. Торнтон продавал что-то. Не товар — идею. Нужду в чем-то. Рой видел это по тому, как собеседник чуть отклонился назад, инстинктивно, когда чувствуют давление, и по тому, как Торнтон этого не заметил и продолжал.

Потом Торнтон снова проверил телефон. На этот раз остановился. Прочитал. Что-то изменилось в его лице незначительно, секунда, и он убрал телефон и продолжил разговор. Но улыбка стала другой. Немного шире, чем нужно. Полу-

чил ответ на то, чего ждал. Рой отпил воды. Посмотрел на часы. Запомнил время.

Он нашел Артура у камина, тот стоял с Элинор и о чем-то тихо смеялся. Рой подошел, встал рядом и негромко сказал:

— Торнтон ждал сообщения весь вечер. Получил в двадцать один сорок семь.

Артур не повернул головы.

— И?

— И стал спокойнее. Но другим спокойствием. Человек, который получил хорошие новости, расслабляется. Человек, который получил подтверждение плана, становится сосредоточеннее.

— Ты думаешь, у него план.

— Я думаю, что у него есть кто-то, кто его ведет.

Артур поднял бокал, сделал глоток. Медленно. Так он делал всегда, когда обрабатывал информацию.

— Хорошо. Две недели.

— Две недели.

Элинор посмотрела на Роя поверх бокала Артура. Ее глаза говорили: я слышала. Рой кивнул ей чуть заметно. Она кивнула в ответ и вернулась к мужу.

Через час Вилла позволила себе короткую передышку. Отошла к столику с водой у дальней стены, взяла бокал и сделала глоток, глядя на танцующих.

— Выглядите так, будто хотите убить каждого второго в этой комнате, — раздался низкий голос у нее над ухом.

Она не вздрогнула. Она ждала этого.

— Вы умеете делать комплименты, Рой. Каждого третьего. Второй еще может исправиться, если перестанет трогать мои декорации руками.

Он встал рядом с ней, плечом к плечу, глядя на танцующих. Она чувствовала жар его тела даже на расстоянии нескольких дюймов. От него пахло тем же, что и всегда — дорогим мылом, шерстью и чем-то теплым, мужским.

— Вы не танцуете.

— Я работаю.

— Я тоже. Но вы, кажется, умеете совмещать.

Она наконец повернулась к нему. В свете свечей ее глаза казались почти черными, только в глубине тлели золотые искры.

— А вы? Вы умеете что-то, кроме как стоять у колонны и смотреть на всех как на потенциальную угрозу?

Рой слегка наклонил голову, и уголок его губ едва заметно дрогнул, почти улыбка, но не совсем.

— Я умею ждать.

— И чего же вы ждете? — Вилла приподняла бровь, не отводя взгляда.

Он помолчал, изучая ее так, будто она была сложной шахматной позицией, которую нужно просчитать на несколько ходов вперед. Зрачки за стеклами очков расширились.

— Когда люди раскроют свои настоящие карты, — наконец ответил он низким, спокойным голосом. — Большин-

ство здесь играют в одну и ту же игру. Вы — нет.

— О, вы уже успели меня разгадать? Как мило. И какая же игра у меня, по-вашему?

— Вы не играете. Вы дирижируете. Только делаете вид, что просто присутствуете. Каждый ваш жест, каждое слово, рассчитаны. Даже то, как вы сейчас держите бокал... чуть ближе к себе, чем нужно. Защита. Или приглашение?

Вилла тихо рассмеялась, но в смехе скользнула опасная нотка.

— Вы наблюдательны. Это почти комплимент. Жаль только, что ваша теория хромает. Я не защищаюсь, мистер Кейн. Я выбираю, кого подпускать. А вас я пока что только рассматриваю.

— И какой вердикт? — Его голос стал чуть ниже.

— Опасный. Слишком контролирующий. Такие, как вы, обычно ломают правила... или пишут их заново под себя. — Она сделала маленький шаг ближе. — А я не люблю, когда кто-то переписывает мои правила.

Рой медленно опустил взгляд на ее губы, затем вернулся к глазам. Между ними словно воздух сгустился.

— А если я скажу, что ваши правила меня... интересуют?

— Тогда я отвечу, что интерес, это еще не право на доступ, — парировала она, чуть наклоняя голову. — Вы умеете ждать, говорите? Хорошо. Подождите. Может быть, однажды я позволю вам сделать ход. Или позволю вам думать, что это вы его сделали.

На секунду между ними повисла тяжелая, звенящая тишина. Его рука на столике сжалась сильнее, костяшки слегка побелели. Вилла почувствовала, как по позвоночнику пробежал теплый разряд, смесь вызова и желания, от которого хотелось одновременно отойти и придвинуться еще ближе.

Рой сделал едва заметный шаг вперед, сокращая расстояние до неприличного для светской беседы.

— Вы всегда так откровенно флиртуете с теми, кого считаете опасными? — спросил он почти шепотом.

— Только с теми, кто может выдержать мой уровень игры, — ответила она, не отводя глаз. — Слабые быстро ломаются. А вы... вы пока держитесь.

Его взгляд потемнел.

— Осторожнее, мисс Ашер. Я могу начать играть всерьез.

— Обещаете? — Она улыбнулась медленно, дерзко. — Потому что скучных мужчин я отсеиваю сразу.

Она смотрела на него. Он смотрел на нее. Между ними было, может быть, полфута, и ни один не отступал. Ни один не хотел отступать. Плотное напряжение висело в воздухе.

— Рой! Вот ты где. Прячешься от меня?

Голос Артура разрезал их уединение, как нож. Он подошел, держа под руку Элиноর. Артур ухмылялся той самой ухмылкой, которая не предвещала ничего хорошего. Рой с усилием сделал шаг в сторону по-прежнему смотря Вилле в глаза.

— А, мисс Ашер, так это вы. А я все думал, кого Эшфорд

нанял. Сначала охота в Суррее, теперь это. Он сегодня весь вечер только и говорит о том, что вы настоящая находка. И я с ним согласен. Очень тревожно. Мне нравится. Я весь вечер жду, что из-за угла выйдет человек с топором. Это бодрит.

— Рада, что вам тревожно, мистер Синклер. Значит, концепция работает. Хотя человека с топором не обещаю, только если кто-то из гостей сильно напьется.

Артур усмехнулся и повернулся к жене.

— Кстати, познакомься. Это Вилла Ашер, та самая ведьма, о которой я тебе рассказывал. Вилла, это моя жена Элинор.

Элинор чуть склонила голову, окинув Виллу долгим, оценивающим взглядом.

— Вы использовали «Песнь Песней» в музыкальной теме у входа?

Вилла удивленно моргнула.

— Вы первая, кто это понял. Адаптированный текст, очень низко в миксе.

— Я изучала теологию в молодости. У вас отличный слух. И смелость.

Артур перевел взгляд на Роя. Тот стоял с каменным лицом, но Артур слишком хорошо его знал, чтобы не заметить напряжение в челюсти.

— Рой, ты чего молчишь? Стоишь как тот самый человек с топором, только без топора. Расслабься, мы среди друзей.

— Я слушаю. Это моя работа.

— Твоя работа, слушать, когда я говорю о делах. А когда моя жена обсуждает древний иврит с очаровательной организаторшей приемов, ты можешь позволить себе улыбнуться.

Элинор легонько толкнула мужа локтем в бок.

— Оставь его в покое, Артур. Не всем дано быть такими же болтливými, как ты.

— Я не болтливый, я коммуникабельный. Ладно, мисс Ашер, не буду вас отвлекать. Но если Рой вам надоест своим молчанием, просто скажите ему, что у него галстук криво завязан. Он этого не выносит. Сразу оживет.

Элинор закатила глаза, взяла мужа под руку и повела его к группе гостей. Уходя, она бросила на Виллу еще один взгляд, на этот раз в нем было что-то похожее на любопытство и, возможно, тень одобрения.

Рой и Вилла остались вдвоем у столика с водой. Тишина между ними была плотной, наэлектризованной. Вилла чувствовала, как ее сердце бьется где-то в горле. Она видела, как он смотрит на нее, на ее губы, на шею, на вырез платья, и знала, что он видит, как она реагирует.

— Мне нужно проверить кухню. Ужин через полчаса.

— Идите. Я подожду.

Она ушла, чувствуя его взгляд на своей спине. В кухне она позволила себе выдохнуть. Он сказал «я подожду». Не «увидимся позже», не «я буду здесь». Он сказал «я подожду». Как будто ждал чего-то большего, чем просто ужин.

Вилла вернулась в штаб. Флоренс подняла голову от планшета.

— Ты красная.

— Жарко.

Флоренс хмыкнула, но спорить не стала.

— Ты стояла у столика с водой и разговаривала с мужчиной в очках.

— Да.

— Кто он?

Вилла взяла чашку с остывшим чаем, сделала глоток.

— Минотавр. Ожил и бродит по лабиринту.

Флоренс посмотрела на нее долгим взглядом. Потом кивнула, как будто все поняла, и вернулась к планшету.

— Ясно. Лабиринт, говоришь. Надеюсь, он не заблудится до открытия вечера.

— Посмотрим.

Флоренс больше ничего не спросила.

Рой остался в зале. Ее запах все еще висел в воздухе сандал, полынь и что-то еще, что он не мог назвать, но что заставляло его кровь двигаться быстрее.

«Она реагирует на меня. Я вижу это. Она не скрывает. И она не играет. Она просто хочет. Как и я».

Он поправил галстук, не потому что тот был криво завязан, а потому что ему нужно было чем-то занять руки. Артур был прав. Он напряжен. Слишком напряжен. И эта женщина, Вилла Ашер, была одновременно причиной и единствен-

ным возможным лекарством.

Вечер продолжался. Рой сделал то, зачем приехал, раньше, чем подали горячее. Остальное время он провел в зале, у колонны, с водой в руке и мыслью о женщине в изумрудном шелке, которую заставлял себя не искать глазами. Не всегда успешно.

Когда прием закончился и последние гости разъехались, он искал ее глазами, но не нашел. Он вышел на террасу. Холодный ноябрьский воздух ударил в лицо. На гравийной дорожке перед домом еще стояло несколько машин, но ее уже не было. Ушла. Не попрощавшись.

Сзади подошел Артур, накидывая пальто.

— Рой, ты чего тут стоишь? Замерзнешь. Поехали, Эли-
нор устала.

— Сейчас.

Артур проследил за его взглядом в темноту, но ничего не увидел.

— Она уехала минут десять назад. Очень быстро. Почти бежала. Как будто за ней кто-то гнался. Или как будто она от кого-то убегала.

Рой ничего не ответил. Артур вздохнул.

— Знаешь, Рой, я давно тебя знаю. Ты не из тех, кто бежит за женщинами. Но эта, она другая, да?

Рой молчал.

— Ладно, не хочешь говорить, не надо. Но я тебе скажу одну вещь. Элино́р она понравилась. А Элино́р редко кто

нравится. Так что думай.

Артур ушел в дом. Рой постоял еще минуту, глядя в темноту, потом развернулся и пошел к машине.

В машине он закрыл глаза и увидел ее. Изумрудный шелк, золотые искры в глазах. «Я подожду», — сказал он. И она ушла. Потому что ждать больше не было сил. Ни у нее, ни у него.

Он открыл глаза. За окном проплывал ночной Оксфордшир. Рой смотрел в окно и думал о том, что следующая встреча все решит. Потому что дальше так продолжаться не может. Потому что он больше не хочет ждать.

Вилла ехала по ночной трассе в сторону Лондона, сжимая руль так, что побелели костяшки. Она видела его лицо, когда уходила. Видела, как он смотрел на нее весь вечер. Знала, что он хочет ее так же сильно, как она его. И она сбежала. Потому что если бы она осталась еще на минуту, она бы подошла к нему и сказала то, что вертелось у нее на языке с первой встречи на Парк-лейн. И это напугало ее больше всего.

Глава 8

Тилбери пах рекой и промышленным равнодушием. Серый бетон, чайки орут, как будто им за это платят. Новый потенциальный партнер Артура хотел встретиться здесь — «нейтральная территория».

— Нейтральная территория, — сказал Рой Хейлу по дороге.

— Бывает такая?

— В теории.

— А на практике?

— На практике любая территория принадлежит тому, кто приехал раньше. — Рой посмотрел в окно. — Мы приедем раньше.

— Мы уже раньше. — Хейл переставил зубочистку. — Тоби на месте час как.

Тоби сидел на деревянном ящике с хлорофитумом на коленях. Рой остановился в дверях.

— Это что?

— Хлорофитум. — Тоби поднял взгляд с видом человека, который не понимает, что здесь неочевидно. — Я его три дня в машине возил, он начал вянуть.

— Тоби. Мы на деловой встрече.

— Я понимаю. Но он же не виноват, что встреча деловая.

Хейл вошел следом. Посмотрел на растение. Посмотрел

на Тоби.

— У моей младшей такой есть, — сказал он. — Говорит, воздух очищает.

— Очищает, — подтвердил Тоби с энтузиазмом человека, которому наконец попался компетентный собеседник. — И практически неубиваемый. Две недели без воды, все равно выживет.

— Полезное качество, — сказал Хейл.

— В нашей работе ценится.

Они помолчали в полном взаимопонимании. Рой посмотрел на них обоих.

— Вы двое закончили?

— Я закончил, — сказал Хейл.

— Я тоже, — согласился Тоби.

— Периметр?

— Чисто, — сказал Хейл. — Один наблюдатель на крыше соседнего здания. Любитель.

— Оставь. Пусть наблюдает.

— Уже оставил.

— У вас один наблюдатель и один хлорофитум, — сказал Рой. — Это не тот баланс, к которому я привык.

— Зато атмосфера мирная, — заметил Тоби.

— Тоби. Цель встречи, не мирная атмосфера.

— Я знаю. Но хлорофитум помогает сосредоточиться.

— Кому?

— Всем.

Рой открыл рот. Закрыл. Иногда с Тоби лучше было не продолжать.

Партнер — Алан Виллис, владелец складской сети, пятьдесят один год, лицо человека, который привык покупать и продавать и считает, что все в мире имеет цену, приехал с двумя людьми. Один слишком прямо стоял для телохранителя. Хейл посмотрел на него мельком и перестал, классификация занимает секунду. Рой провел переговоры сорок минут. Виллис говорил много, это был его стиль, заполнять пространство словами, пока не найдется слабое место. Рой не заполнял пространство. Он его держал.

На двадцать второй минуте Виллис сказал:

— Я думаю, мы могли бы обсудить более гибкие условия.

— Гибкие — это хорошо, — сказал Рой. — Расскажите, что вы имеете в виду под гибкими.

— Ну, скажем, шестьдесят на сорок вместо семидесяти на тридцать.

— Шестьдесят на сорок, — повторил Рой. — Это вы сейчас попросили меня отдать вам на десять процентов больше и назвали это гибкостью. Это или очень смело, или вы думаете, что я плохо считаю. Алан, я хорошо считаю.

Виллис попробовал снова на тридцать третьей минуте.

— Смотрите. Мои склады, это инфраструктура, которую Синклер не смог бы построить за такие деньги.

— Не смог бы, — согласился Рой. — Это правда. Но я также не смог бы, например, арендовать площадь у вас, если

бы у вас возникли... — пауза, — логистические сложности. Скажем, с документами. Инспекции, дело хлопотное.

— Это угроза?

— Алан. — Рой поправил очки с видом человека, которому немного скучно. — Если бы это была угроза, вы бы сейчас думали об адвокатах, а не об аренде. Это предположение. Я склонен к ним в разговорах о гибкости.

Виллис замолчал. Посмотрел на Тоби. Тоби в этот момент смотрел в окно на воду с выражением абсолютного покоя. Хлорофитум стоял рядом на подоконнике.

— Что это? — сказал один из людей Виллиса — тот, что стоял слишком прямо. Кивнул на растение.

— Хлорофитум, — сказал Тоби, не поворачиваясь.

— Зачем он здесь?

— Ему нужен был свет.

Человек посмотрел на Тоби. Потом на растение. Принял, по всей видимости, решение не развивать тему. Рой закончил переговоры на сорок первой минуте. Виллис подписал предварительное соглашение на условиях семьдесят — тридцать. Потом спросил, можно ли пересмотреть через квартал. Рой сказал, что можно обсудить. Это означало: нет.

На улице Хейл сказал:

— Шестьдесят два процента, что подпишет финальный.

— Почему не больше? — спросил Рой.

— Его люди испугались. Он это заметил. Теперь ему нужно принять решение, которое выглядит как его собственное,

а не продиктованное страхом. Это требует времени.

— Он подпишет, — сказал Тоби. Он нес хлорофитум двумя руками — аккуратно, как несут что-то, за что несут ответственность.

— Почему? — спросил Хейл.

— Потому что дома он расскажет жене, что переговоры прошли хорошо. А женам врать сложнее, чем партнерам.

Хейл подумал.

— Семьдесят один процент, — пересмотрел он.

— Договорились, — сказал Рой.

Они шли к машинам вдоль реки. Чайки орали. Тилбери пах солью и промышленным смирением.

— Рой, — сказал Тоби на полпути.

— Что.

— Тэдди Морган получил сигнал?

— Получил.

— Хорошо. — Пауза. — Я так и думал, что он не тот, за кого себя выдает.

— А за кого он себя выдает?

— За умного. — Тоби поправил горшок. — Умные не используют чужих людей для разведки. Это слишком легко читается.

— Согласен, — сказал Хейл.

— Значит, он либо не умный, либо хотел, чтобы мы его заметили.

— Зачем? — спросил Рой.

Тоби подумал. Это у него занимало время, не потому что медленно думал, а потому что не торопился.

— Чтобы понять, как мы реагируем, — сказал он наконец.
— Он проверял не вас. Он проверял систему.

Рой остановился. Посмотрел на Тоби. Тоби смотрел на хлорофитум, проверял, не подвял ли.

— Тоби, — сказал Рой.

— Что.

— Ты мог бы говорить это в начале, а не в конце.

— Мог бы. — Тоби поднял взгляд. — Но в начале я еще не был уверен. Теперь уверен.

Рой смотрел на них. На Хейла — тонкого, небритого, с вечным взглядом человека, оценивающего расстояния. На Тоби — огромного, неторопливого, держащего хлорофитум как что-то хрупкое. Кэт сейчас была где-то в городе — пила зеленый чай, читала чью-то финансовую документацию с видом студентки-аспирантки, которой скучно на лекции.

Команда. Странная, несимметричная, совершенно не похожая ни на что, что он планировал, когда начинал. И единственная, которой он доверял без оговорок.

Ну, почти без оговорок. С поправкой на хлорофитум.
Хейл переставил зубочистку.

— Семьдесят восемь процентов, что Морган еще появится, — сказал он.

— Сто процентов, — сказал Тоби.

— Ты не можешь говорить сто.

— Я говорю то, что думаю.

— Статистика не работает в абсолютах.

— Мои наблюдения работают.

Они сели в машину. Лондон ждал впереди, серый, деловитый, полный людей, которые проверяли системы и думали, что их не заметили. Рой смотрел в окно. Думал о Тэдди. О системах. О том, что кто-то достаточно умный, чтобы проверять реакцию, рано или поздно найдет то, что искал.

Тоби вел машину медленно — не потому что не умел быстро, а потому что считал, что Лондон не нужно торопить.

— Рой, — сказал он.

— Что.

— У Виллиса нервное лицо.

— Ты уже говорил.

— Я говорил, что оно нервное. Теперь я говорю конкретнее: у него нервное лицо человека, который должен кому-то другому.

Рой повернул голову.

— Не нам.

— Не вам. Кому-то еще. — Тоби смотрел на дорогу. — Он три раза посмотрел на часы, пока вы разговаривали. Не потому что спешил. Потому что ждал.

— Чего ждал?

— Сообщения. Или звонка. Который не пришел.

Рой смотрел на него.

— Ты видел это с другого конца зала.

— Я стоял у стены. Больше нечего было делать. — Тоби аккуратно перестроился в правый ряд. — Я наблюдаю, когда нечего делать. Это полезно.

— Кому он должен?

— Не знаю. Но не маленькую сумму. Люди, которые должны мало, смотрят на часы один раз. Он смотрел три.

Рой откинулся назад. Смотрел в потолок машины.

— Хейл, — сказал он.

— Слушаю, — отозвался Хейл со своего сиденья. Он ехал следом, в своей машине, но был подключен по громкой связи — стандартная практика.

— Проверь финансы Виллиса. Глубоко.

— Уже начал, — сказал Хейл. — После того, как Тоби мне написал.

— Когда ты написал? — спросил Рой у Тоби.

— Пока вы разговаривали о гибкости. — Тоби пожал плечами. — У меня руки свободные были. Хлорофитум маленький.

Рой посмотрел на хлорофитум на переднем сиденье.

— Тоби.

— Что.

— Ты вел наблюдение и параллельно писал Хейлу.

— Да.

— Держа растение.

— Одной рукой. — Пауза. — Это несложно.

За окном проплывал Лондон, серый, деловитый, равно-

душный.

— Хорошая работа, — сказал Рой.

Тоби кивнул — медленно, с достоинством. Принял это как должное.

— Рой, — сказал он через минуту.

— Что.

— Если у Виллиса долги, это значит, что он может быть рычагом.

— Знаю.

— Для кого угодно.

— Знаю.

— Для Тэдди тоже.

Пауза.

— Знаю, — сказал Рой.

— Хорошо. Просто говорю.

— Слышу.

Тоби больше не говорил. Хлорофитум ехал на переднем сиденье, покачиваясь на поворотах. Рой вытащил телефон, открыл контакты, набрал имя «В. Ашер», посмотрел на ее карточку. Заблокировал телефон, убрал в карман. Лондон заканчивался и начинался снова.

◇◇◇

Проблема возникла в среду.

Она возникла потому, что один из людей Виллиса, тот, что стоял слишком прямо, оказался не телохранителем. Хейл классифицировал его за секунду в Тилбери и перестал ду-

мать о нем. Это была редкая ошибка. Не смертельная, почти.

Звали его Пирс. Тридцать четыре года, бывший полицейский, уволенный по статье, которую в личных делах обозначают расплывчато, а в реальности означает «применение силы там, где ее никто не просил». Виллис нанял его шесть месяцев назад, охрана складов, мелкая работа. Пирс считал это унижением и компенсировал тем, что брал деньги с двух сторон.

Второй стороной оказался один из людей Тэдди Моргана.

Рой узнал об этом в среду в одиннадцать утра, когда Хейл позвонил и сказал четыре слова:

— Пирс разговаривал с ирландцами.

— Когда.

— Вчера вечером. Паб в Стратфорде. Два часа.

— О чем.

— О Тилбери. О встрече. О том, что мы взяли склады.

Рой сидел в машине у светофора. Светофор сменился на зеленый. Он не тронулся. Машина за ним коротко бибикнула. Он тронулся.

— Пирс знает, что Виллис уже подписал предварительное?

— Знает. Он присутствовал.

— Значит и Тэдди знает.

Рой помолчал секунду.

— Это меняет сроки.

— Да.

— Пирс где сейчас?

— На складе номер три. Дневная смена.

— Хорошо.

Рой позвонил Тоби.

— Тоби.

— Да.

— На складе три есть человек по имени Пирс. Скажи ему, что смена закончилась.

Пауза.

— Прямо сейчас?

— Да.

— Хорошо. — Пауза. — Рой.

— Что.

— Вежливо или убедительно?

— Для начала вежливо. Посмотришь по обстоятельствам.

— Хорошо.

Тоби перезвонил через сорок минут. Голос у него был тем самым — ровным, чуть более медленным, чем обычно.

— Рой.

— Что случилось.

— Пирс не захотел вежливо.

— И?

— Он упал.

— Тоби.

— Я не толкал. Он сам. Там ступенька. Неудобная. — Пауза. — Он в порядке. Относительно. Ключицу, кажется, сло-

мал. Или ушиб. Я не врач. Но ходит.

— Куда ходит.

— К машине. Я ему помог. Он был несколько раздражен.

— Представляю.

— Я ему объяснил, что ступенька там давно, это не наша ответственность. Он не согласился. Я сказал, что он может проконсультироваться с юристом. Он сказал несколько слов, которые я не буду повторять. Уехал.

— Хорошо.

— Рой.

— Что.

— У него был телефон. Я взял.

— Тоби.

— Там были сообщения. С ирландским номером. Я подумал, что это может быть полезно. — Короткая пауза. — Это полезно?

— Это очень полезно. — Рой помолчал. — Тоби, ты взял телефон у человека со сломанной ключицей.

— С ушибленной. Вероятно.

— Тоби.

— Он все равно не смог бы им пользоваться. Правая рука.

Рой закрыл глаза на секунду.

— Где телефон.

— У меня. Хейлу передать?

— Кэт. Только Кэт.

— Хорошо. — Пауза. — Рой, там еще одна вещь.

— Что.

— Пирс, когда уезжал, сказал, что позвонит Виллису.

— Я знаю.

— И Виллис позвонит Торнтону.

— Я знаю.

— А Торнтон...

— Тоби. Я знаю.

— Хорошо. Просто говорю.

— Слышу. Спасибо.

Тоби отключился. Рой убрал телефон. Посмотрел в окно.

Сроки изменились. Месяц превратился в неделю, может меньше. Торнтон теперь знал что склады ушли, и знал что Синклер это знает. Это меняло позиции. Не катастрофически, но меняло.

Артур позвонил через двадцать минут. Тон был тем самым, ленивым, с растяжкой, что означало: он уже все знает и ждет объяснений.

— Рой.

— Артур.

— Мне только что позвонил Виллис. Он расстроен.

— Понимаю.

— Говорит, что один из его людей попал в неприятную ситуацию на складе. Какая-то ступенька. — Пауза. — Ступенька, Рой?

— Опасная ступенька. Давно нужно было починить.

— Ступенька. — Артур произнес это слово с тем особым

удовольствием, с которым произносят вещи, которые находят нелепыми. — Тоби был там?

— Да.

— И человек упал сам.

— Сам.

— На ступеньке.

— На ней самой.

Пауза. Достаточно длинная, чтобы Рой понял, Артур смеется, просто молча.

— Рой.

— Что.

— Когда Тоби в следующий раз будет рядом со ступенькой, убери ступеньку заранее. Это дешевле.

— Учту.

— Хорошо. — Артур стал серьезнее, не намного, но слышно. — Виллис нервничает. Пирс ему звонил. Наговорил всякого.

— Знаю. Виллис позвонит Торнтону.

— Уже позвонил. Мне только что сообщили.

Рой смотрел в окно. Быстрее, чем он думал.

— Торнтон захочет встретиться раньше двух недель.

— Захочет, — согласился Артур. — Ты готов?

— Почти.

— Что значит почти?

— Значит, мне нужно еще два дня.

Артур помолчал.

— Два дня. Хорошо. Но Рой, в следующий раз, когда у тебя есть информация о том, что кто-то из наших новых партнеров сливает данные ирландцам, говори мне сразу. Не жди пока Тоби найдет удобную ступеньку.

— Принято.

— И скажи Тоби, я ценю инициативу. Но телефоны надо отдавать сразу.

— Он отдал.

— Вовремя?

— Относительно.

— Относительно. — Артур снова помолчал с тем же удовольствием. — Рой.

— Что.

— Мне нравится эта ступенька. Это изящно. По-нашему.

— Это была случайность.

— Конечно, — сказал Артур. — Всегда случайность.

Именно так это и должно выглядеть.

Он отключился.

Рой убрал телефон. Два дня. Хейл прислал бы файл по финансам Виллиса уже к пятнице, этого хватало.

Он написал Хейлу: «Ускорься. Два дня».

Хейл ответил одним словом: «Уже».

В пятницу вечером Рой получил файл. Без комментариев, только прикрепленный документ. Он открыл его за ужином, прочитал, закрыл ноутбук и доел суп. Потом открыл снова.

Финансы Виллиса оказались интересным чтением. Не в том смысле, что там было много денег — денег там как раз было меньше, чем должно быть у человека с его активами. В том смысле, что деньги утекали в одном направлении. Регулярно. С точностью метронома. Каждый квартал, одна и та же сумма на счет в Джерси, зарегистрированный на компанию с красивым названием и невнятным видом деятельности.

Рой позвонил Хейлу.

— Компания на Джерси.

— Работаю, — сказал Хейл. — Но уже есть кое-что.

— Слушаю.

— Бенефициар, не Виллис. Виллис, плательщик. Он должен. Давно. Думаю, лет шесть.

— Кому?

— Вот это интересно. — Хейл переставил зубочистку, Рой слышал этот звук по телефону столько раз, что узнавал его с полуоборота. — Конечная точка, трастовый фонд в Лихтенштейне. Фонд связан с несколькими активами в Великобритании. В том числе с одним очень знакомым именем.

— Торнтон.

Пауза.

— Ты уже знал, — сказал Хейл. Не вопрос.

— Подозревал. Флоренс, ассистентка Ашер, собирает досье на всех гостей своих клиентов. Тоби с ней разговаривал в Олдвич-Холле. — Рой закрыл ноутбук. — У Торнтоня неза-

коннорожденный сын в Испании и привычка держать людей в долгах.

— Значит, Виллис, его человек.

— Виллис, его должник. Это не одно и то же. — Рой встал, подошел к окну. — Должник может работать на того, кто его простит. Или на того, кто предложит выход.

Хейл молчал секунду.

— Ты думаешь взять его.

— Я думаю подождать. — Рой смотрел на огни Кэнэри-Уорф. — Виллис подписал предварительное соглашение. Финальный договор, через месяц. Когда он поймет, что склады теперь наши и что Торнтон потерял свой канал, у него будет выбор. Либо он объясняет Торнтону, что произошло. Либо приходит к нам.

— А если он пойдет к Торнтону?

— Тогда у нас будет разговор с Торнтоном. — Рой отвернулся от окна. — Артур давно хотел этот разговор. Просто не знал, как начать.

— А теперь знает?

— Теперь Виллис знает. А это почти то же самое.

Хейл хмыкнул. Это был его эквивалент «отличная идея».

— Продолжать копать по Торнтону?

— Глубже. Антиквариат, поставки, таможня Фелькстоуна. Я хочу знать все, что через него прошло, прежде чем он придет к нам с предложением о дружбе.

— Он придет?

— Придет. Люди вроде Торнтона всегда приходят, когда теряют канал. Это их рефлекс — искать новый.

— Когда, думаешь?

— Месяц. Может, два.

Хейл кивнул — Рой услышал это по короткой паузе в трубке.

— Я позвоню Тоби. Пусть отследит его перемещения на следующей неделе.

— Добро.

Хейл отключился. Рой посмотрел в окно. За стеклом горели огни Лондона. Он думал о Торнтоне. О том, что человек, который ждал сообщения весь вечер, теперь будет искать новый канал. И о том, что этот канал может привести его туда, куда Рой не хотел бы его приводить.

Он посмотрел на телефон. Открыл контакты. Нашел «В. Ашер». Посмотрел на номер.

Убрал телефон в ящик стола.

За окном шел дождь.

◇◇◇

Клара позвонила в субботу в половине одиннадцатого.

— Ты жива?

— Жива.

— Ты уверена? Потому что последний раз ты писала мне три дня назад. «Он сказал я подожду» — и пропала. Я уже думала позвонить в скорую.

— Клара.

— Что? Я волнуюсь. У меня есть право волноваться. Я твоя лучшая подруга.

— Единственная.

— Именно поэтому я незаменима. Кофе. Сейчас. Я уже одета.

Вилла посмотрела на себя. Она была в пижаме, с кошкой на коленях и недочитанной книгой, которую не читала последние сорок минут, потому что думала о человеке в коричневых очках.

— Дай мне двадцать минут.

— Даю пятнадцать. Кафе на Монтегю. Иди уже.

Клара Берч была из тех людей, которые занимают пространство комнаты раньше, чем физически в нее войдут. Она была стилисткой, профессиональной сплетницей и единственным человеком на свете, которому Вилла позволяла читать себя как открытую книгу.

Голос у Клары был громче, чем нужно, волосы рыжее, чем у большинства рыжих, и мнение она имела обо всем, особенно о вещах, в которых не разбиралась, что, по ее словам, давало ей особую объективность.

Они познакомились на первом курсе Кембриджа. Клара учила право, Вилла, мертвые языки, и общей у них была только очередь в университетскую кофейню и инстинктивное взаимное недоверие, которое за три часа разговора превратилось в дружбу, а за пятнадцать лет, в нечто похожее на

родство.

Клара уже сидела за угловым столиком с двумя кофе и видом человека, который знает что-то интересное и еле сдерживается.

— Рассказывай, — сказала она, когда Вилла села.

— Что рассказывать.

— Все. С момента «я подожду». Хронологически. С деталями. Особенно с теми, где ты краснеешь.

Вилла взяла кофе.

— Он сказал «я подожду», и я ушла. Потому что если бы не ушла, я бы сделала что-нибудь, о чём потом пожалела бы.

— Или не пожалела бы, — Клара хищно улыбнулась. — Может, наконец-то перестала бы быть ходячей крепостью и дала человеку шанс.

— Клара.

— Продолжай, моя целомудренная ведьма.

— Больше ничего не было. Я работаю, сплю, кормлю Царицу. Просто... иногда думаю о нём. Периодически.

— Иногда, — передразнила Клара. — Вилла, ты сейчас врешь так, что даже Царица бы фыркнула. «Периодически»?

— Периодически, — упрямо повторила Вилла.

— Вилла Ашер, королева «я контролирую всё, включая свои гормоны». Скажи честно: сколько раз в день ты думаешь о том, как он тебя раздевает взглядом?

Вилла спрятала улыбку в чашке.

— Он смотрит на меня так, будто уже решил, что я его. И

я... не могу это игнорировать.

Клара откинулась на стуле и тихо присвистнула.

— Ты, та, которая всегда держит мужчин на расстоянии вытянутой руки и одного резкого слова, встретила человека, от которого у тебя мозги плавятся. Сколько раз вы уже «случайно» пересеклись?

— Пять. Всегда случайно. Лондон внезапно стал очень маленьким.

— Лондон всегда маленький, когда дело касается химии,
— Клара наклонилась ближе. — Вопрос в другом. Ты готова к тому, что этот мужчина не из тех, с кем можно просто переспать и забыть?

Вилла посмотрела в окно. По стеклу медленно стекали капли дождя.

— Я не знаю. Я знаю только, что когда он рядом, я перестаю думать о контроле. А это... пугает меня больше всего.

Клара некоторое время молчала, потом мягко сказала:

— Тогда главное, не обманывай себя. Если он тебе нравится, признай это. Если пугает, тоже признай. Но не делай вид, что это просто «интересный мужчина». Ты уже давно так не реагировала ни на кого.

Вилла слабо улыбнулась.

— Я знаю.

Клара фыркнула и ткнула в нее пальцем:

— Ой, смотрите на нее, «я знаю».

Клара откинулась на стуле и театрально приложила руку

к сердцу.

— О боже, наконец-то! Моя девочка сломалась. Я уже готовила речь на твоих похоронах как независимой женщины. А тут, бац! Появился бородатый тип в очках, и вся твоя броня посыпалась, как дешёвая штукатурка. Я в шоке. Я в восторге. Я уже готовлю речь на вашей свадьбе. Будет много слов про Минотавра и мокрые эскизы.

Вилла закатила глаза, но улыбнулась шире.

— Клара, заткнись.

— Нет, серьезно! — Клара театрально всплеснула руками. — Последний раз ты так волновалась, когда в Кембридже профессор по средневековой литературе сказал тебе, что твоя работа «интересная». А теперь какой-то Минотавр в кашемире заставляет тебя краснеть, как школьницу. Это исторический момент. Я должна это задокументировать.

— Ты невозможная.

— Я твоя лучшая подруга, это моя работа, быть невозможной. — Клара наклонилась ближе, уже серьезнее. — Но если честно... если он вдруг сделает следующий шаг, не убегай сразу, как ты обычно делаешь. Хотя бы один раз позволь себе не быть самой умной, самой контролирующей и самой недоступной женщиной в комнате. Просто... побудь той, которой очень-очень нравится мужчина.

— Я очень постараюсь.

— Молодец. И обязательно расскажи мне, когда вы наконец переспите. Мне нужны подробности. Я живу твоей сек-

суальной жизнью, потому что своя у меня сейчас как у монахини после Великого поста.

— Клара, ты вчера ушла из клуба с двумя моделями.

— Это было два дня назад, и один из них оказался веганом. Представляешь? Я чуть не выгнала его из постели посреди процесса. «Милый, если ты не можешь съесть стейк, то хотя бы трахай меня как следует».

Вилла рассмеялась и бросила в нее салфеткой.

— Ты ужасна.

— Я великолепна. И ты меня любишь.

Клара ушла, стремительно, как всегда, как будто ее ждали в трех местах одновременно, что, вероятно, так и было. Вилла осталась за столиком с остывающим кофе. За окном шел Лондон, тесный, серый, полный случайностей, которые не были случайностями.

Она допила кофе. Оставила чаевые. Вышла на улицу.

Три дня. Три дня, за которые Рой успел: завершить сделку со складами в Тилбери, дважды сходить в спортзал до изнеможения, провести вечер с Артуром за обсуждением нового маршрута и ни разу не перестать думать о ней. О том, как она стояла в изумрудном шелке. О том, как смотрела на него перед тем, как уйти. О том, как ее запах остался в воздухе после нее.

На третий день он проснулся в шесть утра, как обычно, сделал кофе, выпил стоя у окна, глядя на серое лондонское

небо, и принял решение. Не обдумывал, не анализировал, не взвешивал риски. Просто принял.

Он не стал звонить. Не стал писать. Он сел в Ягуар и поехал в Блумсбери.

Улица была тихой, вымощенной старым кирпичом, с книжной лавкой на первом этаже и кованой лестницей. Рой припарковался напротив, заглушил двигатель и стал ждать. Он ждал сорок минут. Дверь книжной лавки открылась, и вышла она. В длинном сером пальто, с алым беретом на голове, в одной руке, бумажный стаканчик с чаем, в другой книга. Волосы распущены, падают на плечи тяжелой волной. Она остановилась на пороге, подняла голову к небу серому, низкому, обещающему дождь, и глубоко вдохнула.

А потом она увидела его.

Он стоял, прислонившись к черному Ягуару, руки в карманах темного пальто, и смотрел на нее. Без улыбки, без приветственного жеста. Просто смотрел.

Вилла замерла на мгновение. Ее сердце пропустило удар, потом другой, потом забилось быстро-быстро. Она медленно перешла улицу и остановилась в двух шагах от него.

— Мистер Кейн, — сказала она, и ее голос прозвучал ровно, хотя внутри все дрожало. — Вы заблудились в Блумсбери? Это далеко от ваших охотничьих угодий.

— Ужин, — сказал он. — Сегодня вечером. Ты свободна?

Она смотрела на него. На его проседь на висках. На его очки, за которыми глаза казались холодными, но она уже на-

училась видеть за этим холодом другое. На его руки в карманах пальто.

— Свободна, — сказала она. — Где?

— Я знаю место. Тихое. Итальянское. Заеду в семь.

Она кивнула. Он кивнул в ответ. Ни улыбки, ни лишних слов. Он сел в машину, завел двигатель и уехал, оставив ее стоять на тротуаре с чаем в одной руке и книгой в другой.

Вилла смотрела вслед удаляющемуся Ягуару, пока он не скрылся за поворотом. Потом медленно выдохнула.

— Он даже номер телефона не спросил, — сказала она вслух. — Он просто приехал. И сказал: «Ужин». И я сказала «да». Как будто это самая естественная вещь в мире.

Она отпила чай. Чай уже остыл, но она этого не заметила.

— Черт, — добавила она тихо. — У меня же ничего нет из одежды.

◇◇◇

Весь день она провела как в тумане. К шести вечера перемерила половину гардероба. Царица сидела на кровати и наблюдала за этим с выражением королевского неодобрения. В итоге Вилла выбрала простое черное платье, узкое, до колена, с длинными рукавами и вырезом, который открывал ключицы, но не более. Она добавила тонкую цепочку с лунницей и туфли на удобном каблуке. Волосы оставила распущенными. Подвела глаза темным, губы тронула прозрачным бальзамом. Посмотрела в зеркало. Оттуда на нее смотрела женщина, которая собиралась на ужин с мужчиной, способ-

ным одним взглядом заставить ее забыть о существовании остального мира.

— Ну, — сказала она своему отражению, — будь что будет.

Ровно в семь под окнами остановился черный Ягуар. Вилла выглянула, увидела, как он выходит из машины, темное пальто, серый кашемировый кардиган, и почувствовала, как внутри все сжимается. Не от страха. От предвкушения. Она спустилась, открыла дверь и вышла на улицу. Он стоял у машины, держа дверцу открытой. Когда он увидел ее, его взгляд скользнул по ней, быстро, но она заметила, как он задержался на ключицах, на луннице, на ее губах. Он ничего не сказал. Просто чуть наклонил голову, жест, который она уже научилась распознавать как знак одобрения.

— Вовремя, — сказал он.

— Я всегда вовремя. Это профессиональное.

Она села в машину. Он закрыл дверцу, обошел машину и сел за руль. В салоне пахло кожей и им, тем самым теплым, мужским запахом, от которого у нее каждый раз сбивалось дыхание. Он завел двигатель, и они поехали.

Глава 9

Ресторан назывался «Иль Сегрето», маленькое семейное заведение в закоулках Клеркенвелла, спрятанное во дворе старого кирпичного дома. Никакой вывески, только тусклая лампочка над дверью и запах чеснока, розмарина и свежего хлеба, доносящийся изнутри.

Внутри было тепло и тесно, всего несколько столиков, кирпичные стены, свечи в пузатых бутылках из-под кьянти. Их встретил пожилой итальянец с усами, как у моржа, который, увидев Роя, расплылся в улыбке и заговорил по-итальянски, быстро, эмоционально, размахивая руками. Рой ответил ему коротко, на том же языке, и итальянец, кивнув, проводил их к угловому столику у окна.

Вилла села, оглядываясь. Она не ожидала, что Рой Кейн, правая рука Артура Синклера, человек, который решал проблемы тихо и эффективно, приведет ее в такое место. Оно было уютным. Настоящим. Не пафосным, не показным. Она почувствовала, как что-то в ней расслабляется.

— Вы говорите по-итальянски.

— Немного. Артур любит Италию. Приходится.

— Вы часто здесь бываете?

— Когда нужно подумать. Здесь не задают вопросов.

Она кивнула, принимая это. Официант принес меню —

написанное от руки на пожелтевшей бумаге, — и бутылку красного вина без этикетки. Рой разлил вино по бокалам, и они заказали: пасту с трюфелями для нее, ризотто с грибами для него. Просто, без изысков.

Первый глоток вина развязал языки. Не то чтобы они нуждались в развязывании, просто напряжение, копившееся неделями, начало понемногу спадать, уступая место чему-то другому. Осторожному, но настойчивому любопытству.

Они говорили о книгах. Рой сказал, что читает в основном нехудожественное, историю, военную тактику, биографии. «Чтобы понимать, как люди принимают решения», — добавил он, и она услышала в этом больше, чем он хотел сказать.

Они говорили о контроле. Вилла сказала, что контроль, это иллюзия, но полезная. Что она создает иллюзию контроля для своих клиентов, и они платят за это большие деньги. Рой слушал, и в его глазах за стеклами очков мелькнуло что-то похожее на уважение.

— А вы? — спросила она. — Вы контролируете все?

— Я стараюсь. Но последнее время плохо получается.

Он не уточнил, что именно плохо получается контролировать. Ему не нужно было. Она поняла.

В какой-то момент, она не заметила, когда именно, он оставил бокал и больше к нему не притронулся. Взял воду. Вилла заметила это, но ничего не сказала. Просто отметила про себя: он хочет сохранить контроль. Она не знала, для

чего именно, для дороги, для разговора, для того, что будет после, но сам факт того, что он сознательно ограничивает себя, когда напряжение между ними стало почти невыносимым, сказал ей больше, чем любые слова.

Она ела пасту, облизывая губы от соуса, и каждое движение ее языка Рой ощущал где-то глубоко внутри. Он пил воду, хотя хотелось виски или просто встать, обойти стол и поцеловать ее прямо там, не обращая внимания на усатого итальянца и свечи в бутылках. Но он не встал. Не поцеловал. Он сидел, пил воду и смотрел, как она ест. Этого было почти достаточно. Почти.

Ужин подошел к концу. Рой расплатился, итальянец снова что-то сказал ему по-итальянски, на этот раз с хитрой улыбкой, и Рой ответил коротко, почти резко, но без злости, и они вышли в холодную ноябрьскую ночь.

В машине они молчали. Не потому что нечего было сказать, потому что все, что нужно было сказать, уже было сказано без слов. Взглядами. Жестами. Тем, как он подвинул к ней корзинку с хлебом. Тем, как она заметила, что он перестал пить, и ничего не спросила. Тем, как он смотрел на нее, когда она ела. Слова были бы лишними.

Ягуар остановился у ее дома в Блумсбери. Дождь, обещанный небом с утра, наконец начался, мелкий, но настойчивый, барабанящий по крыше и лобовому стеклу. Рой заглушил мотор. В салоне стало тихо, только дождь и их дыхание.

Они сидели в тишине. Секунда. Две. Пять. Десять. Сlish-

ком долго для обычного прощания. Слишком мало для того, чего хотели оба.

Вилла вздохнула, глубоко, с легкой дрожью. Она повернулась к нему. В свете уличного фонаря, проникающем сквозь мокрое стекло, ее глаза казались бездонными, темными, и только в самой глубине тлели золотые искры.

— Не могу не отдать должное твоей выдержке, Рой. Ты держал дистанцию весь вечер. Как истинный джентльмен. Или как снайпер в засаде.

Он смотрел на нее. На ее губы, чуть приоткрытые. На лунницу, лежащую в ямочке между ключицами. На то, как ее грудь поднималась и опускалась под черной тканью платья.

— Но я бы предпочла сейчас узнать наконец, каково это, целоваться с тобой, — продолжала она, и в ее голосе не было ни кокетства, ни игры, ни вызова. Только констатация факта. — А не мариновать себя в томительном ожидании, когда же ты себе разрешишь эту слабость.

Рой смотрел на нее несколько секунд. Долгих, тягучих. Она видела, как в его глазах что-то рушится, та самая плоть, которую он выстраивал неделями, месяцами, годами. Контроль трещал по швам, и он не делал ничего, чтобы его удержать.

Он снял очки. Медленно, аккуратно сложил их и положил на приборную панель. Без очков его лицо стало другим, более обнаженным, более уязвимым, и в то же время более опасным. Глаза, серо-голубые, холодные, сейчас горели тем,

что она могла назвать только одним словом: голод.

— Тогда не будем мариновать.

Голос был низким, с хрипотцой, которой она раньше не слышала. Он наклонился к ней, не резко, но неотвратно, как прилив. Его правая рука легла на подголовник ее сиденья, почти касаясь ее затылка. Левая, на ее подбородок, чуть приподнимая лицо к себе. Пальцы были теплыми, шершавыми, и от этого прикосновения по ее телу пробежала дрожь.

Поцелуй не был нежным. Это не был поцелуй-знакомство, поцелуй-вопрос. Это был захват. Его губы накрыли ее, твердо, требовательно, без колебаний. Она почувствовала вкус красного вина и что-то еще, что-то, что принадлежало только ему. Его язык коснулся ее губ, и она открылась ему без сопротивления, с тихим, утробным выдохом, который он проглотил.

Ее рука взлетела вверх и вцепилась в его бороду, грубую, с проседью, притягивая его ближе. Он зарычал, низко, вибрацией в груди, и этот звук отозвался в ней волной жара, прокатившейся от горла до низа живота. Его рука с подголовника скользнула в ее волосы и сжала их в кулак на затылке, фиксируя ее голову, углубляя поцелуй.

Они оторвались друг от друга, только когда воздух в легких закончился. Вилла открыла глаза, она не заметила, когда закрыла их. Его лицо было в дюйме от ее. Она видела каждую ресницу, каждую серебряную нить в его бороде, каждую тень в его глазах. Он тяжело дышал, и она чувствовала его

дыхание на своих губах, горячее, прерывистое.

— Наконец-то, — выдохнула она. — Я думала, ты никогда не решишься.

— Я решился в ту секунду, когда ты чуть не продырявила мне череп стрелой. Просто я медленный.

Она рассмеялась, коротко, сдавленно, и этот смех оборвался, потому что он снова поцеловал ее. На этот раз медленнее, глубже, словно пробуя на вкус каждую секунду, которую они потеряли, пока ждали.

Дождь продолжал барабанить по крыше. В салоне было жарко, стекла запотели. Где-то вдалеке снова проехала машина, но они не слышали. Мир сузился до этого момента: его губы, его руки в ее волосах, его дыхание, его вкус.

Когда они наконец отстранились, Вилла почувствовала, что ее губы припухли, а голова кружится, как после бокала шампанского. Она посмотрела на него. Он смотрел на нее, и в его глазах больше не было холода. Только голод. И что-то еще, чему она пока не могла подобрать названия.

— Это было... — начала она и замолчала, не находя слов.

— Да, — сказал он просто.

Они сидели в тишине еще минуту. Потом Вилла провела пальцами по его бороде мягко, почти невесомо, и улыбнулась. Уголками губ, той самой усмешкой, от которой у него сжималось внутри.

— Спокойной ночи, Рой Кейн.

— Спокойной ночи, Вилла Ашер.

Она вышла из машины под дождь и, не оглядываясь, поднялась по кованой лестнице к своей двери. Он смотрел, как она уходит, как дождь падает на ее волосы, на ее плечи, как она достает ключ и открывает дверь. Только когда дверь закрылась за ней, он завел двигатель и поехал.

Вилла прислонилась спиной к закрытой двери и медленно сползла по ней на пол. Царица вышла из гостиной, посмотрела на хозяйку, растрепанную, с припухшими губами и безумной улыбкой, и фыркнула.

— Царица, — прошептала Вилла. — Он поцеловал меня. И это было...

Она закрыла лицо руками и рассмеялась, тихо, счастливо, почти не веря.

Рой ехал по ночному Лондону, и на его губах все еще был ее вкус, красное вино, что-то сладкое, что-то, что он хотел пробовать снова и снова. Он не улыбался, он вообще редко улыбался. Но что-то в его лице изменилось. Он доехал до дома, поднялся, снял пальто, повесил ровно, аккуратно, как всегда. Прошел на кухню, налил воды. Выпил. Посмотрел в темное окно, за которым горели огни Лондона.

— Черт, — сказал он в тишину. — Черт, черт, черт.

Это не было ругательством. Это было признанием. Сегодня он потерял контроль. И впервые в жизни он был этому рад.

Он не спал почти всю ночь. Лежал, смотрел в потолок и

прокручивал в голове каждую секунду: ее голос, ее губы, ее вкус, то, как она выдохнула ему в рот, когда он углубил поцелуй. Он хотел ее. Не просто хотел, нуждался. И это пугало.

Вилла тоже не спала. Лежала в постели, прижимая к себе Царицу, и смотрела в потолок. Ее губы все еще горели. Она все еще чувствовала его руки в своих волосах, его дыхание, его вкус. Она хотела его. И это было страшно.

Они оба понимали: то, что случилось сегодня, не конец. Это только начало.

Рой проснулся в шесть утра, как всегда. Это было встроено в него на уровне рефлекса, открыть глаза за минуту до будильника, встать, не позволяя телу расслабляться, и начать день. Но сегодня что-то было иначе. Он лежал в постели на две минуты дольше обычного, глядя в потолок, и чувствовал на губах фантомный вкус. Красное вино. Ее губы. То, как она выдохнула ему в рот, когда он углубил поцелуй.

Он сел, провел ладонью по лицу, нащупал бороду, вспомнила как она вцепилась в нее, притягивая его ближе. Он все еще чувствовал это прикосновение. Маленькие, сильные пальцы, со следами от тетивы на подушечках. Она держала его так, будто имела право. Будто он принадлежал ей.

Он встал, прошел на кухню, сварил кофе. Черный, крепкий, без сахара. Стоя у окна, он смотрел на серое лондонское утро и думал.

«Что я делаю?»

Вопрос был простым, но ответа на него не было. Он, Рой Кейн, человек, который выстроил свою жизнь на контроле, на дистанции, на умении просчитывать последствия на десять шагов вперед, вчера вечером поцеловал женщину, которую знает чуть больше месяца. И не просто поцеловал, он потерял себя в этом поцелуе. Он забыл о времени, о месте, о том, что они сидят в машине у ее дома, что за окном дождь, что вокруг Лондон, полный чужих глаз и чужих ушей. Он забыл обо всем, кроме вкуса ее губ и звука, который она издала, когда он сжал ее волосы в кулак.

Это было неприемлемо. Это было опасно. Это было... лучшее, что он чувствовал за последние годы.

Он сделал глоток кофе. Горячий, горький, отрезвляющий. Не помогло.

«Она сказала: „Наконец-то“. Она ждала. Она хотела этого так же, как я. Она не играет. Она не манипулирует. Она просто... хочет. И я хочу. Так в чем проблема?»

Проблема была в нем. В том, что он не умел хотеть «просто». Для него желание всегда было связано с контролем — либо он контролирует, либо теряет контроль, и второе было недопустимо.

Но с ней он терял контроль с первой секунды. На Парк-лейн, когда она врезалась в него и посмотрела снизу вверх своими болотными глазами.

В переулке, когда он зажег ей сигарету и почувствовал ее запах.

В Суррее, когда стрела вошла в дерево в футе от его головы, а она стояла и смотрела на него без тени страха.

В галерее, перед кричащим Папой.

В клубе, когда она сказала: «Это Лондон, мистер Кейн, здесь все тесно».

На приеме, в изумрудном шелке, когда он не мог отвести от нее взгляд.

Он терял контроль каждый раз, когда видел ее. И вчера, в машине, он перестал даже пытаться его удерживать.

«Мне следовало бы избегать ее. Это разумно. Это безопасно. Это правильно».

Он допил кофе, поставил чашку в раковину, ровно, как всегда. Подошел к телефону, лежащему на столе. Открыл контакты. Нашел «В. Ашер». Посмотрел на номер.

«Но я не хочу быть разумным. Я не хочу избегать ее. Я хочу...»

Он не закончил мысль. Убрал телефон в карман и пошел одеваться. День только начинался, и ему нужно было работать. А вечером... вечером он, возможно, наберет ее номер. Или нет. Он еще не решил.

Вилла проснулась позже обычного. Царица сидела у нее на груди и требовательно смотрела в лицо, кошка не одобряла, когда завтрак задерживался. Вилла осторожно сняла ее с себя, села в постели и потянулась. Губы саднили. Она коснулась их пальцами и улыбнулась.

«Он поцеловал меня. Он наконец-то поцеловал меня».

Она встала, накинула шелковый халат, темно-бордовый, с вышивкой в виде виноградных лоз, и пошла на кухню кормить Царицу. Кошка, получив свою порцию, успокоилась и улеглась на подоконнике, наблюдая за хозяйкой с выражением «ну и что дальше?».

Действительно, что дальше?

Вилла насыпала себе мюсли, залила молоком, села за маленький кухонный стол и уставилась в одну точку. Вчерашний вечер прокручивался в голове, как сцена из фильма, который она смотрела сто раз и не могла насмотреться. Его лицо без очков, она впервые видела его без очков, и это было как увидеть другого человека. Более голого, более настоящего. Его глаза, серо-голубые, с расширенными зрачками, полные голода. Его рука в ее волосах. Его губы, твердые и требовательные. И звук, который он издал — низкий, утробный рык, от которого у нее до сих пор все сжималось внутри.

«Я сказала: „Наконец-то“. Я даже не пыталась скрыть, как долго я этого ждала. Я просто... сказала».

Она отложила ложку и закрыла лицо руками. Это было не в ее правилах, показывать свою уязвимость, свою потребность. Она привыкла быть самодостаточной, независимой, той, кто контролирует ситуацию. Но с ним она теряла контроль с самого начала. С той секунды, когда он подал ей мокрый лист бумаги на Парк-лейн и она почувствовала, как ее тело реагирует на простого незнакомца.

«Что я делаю? Он, правая рука Артура Синклера. Он решает проблемы тихо и эффективно. Он опасен. Он живет в мире, где люди исчезают, если задают неправильные вопросы. И я... я организатор мероприятий. Я создаю иллюзии для богатых. Мы из разных миров».

Она опустила руки и посмотрела на Царицу. Кошка медленно моргнула.

«Но когда он целовал меня, никаких миров не было. Был только он и я. И это было... правильно. Как будто так и должно было быть с самого начала».

Она встала, вылила недоеденные мюсли в мусорное ведро и пошла в душ. Горячая вода смыла остатки сна, но не мысли. Она думала о том, что будет дальше. Позвонит ли он? Напишет? Или снова появится у ее дома без предупреждения, как вчера, и скажет одно слово, и она снова скажет «да», не задумываясь?

«Мне следовало бы избегать его. Это было бы разумно. Он — риск. Он — потеря контроля. Он — все, от чего я старалась держаться подальше».

Она выключила воду, завернулась в полотенце и посмотрела на свое отражение в запотевшем зеркале. Оттуда на нее смотрела женщина с припухшими губами и глазами, в которых все еще тлел вчерашний огонь.

«Но я не хочу быть разумной. Я хочу его. И я знаю, что он хочет меня. И, возможно, это единственное, что сейчас имеет значение».

Глава 10

Прошло пять дней. Пять дней, за которые Рой не позвонил и не написал. Не потому что не хотел, он думал об этом каждый вечер, держа телефон в руке и глядя на ее номер. Но что-то останавливало его. Не страх, он не боялся. Скорее, осторожность. Он чувствовал, что если он сделает следующий шаг, пути назад уже не будет. И он не был уверен, что готов к тому, что ждет впереди.

Вилла тоже не писала. Не из гордости, она давно переросла эти игры. Она просто ждала. Она чувствовала, что ему нужно время, и давала ему это время. Но каждый вечер, ложась спать, она касалась пальцами своих губ и вспоминала.

На пятый день раздался звонок. Не от Роя, от клиента. Лорд Эшфорд, звонил лично. Это было редкостью — обычно общение шло через его ассистента.

— Мисс Ашер, — произнес он своим скрипучим, но не лишенным обаяния голосом. — У меня для вас новый проект. Вернее, не совсем для меня. Я хочу организовать прием в честь одного человека. Артур Синклер. Слышали о таком?

Вилла замерла с телефоном у уха. Артур Синклер. Конечно, она слышала. Она видела его на приеме, говорила с ним, пожала ему руку. И она целовалась с его правой рукой в машине под дождем.

— Да, лорд Эшфорд, я знаю, кто это, — сказала она ровно.

— В чем суть проекта?

— Артур оказал мне одну услугу. Деликатного свойства. Я хочу отблагодарить его. Небольшой прием, человек на пятьдесят, только свои. Что-то элегантное, но не пафосное. Артур не любит пафоса. И никакой прессы. Вы справитесь?

— Разумеется. Сроки?

— Две недели. Я пришлю вам контакты его помощника. Рой Кейн. Он занимается такими вопросами со стороны мистера Синклера. Согласуете с ним детали.

Вилла закрыла глаза. Рой Кейн. Конечно. Кто же еще.

— Хорошо, лорд Эшфорд. Я свяжусь с мистером Кейном.

Она положила трубку и несколько секунд сидела неподвижно, глядя в стену. Вселенная, как всегда, имела извращенное чувство юмора. Она только что получила заказ, который требовал от нее тесного взаимодействия с человеком, которого она пыталась выбросить из головы последние пять дней.

«Работа есть работа. Я профессионал. Я справлюсь».

Она набрала номер, который лорд Эшфорд прислал сообщением. Гудок. Второй. Третий. Она уже решила, что он не ответит, когда в трубке раздался знакомый низкий голос.

— Кейн.

— Мистер Кейн, это Вилла Ашер. Лорд Эшфорд поручил мне организацию приема в честь мистера Синклера. Он сказал, что детали нужно согласовать с вами.

Пауза. Короткая, но она услышала, как он выдохнул.

— Да. Он говорил. Когда вам удобно встретиться?

— Завтра, в десять утра. У меня офис в Блумсбери, над книжной лавкой.

— Я знаю, где это. Буду.

Короткие гудки. Вилла положила телефон на стол и посмотрела на Царицу.

— Ну вот, — сказала она. — Теперь у нас рабочая встреча. С человеком, с которым я целовалась пять дней назад и который с тех пор не дал о себе знать. Это будет интересно.

Царица фыркнула и отвернулась.

Утро следующего дня. Вилла проснулась раньше обычного, приняла душ, долго стояла перед шкафом. Ей нужно было выглядеть профессионально, но не холодно. Строго, но не так, будто она надела броню. В итоге она выбрала узкие черные брюки, белую шелковую блузу с высоким воротником и длинным бантом, который можно было завязать по-разному, и туфли на устойчивом каблуке. Волосы собрала в низкий пучок, открывая шею и скулы. Минимум макияжа, только тушь и бальзам на губах. Никаких украшений, кроме материнской лунницы.

Она спустилась в офис. Флоренс уже сидела за своим столом, в наушниках, сверяя какие-то счета. Увидев Виллу, сняла наушники.

— У тебя встреча в десять, — сказала Флоренс. — С тем самым? С Минотавром?

— С мистером Кейном, — поправила Вилла. — И да, это

деловая встреча.

— Конечно, деловая. — Флоренс поджала губы, пряча улыбку. — Я могу остаться, если нужна.

— Не нужна. Ты можешь уйти куда-нибудь на полчаса. Или час.

— Я могу пойти проверить поставщиков. Надолго.

— Иди.

Флоренс собрала планшет, блокнот, телефон, наушники и вышла, на пороге обернувшись:

— Если он тебя убьет, я расскажу полиции, что ты сама виновата.

— Флоренс.

— Уже ушла.

Дверь за ней закрылась. Вилла осталась одна.

Она заварила чай, открыла ноутбук, разложила бумаги и стала ждать.

Ровно в десять в дверь постучали. Коротко, уверенно. Она знала этот стук еще до того, как он вошел.

— Войдите, — сказала она, и ее голос прозвучал ровно, хотя сердце уже колотилось где-то в горле.

Дверь открылась, и вошел Рой. Темно-серый костюм, белая рубашка с расстегнутой верхней пуговицей, никакого галстука. Очки на месте. Пальто перекинута через руку. Он окинул взглядом комнату — быстро, профессионально, — и остановился на ней. Их взгляды встретились, и на мгновение все остальное перестало существовать.

Она видела, как его глаза скользнули по ее лицу, задержались на губах, на шее, на луннице. Он видел, как ее зрачки расширились, как она чуть прикусила внутреннюю сторону губы — привычка, которую он уже успел заметить и запомнить.

— Доброе утро, — сказал он.

— Доброе утро, мистер Кейн. Присаживайтесь.

Он сел на стул напротив нее, положил пальто на соседний стул, достал из внутреннего кармана тонкую папку. Все движения были точными, экономными, контролируруемыми. Слишком контролируруемыми. Она видела, что он напряжен так же, как и она.

— Лорд Эшфорд прислал мне предварительный список гостей, — сказал он, открывая папку. — Пятьдесят два человека. Мистер Синклер хотел бы, чтобы прием прошел в узком кругу. Никакой прессы, никаких случайных лиц. Полная конфиденциальность.

— Это стандартное требование для мероприятий такого уровня, — ответила она, беря список. Их пальцы не соприкоснулись — она специально взяла бумагу за угол, чтобы избежать контакта. Он заметил это. Она знала, что он заметил.

— Лорд Эшфорд упоминал, что вы уже работали с ним. «Тени старой Англии», — сказал Рой. — Мистер Синклер был впечатлен.

— Рада это слышать. У вас есть пожелания по формату? Тематика, стиль, особые требования?

Они говорили о деле. О списке гостей, о площадке (лорд Эшфорд предлагал свой лондонский особняк в Мейфэре), о меню, о музыке, о времени начала и окончания. Все было четко, профессионально, по делу. Но под этим слоем профессионализма бурлило другое.

Вилла чувствовала его запах. Тот самый, дорогое мыло, шерсть, что-то теплое и мужское. Он сидел в трех футах от нее, но ей казалось, что он заполняет всю комнату. Она смотрела на его руки, лежащие на столе, и вспоминала, как эти руки сжимали ее волосы. Она смотрела на его губы и вспоминала их вкус. Она смотрела на его глаза за стеклами очков и видела, что он делает то же самое — вспоминает.

Рой чувствовал ее запах. Сандал, полынь, что-то еще чай, наверное, и тот самый неуловимый аромат, который он не мог назвать, но который снился ему последние пять ночей. Он смотрел на ее шею длинную, бледную, с бьющейся жилкой, и вспоминал, как она пахла там, у основания, когда он целовал ее. Он смотрел на ее губы и хотел снова их попробовать. Он смотрел на лунницу в ямочке между ключицами и думал, что хочет коснуться ее губами.

Они оба держались. Профессионально. Сдержанно. Но воздух между ними был наэлектризован до предела, и каждый знал, что другой это чувствует.

— Кажется, мы все обсудили, — сказала Вилла через сорок минут, закрывая ноутбук. — Я пришлю вам концепцию на согласование к концу недели.

— Хорошо, — сказал Рой. Он не встал. Она тоже.

Пауза. Долгая, натянутая. Они смотрели друг на друга, и все недосказанное висело между ними, как грозовая туча.

— Вилла, — сказал он наконец. Ее имя прозвучало иначе, чем «мисс Ашер». Теплее. Опаснее.

— Рой, — ответила она.

Он снял очки. Медленно, как тогда в машине. Положил их на стол. Посмотрел на нее — без барьера стекол, с обнаженным голодом в глазах.

— Я не звонил эти дни, — сказал он. — Не потому что не хотел.

— Я знаю, — сказала она. — Я тоже не писала. Не потому что не хотела.

— Я думал что нам следовало бы избегать друг друга. Это было бы разумно.

— Я тоже так думала.

Пауза. Он смотрел на нее. Она смотрела на него.

— Но я не хочу быть разумным, — сказал он.

— Я тоже, — прошептала она.

Он встал. Медленно, как хищник, который боится спугнуть добычу, хотя добыча и не думает бежать. Обошел стол. Она встала ему навстречу. Они оказались лицом к лицу, слишком близко, как тогда в клубе, как тогда в галерее, как тогда в машине.

Его рука поднялась и коснулась ее лица. Кончики пальцев — грубые, теплые — провели по скуле, по линии челюсти,

остановились на подбородке. Она закрыла глаза, и из ее горла вырвался тихий, почти неслышимый звук — не то вздох, не то стон.

— Это плохая идея, — сказал он. Его голос был низким, хриплым.

— Ужасная, — согласилась она, не открывая глаз.

— Мы работаем вместе. Это не профессионально.

— Совершенно не профессионально.

— Я опасный человек, Вилла.

Она открыла глаза и посмотрела на него. В них разрасталось пламя.

— Я знаю, кто ты, Рой. Я знаю с первой встречи. И я все еще здесь.

Это было все, что ему нужно было услышать. Он наклонился и поцеловал ее. Не так, как в машине, не захват, не шторм. Медленнее. Глубже. Словно они оба понимали, что это уже не случайность, не вспышка. Это выбор.

Ее руки легли на его грудь, чувствуя, как бьется его сердце сильно, быстро, вразрез с его внешним спокойствием. Его руки обхватили ее талию, притягивая ближе. Она чувствовала его всего тепло, запах, силу, и это было как вернуться домой, в место, где она никогда не была, но всегда знала, что оно существует.

Они оторвались друг от друга, только когда воздух стал критически необходим. Она прижалась лбом к его лбу, тяжело дыша. Он держал ее за талию, не отпуская.

— Что мы делаем? — прошептала она.

— Понятия не имею, — ответил он. — Но я не хочу оставливаться.

— Я тоже.

Он поцеловал ее в лоб нежно, почти благоговейно, и отпустил. Отступил на шаг. Надел очки. Снова стал тем самым Роем Кейном, холодным и собранным. Но она видела трещину в броне. Видела, что за ней.

— Я пришлю правки по концепции, — сказал он ровно. — К концу недели.

— Я буду ждать, — ответила она.

Он взял пальто, папку и вышел, закрыв за собой дверь. Вилла осталась стоять посреди своего маленького офиса, прижимая пальцы к губам.

«Мы пропали, — подумала она. — Мы оба пропали. И нам следовало бы бежать друг от друга. Но мы не будем».

Вилла осталась стоять посреди офиса, прижимая пальцы к губам. Спустя несколько минут дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова Флоренс.

— Он ушел? — шепотом спросила она.

— Ушел.

— А труп прятать не надо?

— Флоренс.

— Я просто спросила. — Флоренс вошла, села на свой стул, открыла ноутбук. — Выглядишь растрепанной. У тебя все в порядке?

— Все в порядке, — сказала Вилла, глядя на закрытую дверь.

— Ну-ну, — Флоренс надела наушники и вернулась к счетам.

Вилла медленно опустилась на стул, все еще чувствуя его вкус на губах, его запах в воздухе, тепло его рук на своей талии. За окном шумел Лондон, равнодушный, вечно спешащий. А в этой маленькой комнате только что случилось что-то, что изменило все.

Вечером, поднявшись в квартиру, она села на пол в гостиной и посмотрела на Царицу, которая величественно возлежала на подоконнике.

— У нас была рабочая встреча, — сказала Вилла. — И мы снова целовались. Прямо в офисе. Как подростки.

Царица медленно моргнула.

— Я знаю, — вздохнула Вилла. — Ты бы так не поступила. Ты вообще выше этого.

Кошка зевнула, показав розовый язык, и отвернулась к окну, всем своим видом демонстрируя, что человеческие страсти ее не интересуют.

После той встречи в офисе прошло три дня. Три дня, за которые они обменялись ровно двумя сообщениями. Первое — от Роя: «Концепцию получил. Правки завтра». Второе — от Виллы: «Жду». И все. Никаких личных слов, никаких намеков. Оба держали дистанцию, потому что оба знали: еще одно прикосновение, еще один взгляд — и они сорвутся.

Но дистанция не помогала.

Рой просыпался среди ночи с тяжелым, рваным дыханием и стояком, который не проходил даже после холодного душа. Ему снилась она — не конкретные сцены, а ощущения. Запах. Тепло. То, как ее пальцы впиваются в его бороду, когда он целует ее. Он лежал в темноте, глядя в потолок своей спальни, и чувствовал, как давление внутри становится невыносимым. Он привык контролировать свое тело так же, как все остальное. Но сейчас тело отказывалось подчиняться. Оно требовало. И это требование туманило рассудок.

Днем он ловил себя на том, что не слышит Артура. Что перечитывает одно и то же предложение в отчете по пять раз. Что смотрит в окно и видит не лондонские крыши, а ее лицо — острые скулы, болотные глаза с золотыми крапинками, приоткрытые губы. Это было неприемлемо. Он — Рой Кейн. На его внимательности держатся жизни, бизнес, репутация. А он, как проклятый подросток, не может выбросить из головы женщину.

«Нужно просто переспать с ней, — говорил он себе, стоя под ледяным душем в пятый раз за сутки. — Это физиология. Мощная химия. Мы утолим голод, и все встанет на свои места. Она получит свое, я получу свое. И разойдемся. Так бывает».

Он почти верил в это.

Вилла пыталась убедить себя в том же. Она сидела над концепцией приема, пыталась сосредоточиться на меню, на

рассадке, на цветовой гамме, но мысли утекали, как вода сквозь пальцы. Она вспоминала его руки на своей талии в офисе. То, как он снял очки перед тем, как поцеловать ее. То, как его пальцы сжали ее подбородок — твердо, но без грубости, — приподнимая лицо к себе.

Она сжимала бедра под столом, пытаясь унять ноющую пустоту внизу живота. Бесполезно. Она хотела его так, что это становилось физической болью. Никогда в жизни она не испытывала ничего подобного. У нее было двое мужчин — оба раза она контролировала ситуацию от начала до конца. Говорила «приходи», получала свое, утром говорила «не звони». Все было чисто, честно, без последствий.

С Роем все иначе. Она не контролирует ничего. Даже собственное тело, которое реагирует на одно воспоминание о его запахе так, будто имеет собственную волю. Когда он рядом, она становится другой — голодной, влажной, готовой. И это бесит ее. Пугает. И одновременно заводит еще сильнее.

«Это просто секс, — говорила она себе, глядя на эскизы, которые не могла закончить уже третий час. — Мощная химия. Мы оба взрослые люди. Переспим — и все пройдет. Снимем напряжение, утолим голод, и каждый вернется к своей жизни. Так должно быть».

Она почти верила в это.

Вечером третьего дня в дверь квартиры Виллы настойчиво позвонили. Она открыла и увидела Клару, с бутылкой мартини в одной руке, двумя бокалами в другой и выраже-

нием лица, которое явно говорило: «Я не уйду, пока не услышу все».

— Я не выдержала, — заявила Клара, проходя внутрь без приглашения. — Ты уже пятый день молчишь как партизан. Я решила, что либо ты мертва, либо тебя наконец-то трахнули так, что ты потеряла дар речи. В любом случае, я пришла с подкреплением.

Вилла закрыла дверь и устало улыбнулась.

— Мартини? Серьезно?

— Самое то для драматических разговоров. — Клара поставила бутылку на кухонный стол и начала ловко открывать ее. — Рассказывай. Подробно. Особенно про поцелуй. Я уже на нервах.

Вилла села за стол, обхватив себя руками, и горько усмеялась.

— Мы поцеловались. В машине. Под дождем. Это было — она замолчала, потом добавила с самоиронией: — Это было так хорошо, что я теперь официально ненавижу себя.

Клара присвистнула, наливая мартини в бокалы.

— Наконец-то! Я уже думала, вы до пенсии будете играть в «смотри, но не трогай». И как он целуется?

— Так, что я забыла, как меня зовут, — честно ответила Вилла.

— О боже, я счастлива за тебя и одновременно завидую. — Клара наклонилась ближе. — А дальше что? Вы поехали к нему? К тебе? Или прямо в машине?

— Никуда. Он сказал «спокойной ночи» и уехал. И с тех пор — тишина.

Клара закатила глаза.

— Конечно. Классика жанра. Довел до кипения, поцеловал так, что у тебя мозги вылетели, и сделал вид, что ничего не было. Мужчины такие предсказуемые, даже когда опасные. Скажи, что ты ему не писала первой.

— Не писала.

— Молодец. Держи марку. Хотя бы еще пару дней. А потом можно и сломаться. Ты же не железная.

Вилла тихо рассмеялась.

— Я уже сломалась. В офисе. Позавчера.

— Что?! — Клара чуть не закричала. — В офисе?! Вилла Ашер, ты трахаешься на рабочем месте?! Я горжусь тобой как никогда в жизни!

— Мы не трахались, — Вилла покраснела. — Мы просто поцеловались. Очень сильно поцеловались. Прямо посреди рабочего дня. Флоренс потом спросила, не нужно ли прятать труп.

Клара расхохоталась так громко, что Вилла невольно улыбнулась.

— Боже, я обожаю вашу историю. Это уже не роман, это какой-то криминально-эротический триллер с элементами итальянского ресторана.

Она посмотрела на Виллу уже серьезнее:

— И как ты себя чувствуешь?

— Не знаю, — Вилла сделала глоток и поморщилась. — Я ненавижу, что он не пишет. И еще больше ненавижу, что я жду, когда он напишет. Я превращаюсь в ту девушку, над которой сама всегда издевалась. Это унижительно.

Клара посмотрела на нее с теплотой и ехидством одновременно.

— Зато честно. Ты всю жизнь была «я выше этого». А теперь сидишь здесь и признаешь, что один поцелуй под дождем сломал твою многолетнюю систему. Я горжусь тобой. Это прогресс.

Вилла тихо фыркнула.

— Прогресс? Это называется «деградация». Я раньше хотя бы делала вид, что контролирую свою жизнь. А теперь просто сижу и жду, когда мужчина, соизволит мне написать. Я официально стала ходячим клише.

Клара рассмеялась и подняла бокал, будто провозглашала тост.

— Добро пожаловать в клуб, подруга. Здесь все мы — великие стратеги, которые в итоге сидят с телефоном в руке и делают вид, что им все равно. Это нормально. Это даже мило. В каком-то извращенном смысле.

Вилла закатила глаза, но улыбнулась.

— Мило? Я чувствую себя идиоткой. Я, которая всегда говорила «мужчины — это приятное дополнение, а не центр вселенной», теперь сижу и думаю о нем каждые десять минут. Это унижительно.

— Это не унизительно, — Клара стала чуть серьезнее. — Это значит, что ты наконец-то встретила кого-то, кто тебе реально интересен. Не просто «приятный мужчина на вечер». А человек, от которого у тебя внутри все переворачивается. Это редкость. И это, черт возьми, стоит того, чтобы немного пострадать.

Вилла сделала глоток мартини и поморщилась.

— Я просто хочу его так сильно, что это уже мешает мне жить. Я хочу переспать с ним так, чтобы наконец выкинуть его из головы. Один раз. Ну или пару раз. Сколько понадобится, чтобы снять это чертово напряжение.

Клара кивнула, крутя бокал в руках.

— Тогда главный вопрос: ты готова просто трахаться с ним, зная, что это может быть опасно? Или будешь дальше делать вид, что можешь выключить это сумасшедшее влечение, как лампочку?

Вилла долго молчала, глядя в свой бокал.

— Я не знаю, — наконец честно ответила она. — Но я точно знаю, что выключить это уже не могу. Я хочу его так, что это мешает мне нормально жить. Это просто животное влечение, но очень сильное.

Клара усмехнулась.

— О да, «просто животное влечение». Конечно. Поэтому ты пять дней ходишь с лицом человека, у которого в голове крутится одно и то же порно с участием бородатого мужчины в очках.

Вилла фыркнула и закрыла лицо ладонью.

— Заткнись. Я серьезно. Я не ищу с ним отношений. Я просто хочу его наконец выкинуть из головы. И для этого видимо есть только один способ.

— Вот это уже честно, — Клара подняла бокал. — Тогда мой тебе совет: когда он снова появится — не сдерживайся. Трахни его так, чтобы он потом неделю нормально думать не мог. А потом посмотрим, поможет ли это «снять напряжение». Лично я в этом сильно сомневаюсь, но кто я такая, чтобы мешать твоему научному эксперименту?

Вилла рассмеялась и бросила в нее подушку с дивана.

— Ты невозможная.

— А ты наконец-то хочешь нормально потрахаться, — парировала Клара, ловко поймав подушку. — Мы обе в глубокой заднице. Наливай еще.

Они допили бутылку, перешли на менее драматичные темы, посмеялись над последним провалом Клары с «идеальным» парнем и над тем, как Флоренс терроризирует поставщиков. Но ближе к полуночи, когда Клара уже надевала пальто в прихожей, она вдруг стала серьезной.

— Только не делай глупостей, ладно? — тихо сказала она. — Если почувствуешь, что это начинает выходить из-под контроля — звони мне сразу. Днем, ночью, в любое время. Я приеду.

Вилла кивнула.

— Обещаю.

Клара обняла ее на прощание — крепко, по-дружески.

— И да, когда вы все-таки переспите я жду отчет. Подробный. С оценками от одного до десяти по всем параметрам.

— Пошла вон, — со смехом ответила Вилла и закрыла за ней дверь.

Оставшись одна, она прислонилась спиной к стене, медленно сползла на пол и закрыла глаза.

— «Просто переспать и выкинуть из головы», — тихо пробормотала она себе под нос. — Конечно. Как же.

Царица подошла, села рядом и требовательно мяукнула.

Вилла посмотрела на кошку и горько усмехнулась.

— Даже ты мне не веришь, да?

Глава 11

Через день Рой прислал правки по концепции. Сухие, деловые, по пунктам. В конце письма была строчка: «Если удобно, можем обсудить детали сегодня. Ужин. То же место. 19:00».

Вилла прочитала сообщение три раза. То же место. «Иль Сегрето». Где они были в прошлый раз. А после он впервые поцеловал ее в машине под дождем. Это не было случайным выбором. Он знал, зачем зовет ее туда. И она знала, что он знает.

Она ответила одним словом: «Буду».

Вечером она снова стояла перед шкафом. На этот раз она не колебалась. Она знала, зачем идет. Знала, чем это закончится. И приняла это.

Она надела черное платье, узкое, до середины бедра, с длинными рукавами и вырезом, который открывал ключицы и ложбинку ровно настолько, чтобы он хотел увидеть больше. Нижнее белье выбрала тщательно: черный кружевной бюстгальтер, который приподнимал грудь, делая ее еще заметнее, и такие же трусики — бразильяна, с высокой талией, подчеркивающие изгиб бедер. Она знала, что он увидит это белье сегодня. И хотела, чтобы он запомнил.

Волосы распустила, тяжелая темная волна упала на плечи и спину. Нанесла каплю духов за уши, на запястья, в лож-

бинку между грудей — сандал, полынь, тот самый аромат, который он, она знала, запомнил. Подвела глаза темным, губы тронула прозрачным бальзамом — ей хотелось, чтобы он чувствовал ее вкус, а не вкус помады.

Посмотрела в зеркало. Оттуда на нее смотрела женщина, которая приняла решение.

«Сегодня. Я хочу его. Я получу его. А завтра завтра будь что будет».

Рой приехал раньше. Сидел за тем же угловым столиком, пил воду, смотрел на дверь. Когда она вошла, в черном платье, с распущенными волосами, с горящими золотом глазами, он почувствовал, как кровь в его жилах становится горячее.

Она шла к нему через зал, и каждое ее движение, поворот бедер, взмах волос, то, как она ставила ногу в туфле на каблуке, отдавалось у него в паху. Он встал. Она подошла. Они не обнялись, не поцеловались. Просто посмотрели друг на друга.

Он видел, как ее зрачки расширились, как она чуть приоткрыла губы, втягивая воздух — его запах.

Она видела, как его челюсти сжались, как пальцы, лежащие на столе, чуть согнулись, словно он сдерживал желание схватить ее прямо здесь.

— Ты пришла, — сказал он. Голос низкий, хриплый.

— Ты позвал.

Они сели. Заказали вино, еду, почти не глядя в меню. Уса-

тый итальянец, хозяин, принес бутылку красного и посмотрел на них с понимающей улыбкой, но ничего не сказал. Он видел много пар в своем ресторане и знал, когда слова лишние.

Они говорили о деле. О концепции приема, о площадке, о том, что лорд Эшфорд прислал очередное письмо с дурацкими пожеланиями. Вилла заправляла прядь волос за ухо, и Рой следил за движением ее пальцев. Он резал мясо, медленно, точно, и она смотрела на его руки, на проступающие вены, на то, как нож входит в плоть, и представляла эти руки на своем теле. Они оба ели мало, пили умеренно. Им не нужна была еда. Им не нужен был алкоголь. Им нужен был только предлог, чтобы сидеть здесь и смотреть друг на друга, пока напряжение между ними не достигнет точки кипения.

Когда ужин подошел к концу, Рой отставил бокал и посмотрел на нее. Прямо. Без очков, он снял их в начале ужина, и она весь вечер ловила себя на том, что не может отвести взгляд от его глаз.

— Я не хочу тянуть, — сказал он. Голос низкий, ровный, но она слышала в нем напряжение. — Я думал, что смогу, держать дистанцию. Но — Пауза, — Думаю, что если мы просто переспим, это пройдет. Утолим голод, и все вернется на свои места.

Она смотрела на него, не отводя глаз.

— Я тоже так думаю, — сказала она. — Это просто химия. Сильное влечение. Мы взрослые люди и можем справиться.

— Но?

— Никаких но, я больше не могу ждать. — Ее голос дрогнул, но она продолжила, глядя ему прямо в глаза. — Я не могу работать, не могу спать, не могу думать ни о чем, кроме тебя. Это мешает мне жить, Рой. И я хочу, чтобы это прекратилось.

— Я тоже, — сказал он. — Я не могу функционировать. Это неприемлемо. Я не привык терять контроль.

— Как и я.

Они замолчали. За окном снова моросил дождь, вечный лондонский дождь, словно город сам подыгрывал их настроению. В ресторане было тепло, пахло чесноком и розмарином, где-то на кухне играло радио, старая итальянская песня, которую Вилла не знала, но которая почему-то казалась знакомой.

— Я хочу тебя, — сказала она. Просто. Без кокетства, без игры. Как констатируют факт. — Я хочу тебя так, что это пугает меня. Я никогда не хотела никого так. И я думаю, что если мы не сделаем этого сейчас, я сойду с ума.

Рой смотрел на нее. На ее губы, на ее плечи, на лунницу в ямочке между ключицами. Он чувствовал, как его контроль, тот самый, который он выстраивал годами, осыпается, как карточный домик. И впервые в жизни он не пытался его удержать.

— Я тоже хочу тебя, — сказал он. Его голос был хриплым, почти чужим. — Я хочу тебя так, что это мешает мне быть

тем, кто я есть. И я ненавижу это. Но я не могу остановиться.
— Тогда не останавливайся.

Он встал, бросил на стол несколько купюр, больше, чем стоил ужин, но ему было все равно. Протянул ей руку. Она взяла ее, чувствуя, как его пальцы сжимаются вокруг ее ладони, крепко, надежно, словно он боялся, что она исчезнет.

Они вышли под дождь. Он накинул свое пальто ей на плечи, и она утонула в его запахе, шерсть, мыло, он. Машина ждала у тротуара. Он открыл ей дверцу, она села, он сел за руль. Они не говорили. Слова были не нужны.

Ягуар ехал по мокрым улицам Лондона, мимо огней, мимо чужих жизней, мимо всего, что было важно еще вчера, а сегодня перестало иметь значение. Вилла смотрела на его профиль, на проседь в бороде, на жесткую линию челюсти, на то, как его руки сжимают руль. Она знала, куда они едут. К нему. Потому что ее квартира была слишком мала для того, что должно было случиться, а ей хотелось простора. Хотелось видеть его в его пространстве, понять, как он живет, чем дышит, когда его никто не видит.

Они вошли в его дом в Хайгет. Вилла огляделась: чисто, минималистично, ничего лишнего. Все на своих местах. Как и он сам, всегда на своем месте, всегда под контролем. Кроме этого момента. Кроме нее.

Он закрыл дверь, повернулся к ней. Она стояла посреди его гостиной, в его пальто, с мокрыми от дождя волосами, и смотрела на него так, будто он был ответом на вопрос, кото-

рый она даже не знала, как задать.

— Последний шанс передумать, — сказал он. Голос низкий, хриплый.

— Я не передумую.

Он сделал шаг. Она сделала шаг. Они встретились посередине. Воздух между ними исчез.

Его руки легли на ее плечи, снимая пальто. Оно упало на пол, он даже не посмотрел. Его пальцы коснулись ее плеч, провели вниз по рукам. Она вздрогнула, не от холода, от его прикосновения.

— Я хочу, чтобы это прошло, — прошептала она. — Я хочу перестать думать о тебе каждую секунду.

— Я тоже, — сказал он, наклоняясь к ее губам. — Давай попробуем.

Он впился в ее губы, как человек, который слишком долго был лишен воды. Его язык проник в ее рот, требовательно, глубоко, и она ответила тем же, кусая его нижнюю губу, заставляя его зарычать. Этот звук, низкий, утробный, вибрирующий, прошел сквозь нее, и она почувствовала, как по телу прокатывается волна жара.

Его руки скользнули вниз, сжали ее ягодицы через платье, приподнимая, прижимая к себе еще плотнее. Она обхватила его бедра ногами, он подхватил ее легко, как будто она ничего не весила, и понес к лестнице. Она целовала его шею, кусала мочку уха, чувствовала, как его пальцы впиваются в ее плоть, как его дыхание становится рваным.

Спальня была на втором этаже. Большая кровать с темным постельным бельем, окно во всю стену с видом на ночной Лондон, минимум мебели. Он опустил ее на кровать, навис сверху. Все происходило быстро, жадно, с тем самым голодом, который они сдерживали неделями. Он достал презерватив, положил на тумбочку, но когда она потянула его к себе, когда ее губы нашли его шею, а запах сандала и полыни заполнил все пространство, он забыл о нем. Она тоже забыла. Они оба забыли обо всем, кроме того, чтобы наконец почувствовать друг друга.

Она потянулась к его рубашке, начала расстегивать пуговицы, пальцы дрожали, она злилась на себя за эту дрожь, но не могла остановиться. Он помог ей, просто стянув рубашку через голову. Она увидела его грудь, широкую, с рельефными мышцами, с темными волосами. Провела ладонями, чувствуя, как бьется его сердце, сильно, быстро, и как его мышцы напрягаются под ее прикосновением.

Он стянул с нее платье одним движением. Она осталась в черном кружевном белье. Он замер на секунду, глядя на нее, бледная кожа, темное кружево, волосы разметались по подушке, глаза горят золотом.

— Ты... — начал он и не закончил.

Вместо слов он наклонился к ее груди. Мир сузился до его губ, рук. До того, что происходило с ней, когда он касался. Где-то на границе сознания мелькнула мысль, что она должна что-то контролировать, но контроль ушел следом за воз-

духом.

Она слышала свой голос. Не узнавала его.

Все, что накопилось за недели ожидания, каждый взгляд, каждое случайное прикосновение, каждая ночь, когда она лежала и смотрела в потолок, все это схлопнулось в одной точке.

Она не помнила, как оказалась на спине.

Помнила только его, нависающего, заслоняющего свет. Тяжесть его тела. Жар. И то, что она не хотела, чтобы это прекращалось.

Что-то сломалось в ней. Или встало на место.

Она перестала дышать.

Потом — выдох.

— Рой

Она не знала, что хотела сказать. Имя прозвучало как просьба. Или как разрешение.

Тишина стала плотной. И в этой тишине, только их дыхание, его и ее, сплетенное в одно.

Она закрыла глаза.

Когда она открыла их снова, мир был другим. Или она была другой.

Он смотрел на нее. Не спрашивал ни о чем.

Она провела пальцами по его лицу, по скуле, по губам, по бороде. Медленно. Как будто проверяла, настоящий ли он.

— Я здесь, — сказал он. Негромко. Твердо.

Она кивнула.

Она верила ему.

После он рухнул рядом с ней, тяжело дыша. Они лежали на его огромной кровати, глядя в потолок. В комнате пахло ими. За окном горели огни Лондона. Дождь все еще стучал по стеклу.

Прошло несколько минут. Вилла повернула голову и посмотрела на него. Он лежал на спине, все еще тяжело дыша, глядя в потолок. Она видела его профиль, проседь в бороде, жесткую линию челюсти, закрытые глаза. Он выглядел опустошенным. Не расслабленным. Опустошенным.

— Рой.

Он открыл глаза, повернул голову к ней.

— Что?

— Я все еще хочу тебя.

Он долго смотрел на нее. Потом закрыл глаза и выдохнул, длинно, тяжело.

— Я знаю. Я тоже.

Они замолчали. Потому что оба понимали: это не помогло. Голод не ушел. Он стал только сильнее. Она придвинулась ближе, положила голову ему на плечо. Он обнял ее, прижал к себе. Они лежали так, слушая дождь, и каждый думал о том, что только что случилось. И о том, что будет дальше. А дальше было утро. И разговор, к которому никто из них не был готов.

Рой проснулся первым. Это было встроено в него на уровне рефлекса — открыть глаза, оценить обстановку, восста-

новить контроль. Но сегодня контроль не восстанавливался. Он лежал на спине в своей постели, глядя в потолок, и чувствовал ее. Ее запах на подушке рядом. Ее тепло, все еще исходящее от смятых простыней. Ее вкус на своих губах. Он повернул голову и посмотрел на нее. Она лежала на другом краю кровати, свернувшись, спиной к нему. Волосы разметались по подушке темной волной, обнаженное плечо, изгиб спины, уходящий под простыню. Она дышала ровно, но он чувствовал, что она не спит. Слишком напряжена спина, слишком неподвижны плечи.

Он перевел взгляд на потолок и начал прокручивать в голове вчерашнюю ночь. Как он вошел в нее. Как двигался. Как кончил. В нее. Без презерватива.

Рой закрыл глаза. Черт. Черт, черт, черт.

Он никогда не терял контроль настолько. Никогда. С самого первого раза он всегда использовал защиту. Всегда. Это было одним из его правил. Контроль. Всегда контроль. А вчера он даже не вспомнил. Просто отвлекся на нее. Она тоже не спросила. Они оба просто забыли. Или им было все равно.

Он сел на кровати, провел ладонью по лицу. Во рту было сухо, в голове мутно. Посмотрел на нее снова. Она не шевелилась.

— Ты не спишь.

Пауза. Потом она медленно повернулась на спину и посмотрела на него. Глаза болотные, с золотыми крапинками,

но сегодня в них не было огня. Только усталость и что-то еще — раздражение? Досада?

— Не сплю.

Они смотрели друг на друга. Тишина была тяжелой, неловкой.

— Мы не использовали презерватив.

Она отвела взгляд, уставилась в потолок.

— Я знаю. Я тоже об этом подумала.

— Я никогда так не делаю. Никогда.

— Я тоже. — Она резко села, придерживая простыню у груди. — Я всегда была осторожна. Всегда. А вчера даже не вспомнила. Ты понимаешь, что это значит?

Он понимал. Это значило, что они оба потеряли контроль настолько, что забыли об элементарном.

— Понимаю.

Она встала с кровати, завернувшись в простыню, и начала искать свою одежду. Движения были резкими. Он смотрел, как она ходит по его спальне, и чувствовал, как внутри поднимается глухое раздражение. Не на нее. На себя.

— Черт, — выдохнул он, вставая. Нашел боксеры на полу, натянул. Подошел к окну, уставился на серое утреннее небо. — Этого не должно было случиться.

— Чего именно? Того, что мы переспали? Или того, что забыли о защите?

— Обоих.

Она нашла свое платье, скомканное на полу, посмотрела

на него с досадой. Начала одеваться, не глядя на него.

— Я думала, это поможет. Думала, мы переспим, утолим этот чертов голод, и все встанет на свои места. Я смогу работать. Ты сможешь работать. Мы перестанем думать друг о друге каждую секунду.

— Не помогло.

— Я заметила.

Она застегнула платье, поправила волосы, безуспешно, они все равно торчали в разные стороны. Села на край кровати, чтобы надеть туфли. Он повернулся и посмотрел на нее. Она выглядела взъерошенной. Уставшей. Красивой. Он ненавидел то, что она все еще была красивой. Ненавидел то, что хотел ее снова, прямо сейчас, несмотря на все, что они только что сказали друг другу.

— И что теперь? — спросила она, застегивая ремешок туфли. — Мы делаем вид, что ничего не было? Продолжаем работать над приемом как ни в чем не бывало?

— У нас контракт, — сказал он. — Лорд Эшфорд ждет результат. Артур ждет. Мы не можем просто все бросить.

— Я знаю. — Она встала, одернула платье, которое теперь выглядело как тряпка. — Я профессионал. Я справлюсь.

Он смотрел на нее. Профессионал. Справится. Он тоже профессионал. Также должен справиться. Но внутри все клокотало, раздражение, голод, досада на себя, на нее, на всю эту дурацкую ситуацию. Они оба взрослые люди. Они оба должны были знать лучше.

— Вилла, — сказал он.

Она остановилась у двери, не оборачиваясь.

— Нам нужно решить вопрос с последствиями. Ты понимаешь, о чем я.

Она медленно повернулась. Ее глаза сверкнули, не золотом, а чем-то более холодным.

— Я не забеременнею, Рой. У меня спираль. Но это не отменяет того факта, что мы оба забыли обо всем на свете. Это не отменяет того, что я потеряла контроль так же, как и ты. И мне это не нравится. Мне это чертовски не нравится.

Она вышла, хлопнув дверью. Он слышал, как она спускается по лестнице, быстро, резко, каблуки стучат по деревянным ступеням. Потом входная дверь открылась и закрылась. Тишина.

Рой остался стоять у окна, глядя на серое небо. Он чувствовал себя так, будто его выпотрошили. Голод никуда не ушел. Он все еще хотел ее, хотел так, что зубы сводило. И он знал, что она хочет его. Они оба знали. И это бесило их обоих.

Он прошел в ванную, встал под ледяной душ. Вода хлестала по плечам, по спине, но не помогала. Он все еще чувствовал ее запах на своей коже. Все еще видел ее лицо, когда она кончала под ним. Все еще слышал, как она выкрикивала его имя.

«Этого не должно было случиться. Мы должны были переспать и забыть. Так почему не забывается?»

Вилла вышла на улицу и вдохнула холодный ноябрьский воздух. Он пах бензином, мокрым асфальтом и Лондоном. Не им. Слава богу, не им.

Она быстро пошла к станции метро, не оглядываясь. Внутри все кипело. Она злилась на себя, за то, что потеряла контроль, за то, что забыла о защите, за то, что позволила себе хотеть его так сильно, что это затмило все остальное. Она, Вилла Ашер, женщина, которая всегда держала все под контролем, вчера вечером превратилась в животное, которое думало только о том, чтобы почувствовать его внутри. И ей понравилось. Ей, черт возьми, понравилось.

И что самое страшное, она хотела еще. Прямо сейчас. Она хотела развернуться, вернуться в его дом, подняться в его спальню и снова почувствовать его руки на своем теле, его губы на своей шее, его внутри. Хотела так, что это причиняло физическую боль.

«Это не помогло. Стало только хуже. Намного хуже».

Она спустилась в метро, села в вагон, уставилась в темное окно. Ее отражение смотрело на нее, растрепанные волосы, припухшие губы, мятое платье, которое пахло им. Она выглядела как женщина, которая провела ночь с любовником. Не как профессионал, которым она себя считала.

Дома она сразу пошла в душ. Горячую воду, почти кипяток. Терла кожу мочалкой, пытаюсь смыть его запах, но он остался, въелся, как татуировка. Она выключила воду, завернулась в полотенце и села на пол в ванной. Царица появилась

в дверях, посмотрела на хозяйку и медленно моргнула, потом подошла, улеглась рядом, положила голову ей на колено.

— Я влипла, Царица, — прошептала Вилла. — Я думала, что пересплю с ним и все пройдет. А стало только хуже. Я хочу его еще сильнее. И он хочет меня. И мы оба это знаем. И мы оба ненавидим это.

Кошка замурчала. Вилла закрыла глаза и прислонилась затылком к холодной плитке.

Впереди был прием. Работа. Контракт. Им придется видаться, обсуждать детали, быть в одном пространстве. Им придется делать вид, что ничего не было. Что они просто деловые партнеры. Что они не знают, каковы на вкус губы друг друга. Что они не помнят, как кричали имена друг друга в темноте.

«Я профессионал. Я справлюсь».

Она почти верила в это.

Вечером того же дня Рой сидел в своем кабинете, глядя на открытый ноутбук. На экране была концепция приема — меню, рассадка, тайминг. Он должен был проверить детали, отправить правки, но он не видел букв. Он видел ее лицо, слышал ее голос: «Мне это чертовски не нравится».

Ему тоже не нравилось. Ему не нравилось, что он потерял контроль, не нравилось, что он хочет ее снова, прямо сейчас, несмотря ни на что. Не нравилось, что она ушла, хлопнув дверью, и больше всего ему не нравилось то, что он не знал,

что делать дальше.

Он достал телефон, нашел ее номер, посмотрел на него. Убрал телефон в ящик стола.

«Нужно подождать. Остыть. Работать. Контролировать».

Он закрыл ноутбук, встал и пошел в спортзал, в подвале дома у него была оборудована небольшая комната с тренажерами и грушей. Надел перчатки и начал бить. Ритмично, сильно, до боли в костяшках. Может, физическая боль заглушит другую, ту, что поселилась внутри и не уходила.

Не помогло.

Глава 12

Следующие пять дней были адом. Нет, ад, это слишком эмоциональное слово, а Рой не любил эмоциональные слова. Скажем так: следующие пять дней были упражнением в контроле, которое он с треском проваливал.

Они виделись трижды. Первый раз, на площадке, особняк лорда Эшфорда в Мейфэре, пять этажей георгианской роскоши, которую Вилла собиралась превратить в «лабиринт теней», так она назвала концепцию в письме. Рой приехал за час до встречи, проверил периметр, отметил камеры, точки входа и выхода. Привычка. Когда Вилла вошла в холл, он стоял у окна, спиной к двери, но узнал ее сразу, по звуку шагов, по ритму каблуков, по запаху сандала и полыни, который достиг его раньше, чем она успела поздороваться.

Она была в строгом черном костюме, волосы собраны в тугую пучок, в руках, планшет и папка с эскизами. Никаких открытых плеч, никаких глубоких вырезов. Броня. Он понял это сразу, потому что сам носил такую же.

— Мистер Кейн, — сказала она, останавливаясь в нескольких футах от него. Ровный, профессиональный голос. Ни тени того, что было между ними.

— Мисс Ашер.

Они обсудили расстановку мебели, освещение, маршруты движения официантов. Говорили по делу, не глядя друг

на друга дольше необходимого. Но он чувствовал ее присутствие каждой клеткой. Видел, как она сжимает планшет, как ее пальцы чуть дрожат, когда она указывает на детали. Знал, что она тоже чувствует его. Знал, что она помнит.

Когда они закончили, она быстро собрала вещи и ушла, не попрощавшись. Он смотрел ей вслед и сжимал кулаки в карманах пальто.

Вторая встреча была через два дня, в ее офисе. Он приехал с правками по меню, Артур хотел добавить устриц и убрать фуа-гра, потому что Элинор считала это неэтичным.

Когда Рой вошел, Флоренс сидела за своим столом, она подняла голову, окинула его быстрым взглядом, оценила костюм, осанку, очки и, не сказав ни слова, взяла планшет и вышла. Дверь за ней закрылась с тихим щелчком.

Вилла сидела за своим столом, что-то печатала, и когда он вошел, подняла голову. Их взгляды встретились, на секунду, всего на одну чертову секунду, ее маска дрогнула. Он увидел то же, что чувствовал сам: голод, раздражение, усталость от этой бесконечной войны с самим собой.

— Устрицы, — сказал он, кладя бумаги на стол. — Вместо фуа-гра.

— Принято, — ответила она, не глядя на него. — Что-то еще?

Он хотел сказать многое. Например: «Я не сплю. Я не могу работать. Думаю только о том, как хочу тебя снова». Но он сказал:

— Нет. Это все.

Он ушел. В коридоре прислонился к стене и несколько секунд просто дышал.

Через минуту вернулась Флоренс. Села на свое место, посмотрела на Виллу, та сидела с каменным лицом.

— У него хороший костюм, — сказала Флоренс.

Вилла не ответила.

— И очки странные.

— Флоренс.

— Я просто заметила. Работаю дальше.

Флоренс надела наушники и уткнулась в планшет.

Третья встреча была самой короткой и самой мучительной. Случайность. Он заехал в булочную в Блумсбери, Артур попросил забрать какой-то особый хлеб для Элинор, который пекли только там. И она была там. Стояла у прилавка, выбирала круассаны, и на ней было то самое черное платье, в котором она пришла на ужин. То, что он снимал с нее.

Она повернулась, увидела его и замерла. Круассан выпал из ее пальцев. Она нагнулась, чтобы поднять, он сделал шаг вперед, чтобы помочь, их руки соприкоснулись, и это было как удар током. Она отдернула руку, схватила пакет, бросила деньги на прилавок и вышла, не оглядываясь. Он остался стоять, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, а в паху, тяжелая, ноющая боль.

Пять дней. Три встречи. И с каждой встречей становилось только хуже. Голод не уходил, он рос, питаясь их попытками

его подавить.

Вилла держалась из последних сил. Она работала как одержимая, по четырнадцать часов в сутки, заваливая себя задачами, чтобы не думать, не помнить, не чувствовать.

Но ночью, когда она ложилась в постель, все возвращалось. Его запах, она не могла выстирать его из памяти. Его руки на ее бедрах. Его губы отпечатались на коже.

Она лежала в темноте, сжимая бедра, и ненавидела себя за то, что хочет его снова. Хочет так, что готова позвонить ему прямо сейчас и сказать: «Приезжай. Мне плевать на последствия. Мне плевать на контроль. Просто приезжай и трахни меня так, чтобы я забыла свое имя».

Она не звонила. Она сжимала зубы, переворачивалась на живот, зарывалась лицом в подушку и пыталась уснуть. Иногда получалось. Чаще — нет.

На пятый день, после случайной встречи в булочной, она пришла домой, бросила пакет с круассанами на стол, села на пол и закрыла лицо руками. Царица подошла, потерлась о ее колено, и Вилла подняла голову.

— Я не могу так больше, — сказала она кошке. — Я думала, что пересплю с ним и все пройдет. А стало в сто раз хуже. Я хочу его постоянно. Каждую секунду. Это как болезнь. И я не знаю, как это вылечить.

Царица, как обычно, ничего не ответила, только лизнула ее руку. Вилла вздохнула и полезла в телефонпозвонила

Кларе.

— Мы переспали, — сказала она без предисловий, сидя на полу своей квартиры с чашкой уже остывшего чая.

Клара на том конце линии шумно выдохнула.

— Наконец-то! Блядь, Вилла, я уже думала, вы до пенсии будете играть в «смотри, но не трогай». Ну и как?

Вилла закрыла глаза и прислонилась затылком к стене.

— Это было очень. Жадно. Зло. Как будто мы оба несколько недель друг друга ненавидели и хотели одновременно. Я даже не помню, как мы до кровати добрались. Кажется, начинали у стены.

— Оххуенно, — выдохнула Клара с искренним восхищением. — И как он?

— Клара.

— Что «Клара»? Я твоя лучшая подруга. У меня моральное право знать, насколько он хорош. Хотя бы по десятибалльной шкале.

Вилла тяжело вздохнула и сдалась.

— Одиннадцать. С минусом за то, что теперь я не могу нормально думать.

Клара восторженно присвистнула.

— Вот это я понимаю. Наконец-то ты встретила достойного противника. И что теперь? Будете делать вид, что ничего не было, и продолжать работать вместе как ни в чем не бывало?

— Именно так, — Вилла невесело усмехнулась. — Пото-

му что я, конечно же, профессионал. Я всегда держу все под контролем. Кроме тех моментов, когда снимаю с себя платье и забываю, как меня зовут.

— Красота, — Клара явно улыбалась до ушей. — Добро пожаловать в клуб «Я думала, один раз поможет, а стало только хуже». Здесь все очень страдают и продолжают хотеть.

Вилла тихо засмеялась, хотя в смехе было больше отчаяния, чем веселья.

— Я ненавижу себя за это. Я серьезно. Я всегда была той, кто контролирует. А с ним я превращаюсь в животное. И самое страшное — мне это нравится.

— Конечно нравится, — Клара стала чуть серьезнее. — Потому что ты наконец-то встретила человека, рядом с которым можешь не быть идеальной. И это тебя пугает до усрачки.

Вилла долго молчала.

— Да, — тихо призналась она. — Пугает.

Она не сказала главного. Не сказала, что они забыли про презерватив. Не сказала, что это было первое, о чем она подумала утром, когда проснулась в его постели. Этот стыд она оставила себе. Даже Кларе — не смогла.

Вилла закрыла глаза и прислонилась лбом к коленям.

— Я просто не знаю, что делать дальше.

— А ничего не делай, — легко ответила Клара. — Пусть будет. Посмотришь, чем это закончится. А если совсем пло-

хо станет, звони. Я приеду с мартини и моральным разложением.

Вилла тихо фыркнула.

— Ты невозможная.

— А ты наконец-то живая, — парировала Клара. — И это, между прочим, прогресс. Я тобой горжусь. Даже если ты сейчас сидишь на полу ванной и жалеешь себя.

— Я не на полу ванной.

— Врешь.

Вилла посмотрела вниз — на холодную плитку, на Царицу, которая мирно спала у ее ноги.

— ладно, на полу.

Клара рассмеялась.

— Вот поэтому я тебя и люблю. Держись там, королева.

Вилла улыбнулась сквозь усталость.

— Спасибо что выслушала.

— Всегда. Звони в любое время. Даже в три ночи. Особенно если опять переспите.

— Иди к черту.

— Уже иду. Целую тебя в твою растрепанную голову.

Вилла положила трубку и еще долго сидела на полу, глядя Царицу по мягкой шерсти.

Разговор помог. Немного.

Но легче не стало.

Вилла приезжала в лучший клуб каждое воскресенье. Это

была ее традиция, два часа тишины, только мишень и лук. А сейчас ей особенно было нужно обрести равновесие и прочистить голову. Клуб находился в переоборудованном складе на востоке Лондона: высокие потолки, длинная галерея, запах дерева и воска для тетивы. Здесь не стреляли из пистолетов, только луки, только стрелы, только классическая дисциплина.

В то воскресенье она заметила новенькую почти сразу. Та стояла на соседней дорожке с клубным луком, простым, учебным, и пыталась натянуть тетиву. Получалось плохо. Очень плохо. Слишком плохо для человека, который держал лук с такой уверенностью.

Вилла закончила серию и наблюдала краем глаза. Новенькая была невысокой, коротко стриженной, в очках с тонкой оправой. Двигалась она не как лучник, но и не как случайный человек, который впервые взял лук в руки. В ее движениях было что-то другое, что-то знакомое, Вилла не сразу поняла, что именно, и это ее напрягло.

— Вам помочь? — спросила она, подойдя.

— Если можно. — Новенькая посмотрела на нее. — Я, кажется, что-то делаю не так.

Вилла встала рядом, поправила ей локоть.

— Выше. Вот так. И плечо расслабьте.

— Спасибо. — Новенькая натянула тетиву, выстрелила.

Стрела ушла в нижний край мишени. — Не очень.

— Для первого раза — нормально.

— Я не говорила, что это первый раз.

Вилла посмотрела на нее. Что-то в этой фразе было не так, не угроза, но странность, женщина смотрела на нее с интересом, слишком пристальным для случайного знакомства.

— Вы давно занимаетесь? — спросила новенькая.

— Лет десять.

— Видно. Техника отличная. — Она опустила лук. — Я Кэт, кстати.

— Вилла.

— Приятно познакомиться, Вилла. — Кэт улыбнулась. — Может, еще увидимся.

Она положила лук на стойку и пошла к выходу. Вилла смотрела ей вслед, что-то было не так, эта женщина пришла не учиться стрелять, она пришла смотреть, и Вилла пока не понимала, почему.

День приема наступил быстрее, чем они оба были готовы. Особняк лорда Эшфорда в Мейфэре сиял огнями, Вилла превзошла саму себя: лабиринт теней действительно впечатлял. Гости, входя, попадали в полумрак, где на стенах двигались тени, горгульи, грифоны, древние символы, а музыка, низкая и вибрирующая, проникала под кожу. Официанты в темных костюмах двигались бесшумно, подчиняясь схеме Флоренс. Флоренс стояла у служебного входа, сверяя тайминг по планшету, и жестом указала официанту на забытый бокал. Мик уже час сидел за пультом в техническом отсеке,

регулируя свет и следя за тем, чтобы тени двигались ровно. Дэн прошелся по залу, проверил крепления и скрылся в подсобке, его работа была сделана.

Вилла стояла в дальнем углу главного зала, у колонны. На ней было длинное платье цвета темного изумруда, шелковое, струящееся, с глубоким вырезом на спине. Волосы уложены в низкий узел, открывающий длинную шею и острые скулы, в ушах, черный жемчуг.

Она сканировала зал профессиональным взглядом, отмечая, что гости довольны, еда подается вовремя, музыканты не сбиваются с ритма. Но часть ее сознания искала в толпе только одного человека.

Она нашла его почти сразу. Он стоял у бара, в безупречном черном смокинге, с бокалом воды в руке, и разговаривал с Артуром.

Она заставила себя отвести взгляд и заняться делом. Проверила кухню, убедилась, что устрицы поданы правильно, перекинулась парой слов с леди Эшфорд. Все это время она чувствовала его присутствие.

Через два часа, когда гости немного расслабились, Вилла вышла на террасу, вдохнула холодный воздух и закрыла глаза. Сзади раздались шаги. Она не обернулась. Она знала, кто это.

— Ты сделала это снова, — сказал Рой, останавливаясь в нескольких шагах от нее, его голос был низким, хриплым. — Превратила прием в ритуал. Люди выходят отсюда с ошуще-

нием, что прикоснулись к чему-то запретному.

— Это моя работа, — ответила она, не оборачиваясь.

— Твоя работа, создавать иллюзии. Но это не иллюзия. Это что-то настоящее.

Она медленно повернулась и посмотрела на него. Он стоял без пальто, в одном смокинге, и холодный воздух, казалось, совсем его не беспокоил. Его глаза, без очков, он снял их, когда вышел на террасу, смотрели на нее с тем самым голодом, который она чувствовала в себе каждую секунду последних десяти дней.

— Зачем ты вышел? — спросила она.

— Потому что я больше не могу, — сказал он. Голос ровный, но она слышала, как он напряжен. — Я пытался. Десять дней я пытался делать вид, что ничего не было. Что я могу просто работать. Что я могу контролировать это. Не могу.

— Я тоже, — прошептала она.

Он сделал шаг к ней. Она не отступила.

— Я думал, что если мы переспим, это пройдет, — сказал он. — Я ошибался. Стало только хуже. Я хочу тебя еще сильнее. Я думаю о тебе постоянно. Это мешает мне жить.

— Мне тоже.

Он стоял теперь совсем близко. Она чувствовала его тепло, его запах, видела, как поднимается и опускается его грудь. Ее собственное дыхание сбилось. Она знала, что если он прикоснется к ней сейчас, она не сможет остановиться. И ей было все равно, что их могут увидеть, что она на работе,

что это непрофессионально. Ей было все равно.

Он поднял руку и коснулся ее лица, кончики пальцев провели по скуле, по линии челюсти, остановились на подбородке. Она закрыла глаза и выдохнула, длинно, дрожаще.

— Это не проходит, — сказал он тихо. — Я не знаю, что с этим делать.

— Я тоже не знаю.

Он наклонился и поцеловал ее, нежно, для него, но даже в этой нежности была сила, была та самая неизбежность, которая вела их с первой встречи на Парк-лейн. Она ответила, вцепилась пальцами в лацканы его смокинга, притягивая ближе. Он зарычал ей в губы, низко, вибрирующе, и она почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Они оторвались друг от друга только когда воздух стал критически необходим. Она прижалась лбом к его лбу, тяжело дыша.

— Мы не можем продолжать так, — прошептала она. — Это разрушает нас обоих.

— Я знаю. Но я не знаю, как остановиться.

— Я тоже.

Они стояли так несколько секунд, лоб ко лбу, дыхание смешивается в холодном воздухе. Потом он отстранился, поправил смокинг, надел очки. Снова стал тем самым Роем Кейном — холодным, собранным, контролируемым. Но она видела трещины в броне, знала, что они там.

— Прием заканчивается через час, — сказал он. — Когда

все уйдут, останься.

Это был не вопрос.

Она посмотрела на него. На его глаза за стеклами очков. На проседь в бороде. На руки, которые она все еще чувствовала на своем лице.

— Хорошо, — сказала она.

Он кивнул и ушел обратно в зал. Она осталась на террасе, глядя на ночной Лондон, и думала о том, что только что согласилась на то, что сделает все еще сложнее. Но у нее не было сил сопротивляться. У них обоих не было сил.

Гости разъезжались до полуночи. Вилла стояла у выхода, провожала каждого дежурной улыбкой и парой слов. Леди Эшфорд, покрасневшая от шампанского, расцеловала ее. Лорд Эшфорд пожал руку. Артур Синклер, проходя мимо с Элиной под руку, остановился.

— Мисс Ашер. Это было необычно. Элиной впечатлена.

— Благодарю, мистер Синклер.

Артур перевел взгляд на Роя, стоявшего у колонны.

— Рой, ты с нами?

— Останусь. Проверю, чтобы все закрыли чисто.

Артур хмыкнул, но ничего не сказал. Взял Элиной под руку, и они вышли.

Когда дверь закрылась, Вилла выдохнула. К ней подошла Флоренс с планшетом.

— Поставщики забирают оборудование в два часа ночи.

Мик остается до конца.

— Хорошо. Ты езжай домой.

— Я могу остаться.

— Не надо. Завтра разберем отчеты. Езжай.

Флоренс кивнула, мельком глянула на Роя, потом снова на Виллу.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Флоренс ушла. Особняк опустел. Персонал еще работал, официанты убирали бокалы в главном зале, техники сворачивали оборудование. Вилла слышала их голоса, звон посуды, шаги.

Рой стоял у колонны и смотрел на нее. Она чувствовала этот взгляд кожей. Десять дней. Десять дней они делали вид, что ничего не было. Десять дней она просыпалась в три ночи с его именем на губах. Десять дней он бил грушу в подвале до кровавых костяшек.

Она подошла. Остановилась в шаге от него.

— Мне нужно проверить кабинет лорда Эшфорда, — сказала она. Голос ровный, но он слышал, как она дышит. — Там остались мои бумаги.

— Я с тобой.

Они пошли через особняк. Не касаясь друг друга. Она впереди, он на полшага сзади. Кабинет находился в дальнем крыле, в стороне от главного зала, где работал персонал. Тяжелая дубовая дверь, обитая кожей. Вилла открыла ее, вошла. Рой вошел следом и закрыл дверь. Щелкнул замок.

Кабинет был небольшим, обшитым темным деревом. Книжные шкафы до потолка, массивный стол, камин, в котором догорали угли. Окно выходило во внутренний двор — темный, пустой. Здесь было тихо. Здесь никого не было.

Вилла остановилась у стола, положила на него клатч. Не оборачивалась. Слышала, как он стоит у двери. Не двигается.

— Десять дней, — сказала она. Голос низкий, хриплый. — Я не сплю. Не могу работать. Я срываю дедлайны. Я никогда не срываю дедлайны.

— Я тоже, — сказал он.

Она повернулась. Он стоял у двери, сняв очки. Смотрел на нее. В тусклом свете камина его глаза были почти черными.

— Это не проходит, — сказала она. — Я думала, пройдет. Стало хуже. Намного хуже. Я чувствую тебя даже когда тебя нет. Это сводит с ума.

— Знаю. У меня так же.

Она смотрела на него. На его руки, сжатые в кулаки. На желваки, проступившие под кожей. На то, как он дышит, тяжело, рвано, совсем не так, как всегда.

— Я не могу больше, — сказала она. — Я устала бороться. Устала делать вид. Устала сжимать бедра под столом каждый раз, когда ты заходишь в комнату.

Он сорвался первым. Пересек комнату в три шага, схватил ее, прижал к столу. Его руки на ее плечах, его губы, жесткие, жадные, не спрашивающие. И ее ответ, такой же. Пальцы в его волосах. Зубы на его губе. Тихий рык из его груди.

Мир схлопнулся до размера этого кабинета. До его запаха. До того, как его ладони скользят по ее телу, сминая изумрудную ткань.

— Здесь, — выдохнула она. — Сейчас. Дверь заперта.

Он не ответил. Развернул ее спиной к себе, прижал к столу. Она уперлась ладонями в темное дерево стола, выгнула спину. Он был сзади, она чувствовала его дыхание на своей шее, жар его тела, то, как его пальцы впиваются в ее бедра, приподнимая, подтягивая к себе.

Она была готова. Знала, что будет готова. Весь этот долбаный вечер она знала, чем кончится. И хотела этого. Каждой клеткой.

Когда он вошел в нее, она прикусила собственную ладонь, чтобы не закричать. Стол скрипел под ними, бумаги летели на пол, где-то за стеной звенели бокалы, и все это не имело значения. Имело значение только это. Только его руки, его дыхание, то, как он срывается, железный человек, который никогда не теряет контроль, а сейчас теряет. Из-за нее.

Она потеряла себя первой. Где-то на полпути между его дыханием у ее шеи и тем, как его пальцы впивались в ее бедра, она перестала существовать как отдельное «я». Осталось только тело, которое знало, чего хочет. И океан, в который она падала без надежды выплыть.

За ней — он. Она почувствовала этот момент: как контроль уходит из его рук, как железная воля трещит под напором того же океана. Он уткнулся лицом ей в плечо, не по-

целовал, просто спрятался. Будто не хотел, чтобы она видела то, что происходит с ним. Будто это можно было скрыть.

Но она чувствовала все. Его дрожь. Его выдох, долгий, сдавленный, почти беззвучный. И то, как он держал ее в этот момент — крепче, чем когда-либо. Будто она была единственным якорем, который у него остался.

Все стихло. Только их дыхание.

А потом реальность ударила одновременно.

Он отстранился. Она выпрямилась, одернула платье, провела рукой по волосам. Посмотрела на него. Он смотрел на нее. Его лицо было каменным, но она видела, в глазах то же, что чувствовала сама. Злость. На себя. На него. На это чертово наваждение.

— Мы опять, — сказала она. Голос сел.

— Да.

— Черт.

— Да.

Она прижала ладони к лицу, глубоко вдохнула. Опустила руки. Посмотрела на него.

— У меня спираль. Ты сказал, что чист. Но дело не в этом.

— Знаю. Дело в том, что мы снова потеряли контроль.

— Мы даже не подумали. Оба. Как будто это не имеет значения.

— Для меня имеет. Я никогда так не делаю.

— Как и я.

Они замолчали. В камине треснуло полено, выбросив

сноп искр. Где-то вдалеке слышались голоса персонала, но здесь, в запертом кабинете, было тихо.

Он поправил брюки, застегнул. Надел очки. Снова стал тем самым Роем Кейном, холодным, собранным. Но она видела трещины, видела, как дрожат его пальцы.

— Это не помогает, — сказал он глухо. — Каждый раз я думаю: если утолю голод, и станет легче. Не становится. Становится хуже.

— Я знаю. Я хочу тебя еще больше. Это как болезнь.

— Да.

Она взяла клатч, поправила волосы. Посмотрела на него.

— Мне нужно домой, — сказала она.

— Отвезу.

— Не надо. Вызову такси.

— Вилла.

Она повернулась. Он смотрел на нее, все с тем же непро- ницаемым лицом, но она уже научилась видеть то, что под ним. Напряжение. Голод. Усталость. И что-то еще, что-то, чему она пока не могла подобрать названия.

— Я не знаю, что с нами происходит, — сказал он. — Но я не хочу, чтобы ты уходила вот так.

— Как?

— Злая. На себя. На меня. На все это.

Она выдержала его взгляд. Потом медленно выдохнула.

— Я не злая. Я — она замолчала, подбирая слово. — Я не в своей тарелке. Мне нужно время. Побывать одной. Понять,

что с этим делать.

Он кивнул. Коротко. Один раз.

— Хорошо. Возьми время. Я не буду давить.

— Спасибо.

Она вышла. Он остался в кабинете, глядя на догорающие угли. Ее запах все еще был на его руках, на его губах. Он сжал кулаки и закрыл глаза.

«Это не проходит. И я не знаю, что делать».

В такси по дороге домой Вилла смотрела в окно и видела только его лицо. Она все еще чувствовала его внутри себя, фантомное ощущение, от которого низ живота снова начал ныть. Она ненавидела это. Ненавидела себя за то, что хотела его снова. Прямо сейчас.

Дома она сразу пошла в душ. Стояла под горячей водой, чувствуя, как его семя вытекает из нее, и думала: «Мы взрослые люди. Мы оба всегда все контролируем. Почему с ним я превращаюсь в животное? Почему я забываю обо всем, кроме того, чтобы почувствовать его внутри?»

Она выключила воду, завернулась в полотенце, села на край ванны. Царица появилась в дверях, посмотрела на хозяйку и запрыгнула ей на колени.

— Я в полной заднице, Царица, — прошептала Вилла. — Я хочу его так, что мне больно. И ему так же больно. И мы оба не знаем, что с этим делать.

Кошка замурчала. Вилла взяла телефон с полки, открыла

чат с Кларой. Ее пальцы замерли, она раздумывала над тем, что она напишет. Но в итоге она просто положила телефон рядом с собой экраном вниз, опустила голову на колени и закрыла глаза.

Глава 13

В здании на набережной в Воксхолл-Кросс, где располагался аналитический центр одной из спецслужб, всегда было слишком тихо. Не офисная тишина — человеческая. Такая бывает в местах, где люди привыкли говорить только то, что нужно. Комната гудела тихим электрическим шумом. Кондиционер работал слишком сильно, и от этого кофе остывал быстрее, чем его успевали пить. Ливерпуль, Тилбери, Феликстоу, Саутгемптон. Некоторые узлы были обведены желтым.

За столом сидели четверо. Старший аналитик Мартин Шоу — сухой мужчина лет пятидесяти с лицом человека, который слишком долго смотрел на чужие преступления. Напротив — Джейн Уитмор из финансового подразделения. С краю — молодой офицер, только переведенный из контртеррористического отдела, Томас Грей. Слишком ровная осанка, слишком внимательный взгляд. И у кофемашины — Эндрю Фостер из совместной группы с Национальным агентством по борьбе с преступностью.

Томас Грей остановился у стены с картой портов и молча рассматривал красные линии, тянущиеся через Ливерпуль, Тилбери и Феликстоу.

— Забавно, — сказал он наконец. — В контртерроре все было проще.

Никто не отреагировал. Эндрю Фостер сидел на краю стола, листая папку с пометками агентства. Джейн Уитмор печатала что-то в ноутбуке, не поднимая глаз. Мартин Шоу курил электронную сигарету у выключенного экрана, хотя официально делать это здесь запрещалось.

— Террористы хотя бы хотят, чтобы их заметили, — продолжил Грей. — А эти будто всю жизнь учились быть невидимыми.

Шоу коротко усмехнулся.

— Потому что эти зарабатывают деньги, агент Грей. Огромные деньги. А большие деньги любят тишину.

Он щелкнул пультом. На экране появилась схема британских портов.

— Ладно. Начнем сначала, чтобы у всех была одинаковая картина мира. За последние полтора года через Ливерпуль прошло рекордное количество кокаина. Часть груза исчезает еще до таможни. Часть — уже после. Мы знаем маршруты. Знаем контейнеры. Иногда даже знаем людей. Но каждый раз упираемся в одно и то же.

— В кого? — спросил Грей.

Шоу переключил слайд. На экране появился мужчина с тяжелым лицом и серебряным перстнем на пальце.

— Деклан Риордан. Ирландцы.

Следом другой.

— Виктор Драгич. Восточноевропейский канал. Албанцы, сербы, русские — весь этот прекрасный интернационал.

Еще один.

— Ли Чжен. Финансовое отмывание и онлайн-гемблинг.

Потом — пожилой мужчина в дорогом пальто.

— Армандо Беллуччи. Каморра.

Грей нахмурился.

— И кто из них сейчас главный?

Фостер поднял взгляд от бумаг.

— Никто. В этом и проблема. Лондон давно перестал принадлежать кому-то одному.

Шоу медленно подошел к экрану.

— Старые семьи контролируют клубы, стройку, локальный рэкет. Итальянцы — люкс и отмывание. Китайцы — онлайн и финансы. Восточноевропейцы тащат наркоту и людей. Ирландцы хотят порты.

— А мы? — сухо спросила Джейн.

— А мы сидим здесь и делаем вид, что контролируем ситуацию.

Фостер хмыкнул.

— Пока они делят улицы, все терпимо. Проблемы начинаются, когда кто-то начинает контролировать инфраструктуру.

Шоу щелкнул пультом еще раз. Экран сменился. Без фотографии. Только имя. Артур Синклер.

Грей слегка нахмурился.

— Я слышал фамилию. Логистика?

— Официально, — ответила Джейн.

Шоу сделал медленный глоток кофе.

— Артур Синклер — одна из самых аккуратных проблем в этой стране. Склады. Терминалы. Транспортные компании. Трасты. Консалтинг. Недвижимость. Половина этого выглядит настолько законно, что иногда мне самому хочется вложить туда деньги.

На экране появились схемы компаний. Слишком много стрелок. Слишком много прокладок. Слишком чисто.

Грей подошел ближе.

— И где здесь криминал?

— В расстоянии, — спокойно сказал Шоу. — Между Синклером и любой грязью всегда стоит минимум три человека и четыре компании.

Фостер бросил папку на стол.

— Но если в Британии что-то прошло через порт тихо, быстро и без лишних вопросов — велика вероятность, что мистер Синклер получил за это процент.

— Наркотики?

— Не напрямую, — ответила Джейн. — И это делает его почти неуязвимым.

Грей перевел взгляд на нее.

— Почему?

— Потому что он не занимается тем, на чем проще всего ловить. Никакой торговли людьми. Никакого героина. Никакой уличной мясорубки. Синклер продает не товар. Он продает маршруты.

Шоу кивнул.

— Безопасный проход. Склады. Людей на таможне. Транспорт. Документы. Возможность провести груз так, чтобы никто ничего не увидел.

— И все с ним работают?

Фостер усмехнулся.

— Все его ненавидят. Но да — почти все работают с ним.

На экране появилась карта Ливерпуля. Красные линии расходились по стране, как сосуды.

— Главный узел — Ливерпуль, — сказал Шоу. — И именно поэтому вокруг него начинается давление. Ирландцы хотят полностью забрать поток под кокаин. Восточноевропейцы хотят больше доступа. Китайцы хотят долю в логистике. А Синклер стоит посередине и берет налог со всех.

— Почему его просто не уберут?

В комнате на секунду стало тихо. Потом Фостер посмотрел на Грея с легкой усталостью человека, который слишком давно работает с организованной преступностью.

— Потому что Лондон не любит вакуум. Убери Синклера — начнется война. Настоящая. С трупами в портах и горящими складами.

— И потому что многие очень влиятельные люди потеряют деньги, — спокойно добавила Джейн.

Шоу снова нажал кнопку. На экране появилась фотография Роя Кейна. Темное пальто. Очки. Спокойный взгляд.

Грей задержал взгляд на фотографии чуть дольше.

— А вот это уже больше похоже на человека из досье.

Фостер коротко рассмеялся.

— Это потому что ты впервые сегодня смотришь на человека, который действительно опасен.

— Рой Кейн, — сказал Шоу. — Правая рука Синклера. Оперативное управление. Внутренняя безопасность. Давление. Решение проблем.

— Бывший военный?

— Нет подтверждений.

— Спецслужбы?

— Нет.

Грей прищурился.

— Тогда почему он выглядит так, будто умеет пытать людей?

Джейн впервые подняла взгляд от ноутбука.

— Потому что, вероятно, умеет.

Повисла короткая тишина.

Шоу пролистал папку.

— Начинал один в Южном Лондоне. Работал как самостоятельный решатель. Очень быстро заработал репутацию человека, после визита которого люди резко меняли мнение по финансовым вопросам.

— Насколько он плох?

Фостер медленно выдохнул.

— Скажем так: если Синклер — это мозг структуры, то Кейн — причина, по которой структура вообще работает.

Шоу кивнул.

— Большинство свидетелей боятся Синклера как босса. Кейна боятся лично.

Грей снова посмотрел на фотографию.

— А что насчет внутренней дисциплины? Такие организации обычно рано или поздно начинают жрать сами себя.

— У Синклера не совсем обычная структура, — сказала Джейн. — Удивительно профессиональная. Никаких уличных идиотов. Никаких толп быков. Большинство людей даже не понимают, на кого работают.

— И все держится на Кейне?

— Во многом.

Шоу медленно провел пальцем по папке.

— Что интересно — у них есть кодекс.

Грей тихо усмехнулся.

— У преступников?

— Да. Представь себе.

Шоу начал перечислять спокойно, почти буднично:

— Никакой торговли людьми. Никакого героина. Никакой синтетики тяжелого класса. Никаких детей.

— Благородные гангстеры? — скептически спросил Грей.

— Нет, — ответила Джейн. — Просто умные.

Фостер поднялся со стола.

— Синклер понимает одну вещь лучше многих: самая грязная преступность всегда привлекает слишком много внимания. Он строит систему, которая выглядит как бизнес.

А Кейн следит, чтобы никто внутри не начал вести себя как психопат.

— И все равно они преступники.

— Разумеется, — спокойно сказал Шоу. — Просто очень дорогие преступники.

Грей снова посмотрел на карту портов.

— Значит, мы ждем, пока кто-то из них ошибется?

— Нет, — тихо сказал Фостер. — Мы ждем, пока кто-то начнет войну.

— А она будет?

Шоу посмотрел на красные линии Ливерпуля.

— Она уже начинается. Просто пока еще все улыбаются друг другу на благотворительных ужинах.

Грей еще несколько секунд смотрел на экран с фотографией Роя Кейна, потом перевел взгляд на Шоу.

— Если все так чисто, зачем вообще держать на них отдельную группу?

Шоу не ответил сразу. Он выключил экран, и комната погрузилась в сероватый полумрак. Только карта портов на боковой панели продолжала тускло светиться красными точками.

— Потому что такие люди не появляются из ниоткуда, — сказал он наконец. — Империи такого масштаба всегда стоят на чем-то грязном. Мы просто пока не нашли, на чем именно.

Фостер потянулся за новой папкой.

— И потому что последние шесть месяцев вокруг Синклера стало слишком шумно.

Он бросил папку Грею. На обложке: Ливерпуль. Внутренняя эскалация. Внутри — фотографии складов, контейнеров, спутниковые снимки причалов.

— Три исчезнувшие партии за восемь недель, — продолжил Фостер. — Два трупа в доках. Один сгоревший склад в Бутле. И слишком много людей внезапно начали интересоваться портовой инфраструктурой.

— Ирландцы? — спросил Грей, листая материалы.

— Ирландцы, албанцы, часть балканских групп. Все чувствуют кровь в воде.

— А Синклер?

— А вот это интересный вопрос, — спокойно сказала Джейн.

Она развернула ноутбук к остальным. На экране была финансовая схема.

— Последние четыре месяца Синклер активно скупает доли в транспортных подрядчиках вокруг Ливерпуля. Очень тихо. Через третьи компании. Через фонды. Через людей, которых невозможно связать напрямую.

Грей нахмурился.

— То есть он готовится?

— К чему — мы пока не понимаем, — ответил Шоу. — Но никто не вкладывает такие деньги просто так.

Фостер снова сел на край стола.

— Есть еще кое-что.

Он достал фотографию. Невзрачный мужчина лет сорока. Дешевый костюм. Лицо бухгалтера.

— Саймон Уиллис. Финансовый посредник. Работал с несколькими логистическими компаниями в Ливерпуле.

— Работал?

— Три недели назад исчез.

— Мертв?

— Не нашли.

Шоу забрал фотографию и положил поверх других.

— Но через сорок восемь часов после его исчезновения два человека продали свои доли компаниям, связанным с Синклером.

Грей медленно поднял взгляд.

— Вы думаете, это Кейн?

Фостер усмехнулся без тени веселья.

— Когда люди внезапно начинают принимать правильные финансовые решения, мы почти всегда думаем про Кейна.

Джейн закрыла ноутбук.

— Самое неприятное в Синклере даже не деньги.

— А что?

— Лояльность.

Шоу кивнул.

— За двенадцать лет — ни одного информатора из внутреннего круга. Ни одного серьезного свидетеля. Люди Синклера не разговаривают.

— Потому что боятся?

— Потому что верят ему, — тихо сказала Джейн. — Это хуже.

В комнате снова стало тихо. Грей медленно перелистывал материалы. Фотографии складов. Финансовые схемы. Компании-прокладки. Лица людей, которые выглядели как юристы, консультанты и инвесторы. Ни одного типичного бандита.

— Как он вообще построил такое? — спросил он наконец. Фостер переглянулся с Шоу.

— Хочешь официальную версию или реальную?

— Реальную.

Шоу медленно опустился в кресло.

— В девяностых Синклер был совсем другим человеком.

Грей поднял взгляд.

— Насколько другим?

Фостер тихо хмыкнул.

— Настолько, что некоторые старые лондонские семьи до сих пор предпочитают не произносить его имя лишней раз.

Шоу сцепил руки.

— Тогда он еще не был джентльменом в дорогих костюмах. Он поднимался очень жестко. Быстро. Кроваво. Несколько людей исчезли. Несколько внезапно обанкротились. Несколько войн закончились слишком удобно для молодого мистера Синклера.

— Но доказательств нет, — автоматически произнес

Грей.

— Разумеется нет, — сказал Шоу. — Иначе мы бы сейчас не сидели здесь.

Фостер задумчиво покрутил стаканчик с кофе.

— А потом он внезапно изменился. Будто кто-то щелкнул выключателем. Вместо уличного хищника появился бизнесмен. Логистика. Инвестиции. Аристократы. Благотворительные ужины. Политические знакомства.

— И Кейн?

На этот раз ответил Шоу:

— Кейн появился позже. И именно после этого структура стала почти непроницаемой.

Грей снова посмотрел на фотографию Роя. Что-то в этом лице действительно вызывало дискомфорт. Не жестокость даже. Холод.

— Вы его когда-нибудь допрашивали?

Фостер рассмеялся.

— Однажды.

— И?

— Он смотрел на меня так спокойно, будто заранее знал, что ничего я не найду.

— Нашли?

Фостер помолчал пару секунд.

— Нет.

Джейн вдруг нахмурилась, глядя в телефон.

— У нас движение.

Все сразу повернулись к ней.

— Где?

— Тилбери.

Она быстро вывела что-то на экран. Контейнер. Номер маршрута. Данные таможни.

— Груз официально идет как промышленное оборудование из Роттердама. Но страховка оформлена через компанию, связанную с одним из людей Драгича.

Фостер выпрямился.

— Восточноевропейцы?

— Похоже на то.

Шоу уже тянулся за пиджаком.

— И?

Джейн посмотрела на него.

— А компания, которая обеспечивает внутреннюю разгрузку, принадлежит людям Синклера.

В комнате повисла короткая тишина. Грей почувствовал, как атмосфера изменилась. Едва заметно. Но резко.

Фостер первым нарушил молчание:

— Вот и посмотрим, насколько мистер Синклер любит держать руки чистыми.

Шоу застегнул пиджак уже на ходу.

— Поднимайте наблюдение на Тилбери. Без лишнего шума. Если там действительно груз Драгича — я хочу понимать, кто именно его встретит.

— А если это обычный серый импорт? — спросил Грей.

Фостер посмотрел на него так, будто вопрос был наивным.

— Тогда мы потеряем пару часов и плохой кофе. Но если нет — возможно, впервые за долгое время увидим кого-то из людей Синклера в движении.

Джейн быстро печатала что-то в ноутбуке.

— Я отправлю запрос в портовую службу и пробью страховщиков. Если груз застрахован через цепочку Беллуччи или людей Драгича — это уже интересно.

— А если напрямую через Синклера? — спросил Грей.

Все трое одновременно посмотрели на него. Именно это и было бы настоящей сенсацией. Но Шоу только покачал головой.

— Синклер не делает ошибок такого уровня.

Фостер усмехнулся.

— В этом городе некоторые скорее начнут торговать кокаином в парламенте, чем Артур Синклер подпишет что-то собственным именем.

Они начали собирать бумаги. Экран снова загорелся схемой портов. Красные линии. Контейнерные маршруты. Тонкая сеть, опутавшая страну.

Грей задержался взглядом на имени Синклера. Странное ощущение. Будто он смотрел не на человека, а на архитектуру чего-то слишком большого, чтобы увидеть целиком.

— Знаете, что меня смущает? — тихо сказал он.

Шоу обернулся.

— Что?

Грей медленно закрыл папку.

— Все говорят о нем как о преступнике. Но звучит так, будто половина страны держится на его логистике.

На секунду никто ничего не ответил. Потом Джейн спокойно сказала:

— Именно поэтому такие люди опаснее обычных бандитов.

Фостер открыл дверь.

— Когда уличный отморозок начинает войну — горит квартал. Когда войну начинают люди вроде Синклера — начинает шататься экономика.

Они вышли в коридор. Последним из комнаты вышел Шоу. Он на секунду остановился у экрана и посмотрел на фотографию Роя Кейна. Спокойное лицо. Очки. Абсолютно пустой взгляд человека, который привык делать неприятные вещи и не испытывать по этому поводу никаких сомнений. Шоу выключил экран. Комната погрузилась в темноту.

— Рано или поздно, — тихо произнес он, уже скорее себе самому, — кто-то из вас двоих все-таки ошибется.

И закрыл за собой дверь.

Двое суток. Сорок восемь часов. Рой знал это точно, потому что смотрел на часы каждый раз, когда ловил себя на мысли о ней. А ловил он себя часто. Слишком часто.

Он не звонил. Не писал. Она просила время — он дал ей время. Это было правильное решение. Единственное разум-

ное решение во всей этой ситуации, где разумного не осталось ничего.

В первый день он работал. Провел встречу с новым поставщиком в Бирмингеме — жестко, эффективно, без единого лишнего слова. Поставщик вышел из кабинета бледный и согласный на все условия. Артур, сидевший в углу, поднял бровь, но ничего не сказал. Только когда за поставщиком закрылась дверь, он лениво заметил:

— Рой, ты сегодня особенно убедителен. Что-то случилось?

— Нет.

— Ну-ну.

Артур не стал развивать тему. Он был умен — умнее, чем казалось. Он видел, что с Роем что-то происходит, и знал, что давить бесполезно. Рой сам скажет, когда будет готов. Или не скажет. В любом случае, Артур умел ждать.

После встречи с поставщиком Артур задержал его в дверях.

— Торнтон звонил снова.

— Знаю. Хейл сказал.

— И?

— И я попросил его подождать еще три дня.

Артур смотрел на него тем самым взглядом — прищуренным, ленивым, за которым прятался точный ум.

— Рой. Ты третий раз просишь его подождать. Он нервничает. Нервный Торнтон — это непредсказуемый Торнтон.

— Нервный Торнтон — это управляемый Торнтон, — сказал Рой. — Пока он нервничает, он ждет нас. Когда перестанет нервничать — начнет действовать сам.

Артур помолчал.

— Три дня.

— Три дня.

— Хорошо. — Артур надел пальто. — Но потом ты мне объяснишь, что именно происходит. Не «собираю информацию», не «подождем». Объяснишь.

— Объясню.

— Через три дня.

Артур вышел. Рой остался в кабинете. Три дня — это был реальный срок. Хейл нашел связь между Коулом и Торнтонном через мальтийский траст. Кэт разбирала телефон Пирса — там было несколько сообщений с дублинского номера, достаточно чтобы понять: Тэдди знает о Тилбери, но еще не решил что делать с этим знанием.

Это была хорошая позиция. Пока.

Он написал Хейлу: «Три дня. Все по Коулу».

Хейл ответил: «Уже».

Вечером Рой вернулся в свой дом, переоделся, спустился в подвал. Час на тренажерах. Еще час — груша. Он бил до тех пор, пока костяшки не начали саднить даже сквозь перчатки. Потом стоял под ледяным душем, глядя в стену, и думал о том, как она выгибалась под ним в кабинете. Как вскрикнула, прикусив ладонь. Как пахла — сандалом, поли-

нюю и собой.

Он выключил воду, вытерся, лег в постель. Смотрел в потолок. Сна не было. Он знал, что она где-то там, в своем Блумсбери, и тоже не спит. Знал это так же точно, как знал, что завтра снова пойдет дождь.

Вилла провела первые сутки в работе. Завалила себя задачами — согласование нового проекта, правки по другому, звонки, письма, встречи. Она не давала себе ни минуты тишины, потому что в тишине возвращался он. Его руки. Его рот. То, как он рычал ей в плечо, когда кончал.

К вечеру она выдохлась. Сидела на полу в гостиной, окруженная бумагами, и смотрела в одну точку. Царица лежала на подоконнике, изредка поглядывая на хозяйку с выражением «я же говорила».

— Ничего ты не говорила, — пробормотала Вилла. — Ты кошка. Ты вообще молчишь.

Царица медленно моргнула.

На второй день она проснулась в пять утра от собственного стога. Ей снова снился он. Она села в постели, мокрая, дрожащая, злая. Пошла в душ. Стояла под горячей водой, прижавшись лбом к плитке.

«Это невыносимо. Я не могу так. Я не могу работать, не могу спать, не могу думать. Я превратилась в какую-то одержимую».

Она выключила воду, вытерлась, посмотрела на себя в

зеркало. Темные круги под глазами. Осунувшееся лицо. Глаза горят, но не тем огнем, что раньше — скорее, лихорадочным, болезненным. Она выглядела как человек, который борется с зависимостью и проигрывает.

«Я должна что-то решить. Либо мы прекращаем это, полностью, совсем, никаких встреч, никаких прикосновений, чисто работа и все. Либо»

Она не знала, что «либо». Она не знала, как можно «либо» с человеком, который одним взглядом заставляет ее забыть собственное имя.

Она оделась. Выпила чай. Села за стол. Открыла ноутбук. Закрыла. Снова открыла. Поняла, что не может прочитать ни строчки.

«Так не пойдет».

Она взяла телефон. Набрала сообщение: «Нам нужно поговорить. Не по телефону. Где?»

Ответ пришел через три минуты: «У меня. В 14:00. Адрес знаешь».

Ровно в два часа она стояла у его двери. Пальто, берет, портфель в руке, как на деловую встречу. Потому что это и была деловая встреча. Решение проблемы.

Он открыл дверь. Серый кардиган, белая рубашка, темные брюки. Очки на месте. Лицо непроницаемое.

Она вошла. Он закрыл дверь. Они стояли в холле, глядя друг на друга.

— Так не может продолжаться, — сказала она. Голос ровный, деловой. — Я не работаю. Не сплю. Срываю дедлайны. Это неприемлемо. От меня зависят люди в конце концов.

— У меня так же, — сказал он.

— Понимаю. Поэтому нам нужно решить, что мы делаем.

Он молчал. Ждал.

— У меня два варианта, — продолжила она. — Первый: мы прекращаем все. Полностью. Никаких контактов, кроме рабочих. Если нужно обсудить проект — пишем на почту. Встречи — только в офисах, с открытыми дверями. Никаких прикосновений. Никаких повторений того, что было.

Он смотрел на нее. Молчал.

— Второй вариант, — сказала она, и ее голос стал чуть жестче. — Мы признаем, что между нами происходит что-то, чего мы не контролируем. И вместо того чтобы бороться с этим и проигрывать, мы договариваемся о правилах. Чтобы минимизировать ущерб.

— Правила, — повторил он. Не вопрос. Подтверждение.

— Да. Правила. Первое: защита. Всегда. Без исключений. Я не собираюсь каждый раз гадать, чем это кончится.

— Согласен.

— Второе: конфиденциальность. Никто не знает. Ни твои, ни мои. Это не касается никого, кроме нас.

— Согласен.

— Третье: это не отношения. Мы не встречаемся. Мы не ходим на свидания. Мы не ночуем друг у друга. Мы встре-

чаемся, когда нам обоим это нужно, и расходимся. Без обязательств.

Он молчал дольше. Она видела, как что-то движется в его глазах за стеклами очков, она еще не научилась это читать.

— Без обязательств, — повторил он наконец.

— Да. Я не ищу отношений. Ты, насколько я понимаю, тоже. У нас есть проблема. Мы решаем ее самым прямым способом. Без иллюзий.

Он смотрел на нее. На ее прямую спину, на сжатые губы, на пальцы, крепко держащие портфель. Она пришла на переговоры. Она вела их жестко, четко, как профессионал. Это вызывало у него уважение. И что-то еще.

— Твои условия приняты, — сказал он.

— Хорошо.

Она открыла портфель, достала небольшую коробку, положила на столик в холле. Презервативы.

— Это сюда. Чтобы не забывать.

Он посмотрел на коробку. Потом на нее. Уголок его губ дернулся, не улыбка, тень улыбки.

— Предусмотрительно.

— Я устала от сюрпризов.

Она закрыла портфель, поправила ремешок на плече.

— Когда? — спросил он.

— Что «когда»?

— Когда тебе нужно.

Она встретила его взгляд. Ее глазах на секунду вспыхнули

и погасли.

— Сейчас. Но у меня встреча через два часа. Так что либо быстро, либо в другой раз.

— Быстро.

Он взял коробку со столика, разорвал упаковку, достал один. Положил в карман. Посмотрел на нее.

— Наверх.

Она кивнула. Они поднялись. Тишина в спальне не была пустой. Она давила. Густела с каждым шагом.

Она разделась. Он тоже. Не глядя. Но чувствуя, кожей, затылком, каждой клеткой.

Воздух между ними исчез. Не постепенно, в один момент. Еще секунду назад он был, и вот его нет. Только тяжесть. Только жар, исходящий от его тела.

Когда он оказался рядом, она перестала дышать.

Не от страха. От того, что внутри нее что-то включилось, древнее, глубинное, то, что не слушается правил и договоров, и спало слишком долго.

Его руки, она не видела, как они оказались на ее теле. Просто вдруг поняла, что не может без них. Что каждое прикосновение стирает еще одну грань между «можно» и «нельзя».

Мир схлопнулся. Не постепенно, рывком. Остались только его дыхание у ее шеи, его пальцы на ее бедрах, его запах, терпкий, мужской, лишаящий воли.

Она потеряла себя. Не помнила где, не помнила когда. Тело жило своей жизнью — изгибалось, вцеплялось, требова-

ло. Она только слышала свой голос, низкий, чужой, почти звериный, и не узнавала его.

Где-то на границе сознания мелькнула мысль: «Остановись». Но мысль сгорела, не долетев.

Она чувствовала, как он тоже ломается. Как его дыхание сбивается, как контроль, тот самый, железный, трещит по швам. И это подхлестывало ее сильнее, чем его руки, чем его тяжесть, чем все, что было до.

Они падали вместе. Без страховки. Без правил.

Потом — взрыв. Тишина. Пустота, которая звенит в ушах.

В комнате пахло ими, потом, страстью, чем-то первобытным, что нельзя назвать вслух.

Она встала, пошла в ванную. Он слышал, как льется вода. Она вышла, оделась, быстро, деловито. Поправила волосы. Посмотрела на него. Он все еще сидел на краю кровати, в расстегнутой рубашке, глядя на нее.

— Когда снова? — спросил он.

— Я напишу.

Она взяла пальто, портфель и вышла. Он слышал, как она спускается по лестнице, как открывается и закрывается входная дверь. Тишина.

Рой сидел на краю кровати и смотрел на коробку с презервативами, оставленную на столике в холле. «Она предусмотрела все. Пришла, выставила условия, решила проблему. Эффективно. Холодно. По-деловому».

Это должно было его устраивать. Он сам так жил. Кон-

троль. Порядок. Никаких лишних эмоций.

Но что-то внутри него, то, что он давил годами, не было удовлетворено. Голод никуда не ушел. Он просто получил порцию. Временную передышку. И уже чувствовал, как внутри снова начинает расти напряжение.

«Это не решение. Это управление симптомами. Но другого у нас нет».

Он встал, застегнул рубашку, спустился вниз. Взял коробку, отнес в спальню, положил в ящик прикроватной тумбы. Закрыв ящик. Посмотрел на телефон. Сообщений не было.

В такси Вилла смотрела в окно и думала. «Я все сделала правильно. Четко. По делу. Мы договорились о правилах. Теперь это под контролем».

Но внутри нее что-то саднило. Не физически, физически она получила то, что хотела. Разрядку. Временное облегчение. Но что-то другое, чему она не могла подобрать названия, осталось неудовлетворенным.

«Это не отношения. Это договор. Я сама так захотела. Это правильно».

Она повторяла это про себя снова и снова. Но когда такси остановилось у офиса, где у нее была встреча, она поймала себя на том, что все еще чувствует его запах на своей коже. И это не вызывало отвращения. Это вызывало желание развернуть машину и поехать обратно.

Она сжала зубы, вышла из такси и пошла на встречу. Работа. Контроль. Порядок. Все правильно.

Глава 14

Через два дня после разговора в аналитическом центре группа Фостера уже стояла в Тилбери среди контейнеров, мокрого металла и ледяного ветра с Темзы. К этому моменту расследование успело обрасти санкциями, внутренними согласованиями и слишком большим количеством людей, которые внезапно начали интересоваться грузом Виктора Драгича. Именно это Шоу и ненавидел больше всего, когда операция переставала быть тихой.

Грей шел за Фостером вдоль ряда грузовых платформ, стараясь не отставать. Вокруг двигались погрузчики, мигали желтые сигналы, грохотал металл. Обычный рабочий шум порта. Но напряжение чувствовалось даже здесь. У ворот терминала уже стояли две машины Национального агентства по борьбе с преступностью и неприметный фургон спецслужбы без опознавательных знаков.

Шоу разговаривал с кем-то из таможи, держа в руке планшет. Увидев их, он коротко кивнул.

— Контейнер сняли двадцать минут назад. Документы подтверждены. Номер совпадает.

— Люди Драгича? — спросил Фостер.

— Формально — роттердамская логистическая фирма. Но страховка идет через прокладку, связанную с их каналом. Грей посмотрел на контейнер. Обычный серый металл.

Ничего особенного. И все же вокруг него сейчас крутились люди сразу из трех ведомств.

— Мы уверены, что внутри? — спросил он.

Фостер застегнул куртку от ветра.

— Нет. Но кое-кто слишком сильно нервничал вокруг этого груза.

Шоу подошел ближе.

— Если нам повезет, внутри окажутся компоненты двойного назначения. Если очень повезет — санкционная электроника.

— А если нет?

Шоу посмотрел на контейнер.

— Тогда мы зря мерзнем в доках.

Рабочие отцепили пломбы. Один из сотрудников таможи медленно открыл тяжелые двери. Все невольно подались вперед. Внутри стояли паллеты. Коробки. Промышленная упаковка. Маркировка на немецком. Таможенник вскрыл одну из коробок. Потом вторую. Потом третью. Тишина становилась все тяжелее.

— Электронные модули, — наконец сказал специалист.

— Промышленные контроллеры. Часть ввезена с нарушением документации.

Фостер нахмурился.

— И все?

— Пока да.

Начали вскрывать остальные паллеты. Контроллеры. Де-

тали. Платы. Ничего запрещенного. Ничего, ради чего спецслужбу вытаскивали ночью в порт. Грей перевел взгляд на Шоу. Тот молчал. Очень долго. Слишком долго. Потом медленно спросил:

— Полный досмотр?

— Уже идет.

Через сорок минут ответ был тем же. Ничего. Максимум — нарушение импортной отчетности через третьи фирмы.

Фостер резко захлопнул папку.

— Черт.

Один из офицеров агентства подошел к ним с распечатками.

— Мы проверили документацию. Все грязновато, но юридически почти чисто. Таможня сможет выписать штраф.

— Штраф, — повторил Фостер с пустым смешком.

Грей нахмурился.

— Но почему тогда столько движения вокруг контейнера?

Никто не ответил. И именно это было хуже всего. Шоу стоял неподвижно, глядя внутрь контейнера так, будто пытался увидеть там что-то еще. Потом к ним быстро подошла Джейн с телефоном в руке. Лицо у нее было уже другим.

— Мартин.

Он повернулся.

— Что?

— Пока мы были здесь, в Ливерпуле закрылась сделка по компании «Мерсер Логистикс».

Фостер нахмурился.

— Это еще кто?

Джейн посмотрела на него.

— Компания обслуживает два внутренних складских узла рядом с северным терминалом.

Тишина. Грей первым понял.

— Синклер.

Джейн кивнула.

— Компания ушла через мальтийский фонд сорок минут назад.

Фостер медленно выдохнул сквозь зубы.

— Нас увели.

Шоу молчал. Джейн протянула ему экран телефона.

— Есть еще кое-что.

Он взял телефон. Замер. Грей видел, как изменилось его лицо. Совсем чуть-чуть. Но достаточно.

— Что там? — спросил Фостер.

Шоу медленно опустил телефон.

— Контейнер был перестрахован за час до нашего перехвата.

— И?

— Через одну из компаний Синклера.

На несколько секунд стало слышно только ветер и далекий грохот контейнеров. Фостер тихо выругался.

— Откуда, мать его, он узнал?

Никто не ответил. Потому что вариантов было слишком

много. И каждый был плохим. Люди в таможне. Люди в полиции. Люди в порту. Или Артур Синклер просто слишком хорошо умел читать чужие движения.

Шоу снова посмотрел на контейнер. Пустой. Бессмысленный. Идеально рассчитанный. Потом очень спокойно сказал.

— Нет. Это не утечка.

Фостер нахмурился.

— Тогда что?

Шоу перевел взгляд на него.

— Он хотел, чтобы мы нашли именно этот груз.

Тишина стала тяжелее прежнего. Грей почувствовал неприятный холод где-то под ребрами. Будто впервые по-настоящему понял, с кем именно они имеют дело.

Фостер усмехнулся без капли веселья.

— Синклер играет с нами?

— Нет, — тихо сказал Шоу.

Он посмотрел куда-то за контейнеры, на серую линию портовых кранов.

— Он показывает, что видит нас.

Несколько секунд никто не двигался. Ветер с Темзы гонял по бетону обрывки упаковочной пленки. Где-то за рядами контейнеров скрежетал металл, сигналил погрузчик, кричали рабочие — обычная жизнь порта продолжалась так, будто ничего не произошло. Только у группы наблюдения было ощущение, что их только что аккуратно и очень дорого унизили.

Фостер резко провел рукой по лицу.

— Великолепно. Мы две недели тащили сюда людей ради чертовых промышленных плат.

— Не ради плат, — тихо сказала Джейн.

Шоу все еще смотрел на контейнер.

— Ради времени.

Грей нахмурился.

— То есть?

Шоу наконец повернулся к нему.

— Пока мы следили за этим грузом, Синклер спокойно закрыл сделку в Ливерпуле. Без шума. Без внимания. Мы смотрели туда, куда он хотел.

Фостер зло усмехнулся.

— И теперь у него еще два склада рядом с северным терминалом.

Джейн убрала телефон в карман.

— Формально — не у него. У мальтийского фонда.

— Разумеется.

Шоу медленно подошел к контейнеру и провел пальцами по холодному металлу двери. На секунду Грею показалось, что тот злится. Но нет. Это было хуже. Шоу выглядел человеком, который что-то понял.

— Что? — спросил Грей.

Тот не ответил сразу. Потом очень спокойно произнес:

— Синклер не пытается быть невидимым.

Фостер нахмурился.

— Тогда что он делает?

Шоу перевел взгляд на красные огни кранов в тумане.

— Он контролирует, что именно мы видим.

Тишина. Даже Фостер перестал шутить. Грей снова посмотрел на открытый контейнер. Обычный груз. Обычные документы. Обычная схема серого импорта. И где-то за всем этим — человек, который сумел заставить спецслужбу плясать вокруг пустышки, пока спокойно усиливал контроль над Ливерпулем.

Джейн первой нарушила молчание:

— Что будем делать?

Шоу застегнул пиджак.

— То же, что и раньше.

— А именно?

Он посмотрел на фотографию в папке, торчавшей из-под документов. Артур Синклер. Безупречный костюм. Спокойная улыбка человека, который никогда не повышает голос.

— Ждать, — сказал Шоу. — Такие люди всегда ошибаются.

Фостер коротко хмыкнул.

— А если нет?

Шоу закрыл папку. На этот раз ответ прозвучал не как рабочее замечание. Как предупреждение.

— Тогда однажды мы проснемся в стране, где половина критической инфраструктуры принадлежит человеку, которого невозможно посадить.

Он развернулся и пошел к выходу из терминала. Остальные двинулись следом. Последним уходил Грей. Уже у дверей он еще раз обернулся на контейнер. Пустой металлический ящик посреди холодного порта. И почему-то именно сейчас он впервые по-настоящему понял, почему имя Артура Синклера произносят так тихо.

На третий день Рой наконец рассказал Артуру.

Они сидели в кабинете в Хэмпстеде, Артур с кофе, Рой с водой, папка с документами между ними. Элинор ушла наверх с книгой и видом человека, который слышит все, но тактично не присутствует.

Рой говорил двадцать минут. Артур не перебивал. Это был его способ слушать серьезное — полная тишина, только пальцы на чашке чуть меняли положение.

Торнтон. Виллис. Долг через Джерси. Лихтенштейн. Тэджи Морган как первый сигнал. Пирс как подтверждение. И Коул, Ричард Коул, партнер «Коул и Беннет», восемь лет за Торнтоном.

Когда Рой закончил, Артур поставил чашку.

— Восемь лет, — сказал он.

— Восемь.

— Я строю бизнес двадцать пять лет. Этот человек восемь лет был рядом, и я его не знал.

— Ты не должен был знать. Он работал через Торнтон. Торнтон работал через Виллиса. Три уровня. Это професси-

онально.

— Это меня злит, — сказал Артур спокойно. Именно так, спокойно, что было страшнее любого гнева. — Что с ним делать?

— Ничего, — сказал Рой. — Пока. Коул ищет слабое место в нашей легальной структуре. Он нанял юриста, не своего, чужого. Значит, боится засветиться.

— Значит, знает что у нас есть на него.

— Или подозревает. — Рой поправил очки. — Артур. Коул опасен не потому что сильный. Опасен потому что невидимый. Если мы двинемся сейчас, он исчезнет и появится через год под другим именем.

— Тогда что?

— Ждем, когда он сделает шаг. — Рой убрал папку. — Он сделает. Такие люди всегда делают. Они привыкли что их не видят, и поэтому теряют осторожность.

Артур смотрел на него долго.

— Рой.

— Что.

— Ты давно это знаешь. С приема у Эшфорда. С того вечера когда ты сказал мне «Торнтон ждал сообщения». — Пауза. — Почему не сразу?

— Потому что сразу у меня была догадка. Теперь есть доказательства.

— Разница важна.

— Для тебя, да. Ты принимаешь решения на основе фак-

тов. На основе догадок, горячишься.

Артур молчал секунду. Потом хмыкнул.

— Ты меня знаешь слишком хорошо.

— Двенадцать лет.

— Двенадцать. — Артур встал. — Хорошо. Ждем. Но Рой: когда он сделает шаг, я хочу быть первым кто узнает. Не Хейл. Не Кэт. Я.

— Ты будешь первым.

Артур кивнул. Пошел к двери. Остановился.

— Рой.

— Что.

— Виллис финальный договор подпишет?

— Подпишет.

— Когда он поймет что Торнтон потерял канал, придет к нам?

— Придет.

— А если к Торнтону?

— Тогда у нас будет разговор с Торнтоном, — сказал Рой.
— Которого ты давно хотел.

Несколько секунд в кабинете было тихо. Потом Артур вдруг спросил:

— Что в Тилбери?

Рой поднял взгляд.

— Спецслужбы полезли в контейнер Драгича.

— Знаю. Фостер там лично был.

— И Шоу.

Артур чуть прищурился.

— Насколько плохо?

— Не критично.

Рой говорил спокойно, почти сухо.

— Контейнер они вскрыли. Нашли ровно то, что должны были найти. Серый импорт, грязные документы, ничего уголовного.

— А Ливерпуль?

— Сделка прошла, пока они стояли в порту.

Артур медленно усмехнулся.

— Красиво.

— Достаточно красиво, чтобы Шоу понял, что его отвели в сторону намеренно.

Улыбка Артура исчезла.

— Вот это уже менее красиво.

Рой кивнул.

— Серые стали внимательнее. Раньше они следили за потоками. Теперь начинают смотреть на систему целиком.

— На нас.

— Да.

Артур поставил чашку на стол.

— Насколько близко?

— Пока не близко. Но Шоу умнее большинства. Он понял главное.

— Что именно?

Рой на секунду замолчал.

— Что мы не прячемся. Мы контролируем направление взгляда.

Артур тихо хмыкнул.

— Неприятное открытие для спецслужбы.

— Особенно для людей, которые привыкли думать, что это они наблюдают за всеми остальными.

Артур встал и подошел к окну.

За стеклом был мокрый серый Лондон.

— Фостер?

— Злой.

— Грей?

— Пока учится.

— А Шоу?

Рой надел очки обратно.

— Шоу теперь будет копать глубже.

Артур помолчал.

— Утечка?

— Нет.

— Уверен?

— Да.

— Тогда как они вышли на контейнер?

— Через страховку Драгича. Слишком грязная цепочка.

Мы не успели ее полностью зачистить.

Артур медленно кивнул.

— Исправить.

— Уже.

Он снова посмотрел на папку Коула.

— И все же мне не нравится совпадение.

— Мне тоже.

— Слишком много движения одновременно.

— Именно.

Артур долго молчал. Потом спросил:

— Какова вероятность, что люди с набережной уже начинают связывать Тилбери, Ливерпуль и нас?

— Они и раньше связывали. Разница в другом.

— В чем?

— Раньше это была теория. Теперь у них появилось ощущение, что мы играем с ними.

Артур усмехнулся без радости.

— А мы играем?

Рой посмотрел на него спокойно.

— Мы защищаем бизнес.

— Иногда я забываю, насколько по-разному ты умеешь называть одни и те же вещи.

Рой ничего не ответил.

Артур снова сел в кресло.

— Хорошо. Значит, спецслужбы начинают нервничать, Коул шевелится, Торнтон скоро поймет, что теряет контроль, а половина Ливерпуля пытается вцепиться друг другу в глотки.

— Примерно так.

— Прекрасный месяц.

Рой закрыл папку.

— Ситуация пока управляемая.

— Пока?

— Пока никто не начинает паниковать.

Артур посмотрел на него долгим взглядом.

— И кто, по-твоему, паниковать начнет первым?

Рой ответил сразу:

— Торнтон.

— А вторым?

На этот раз пауза длилась чуть дольше.

— Серые, если поймут масштаб слишком поздно.

Артур тихо рассмеялся.

— Господи, как же я ненавижу моменты, когда ты звучишь как человек, который уже просчитал всех в комнате.

— Я не всех просчитал.

— Это должно меня успокоить?

— Нет.

Артур покачал головой с тенью усталой улыбки.

— Ты умный человек, Рой Кейн. Иногда слишком умный.

Но это все еще лучше, чем быть идиотом.

Он направился к двери, потом остановился.

— И еще кое-что.

Рой поднял взгляд.

— Да?

— Если Шоу действительно начал понимать картину рано или поздно он выйдет либо на тебя, либо на меня.

— Да.

— И тогда это перестанет быть игрой со складами и контейнерами.

Рой смотрел на него спокойно.

— Я знаю.

Артур несколько секунд молчал, потом кивнул сам себе.

— Ладно. Тогда будем надеяться, что первым ошибется кто-то другой.

И вышел из кабинета.

Две недели. Рой и Вилла пытались подчинить себя правилам, которые сами же установили. Пять встреч. Рой запомнил каждую. Не специально, само отпечатывалось в памяти.

Первая. Через день она написала: «Сегодня. Девять. У тебя». Он ответил: «Ок» — и она прочитала это «ок» как его, короткое, безликое, и все равно улыбнулась телефону.

Она приехала ровно в девять. Строгий костюм, волосы собраны, лицо, маска. Под маской, все то же, что и вчера, и позавчера: желание, которое не уходит.

Они поднялись наверх. Ни слова. Ни взгляда. И это молчание было лучшей прелюдией.

Первый раз случился быстро. Как вспышка. Как удар. Они отстранились.

Он думал, что она встанет и уйдет. Она не встала. Лежала, дышала, глядя в потолок. Потом повернула голову, посмотрела на него.

— Еще, — сказала она. — Я не закончила.

Он тоже не закончил.

Второй раз был дольше. Медленнее. На пике она выкрикнула его имя, громко, не сдерживаясь.

Он последовал сразу за ней.

Потом они лежали на спине, тяжело дыша. Он смотрел в потолок. Она смотрела в потолок.

— Почему вторая волна всегда сильнее? — спросила она. Голос хриплый, усталый.

— Не знаю. Не изучал.

— А стоило бы. Это какая-то биология. Или химия.

— Химия, — сказал он. — Определенно химия.

Она повернула голову, посмотрела на него.

— Ты веришь в химию?

— Я верю в факты. Факт в том, что я не могу остановиться после одного раза. Это ненормально.

— Для меня тоже. — Она снова уставилась в потолок. — У меня раньше такого не было. Один раз, и достаточно. С тобой... недостаточно. Никогда.

Он промолчал. Но внутри что-то сжалось, не от гордости, от понимания. У нее так же. Они оба в этой ловушке.

Она встала, пошла в душ. Он слышал, как льется вода. Когда она вышла, с мокрыми волосами, завернутая в его полотенце, он все еще лежал в постели.

— Мне нужно идти, — сказала она. — Завтра рано вставать.

— Оставайся.

Она замерла, держа в руках свою блузку.

— Мы договаривались. Никаких ночевок.

— Это не ночевка. Это логистика. Ты устала. Я устал.

Утром уедешь.

Она смотрела на него несколько секунд. Потом положила блузку обратно на стул, сбросила полотенце и легла рядом.

Он выключил свет.

В темноте она сказала:

— Ты нарушаешь мои правила, Кейн.

— Знаю.

— Это плохо.

— Знаю.

Она вздохнула, повернулась на бок, спиной к нему. Через минуту он услышал, как ее дыхание стало ровным. Спала.

Он лежал и смотрел в темноту. Рядом с ней, теплой, пахнущей его гелем для душа, было... странно. Не плохо. Не хорошо. Просто странно. Как будто что-то сдвинулось в его идеально выстроенном мире, и он еще не понял, нравится ему это или нет.

Утром она уехала до того, как он проснулся. На подушке остался ее запах.

Вторая. Через три дня. Она написала: «Можешь приехать? У меня. Через час». Он приехал.

Квартира над книжной лавкой. Вилла открыла дверь в халате, темно-бордовом, с виноградными лозами. Волосы рас-

пущены. Босиком. В одной руке, завядшие розы, в другой, пустая ваза.

— Заходи. Царица не кусается. Обычно.

Он вошел. Кошка на подоконнике, белая, пушистая, смотрела на него, как на грызуна, который случайно заполз на ее территорию. Она спрыгнула с подоконника, подошла, обнюхала его ботинки. Фыркнула и ушла. Вилла хмыкнула.

— Ты прошел первый тест. Она редко к кому подходит. Обычно сразу шипит.

— Польщен.

Вилла выбросила розы в мусорное ведро, включила воду, начала мыть вазу.

— Поклонники? — спросил он.

— Благодарные клиенты. — Она даже не повернулась. — Леди Эшфорд прислала после приема. Неделю назад. Я забыла их выбросить.

— Не любишь розы?

— Люблю пионы. Розы, это банально. Как открытка с готовым текстом. Никакой фантазии.

Он промолчал. Запомнил.

Она вытерла вазу, поставила на подоконник.

Повернулась к нему, окинула его с головы до ног, хищно ухмыльнулась:

— Пойдем — она увлекла его за руку за собой.

В ее спальне было тесно, но уютно. Книги стопками на полу, на тумбочке, чашка с остатками чая, на стене, старая

карта Лондона. Пахло сандалом и полынью. Ее запах. Запах, который он теперь носил на своей одежде, сам того не замечая.

На этот раз начало было иначе, дольше. Она сверху, двигалась медленно, глядя ему в глаза. Он держал ее за бедра. Ей нравилось смотреть, как он теряет контроль. Нравилось видеть, что под броней, такой же голодный зверь, как и у нее.

Потом они лежали, плечом к плечу, смотрели в потолок.

— Почему древние языки? — спросил он. — Не история, не археология, не литература. Именно языки.

Она помолчала.

— Потому что в мертвых языках никто не кричит. Тексты уже написаны. Они не изменятся, не предадут, не уйдут. Ты можешь сидеть с ними часами, и они будут такими же, как в прошлый раз. Это успокаивает.

Он повернулся к ней.

— Ты говоришь о людях.

— Я говорю о предсказуемости. Живые люди непредсказуемы. Они врут, исчезают, умирают. А мертвые языки, нет. Они, единственное, на что можно положиться.

— И поэтому ты создаешь миры.

— Да. В мире, который я создаю, я контролирую все. Свет, звук, движение, эмоции. Никаких сюрпризов. Никакой боли. Просто красивая иллюзия.

— А реальность?

Она усмехнулась.

— С реальностью я пока не очень.

Он не ответил. Она встала, накинула халат.

— Есть хочешь?

— Нет.

— Я хочу. Ты можешь просто посидеть.

Он остался. Она приготовила омлет, ела, сидя на кровати.

Он смотрел. Царица запрыгнула на кровать, улеглась у его ног. Вилла заметила.

— Она тебя приняла. Это плохой знак.

— Почему?

— Потому что Царица не ошибается в людях. А я не хочу, чтобы ты был правильным.

— Я не правильный.

— Знаю. Поэтому она тебя и приняла.

Потом они снова занялись сексом. Второй раз за вечер. Снова медленно, лениво. Она уснула сразу. Он лежал, смотрел на ее спину, потом встал, оделся и ушел.

Третья — у него. Она приехала поздно, уставшая.

— У меня был дерьмовый день. Клиент, идиот. Просто сделай это.

Он сделал. Быстро, жестко. Дойдя до пика, она облегченно выдохла. Потом лежала, дышала.

— Еще. Медленно. Я хочу чувствовать.

Он сделал медленно. Она смотрела ему в глаза. Он смотрел на нее.

Потом они лежали. Молчали. Он думал, что она уйдет. Но

она не вставала.

— О чем ты думаешь? — спросила она.

— О работе.

— Врешь.

— О тебе.

— Что обо мне?

— Что я не понимаю, как это работает. Ты говоришь «просто сделай это», и я делаю. Ты говоришь «медленно», и я делаю медленно. Ты управляешь мной, а я позволяю. Это ненормально.

Она повернулась на бок, подперла голову рукой, посмотрела на него.

— Ты тоже мной управляешь. Просто иначе. Ты смотришь на меня, и я уже готова. Ты прикасаешься, и я забываю, как дышать. Думаешь, мне это нравится? Я привыкла контролировать все. А с тобой я не контролирую ничего.

— Тогда почему ты здесь?

Она долго смотрела на него.

— Потому что не могу не быть. Это честный ответ.

— У меня такой же.

Она кивнула. Встала, начала одеваться.

— Я не останусь сегодня. Мне нужно домой. Подумать.

— О чем?

— О том, что мы только что сказали друг другу.

Она ушла. Он лежал и смотрел в потолок. «Потому что не могу не быть». Он тоже не мог.

Четвертая — у нее. Он написал: «Сегодня?» Она ответила: «У меня. В семь». Он приехал. На столе стояли две тарелки, бокалы, бутылка вина. Пахло пряностями.

— Я готовила. Марокканское. Садись.

Он сел. Они ели молча. Потом она сказала:

— Я думала о том, что ты сказал. Про контроль. Про то, что я тобой управляю.

— И?

— Это не управление. Это что-то другое. Я не знаю слово.

— Влияние, — сказал он. — Ты влияешь на меня. Я влияю на тебя. Мы оба теряем контроль не потому, что кто-то управляет. А потому что мы резонируем.

Она посмотрела на него с интересом.

— Резонируем. Как камертоны.

— Да. Физика. Не химия. Химия, это когда вещества реагируют и меняются. Физика, когда частоты совпадают и усиливают друг друга.

— Ты сейчас сравнил нас с камертонами?

— Да.

Она усмехнулась, покачала головой.

— Ты странный, Кейн. Очень странный. Мне это нравится.

— Ты тоже странная. Мне это тоже нравится.

Они допили вино. Она встала, протянула руку.

— Идем. Я хочу проверить теорию камертонов.

В спальне они проверили. Три раза. Теория работала.

Пятая — у него. Она приехала днем, без предупреждения. Позвонила в дверь. Он открыл, тренировочные штаны, футболка, потный после спортзала.

— У меня отменилась встреча. И я подумала: какого черта я сижу и жду вечера, если могу приехать сейчас.

— Логично.

Она окинула его взглядом.

— Так даже лучше.

Они не дошли до спальни. Коридор. Стена. Ее юбка задрана, его штаны спущены. Презерватив — он теперь носил с собой всегда. Первый раз — у стены. Второй — на диване. Третий — в душе.

— Три раза, — сказала она, сидя на полу в ванной, мокрая, уставшая. — Это рекорд.

— Четыре было бы перебором.

— Согласна. Но завтра можно попробовать.

Он повернул голову, посмотрел на нее. Мокрая, растрепанная, с припухшими губами. Глаза горят.

— Ты ненасытна. Но, завтра у меня дела.

— Ты тоже. Послезавтра?

—Послезавтра.

Она встала, взяла полотенце, начала вытираться.

— Я останусь сегодня, — сказала она. Не спросила. Констатировала.

— Хорошо.

Вечером они заказали пиццу. Ели на диване, смотрели ка-

кой-то старый фильм, он даже не запомнил какой. Она комментировала операторскую работу, он спорил о сюжетных дырах. Это было... странно. Не плохо. Не хорошо. Просто странно. Как будто они делали это всегда.

Ночью она спала рядом, и он снова не мог уснуть. Смотрел в темноту и думал.

«Это выходит из-под контроля. Нет, не так. Контроля уже нет. Мы переспали не один раз. Мы говорим. Мы едим вместе. Мы спорим о фильмах. Она остается на ночь. Это не то, на что мы договаривались».

Он смотрел на ее силуэт в темноте, она спала на животе, раскинув руки, заняв почти всю кровать. Дышала ровно, глубоко. Ему было тесно, неудобно, ее локоть упирался ему в бок.

Он не двигался.

«Черт. Черт, черт, черт».

Утром он проснулся от того, что она смотрела на него.

— Ты храпишь.

— Я не храплю.

— Храпишь. Тихо. Как большой кот.

Они пили кофе молча. Потом она сказала:

— Мне нужно на работу. Встреча в десять.

— Я отвезу.

— Не надо. Вызову такси.

— Я отвезу.

Она посмотрела на него, хотела возразить, не стала.

—Хорошо.

В машине она смотрела в окно. У офиса вышла, наклонилась к открытой дверце.

— Завтра во сколько?

— В восемь. Я приготовлю.

— Хорошо.

Ушла. Он смотрел ей вслед. Пять встреч за две недели. Правила трещали по швам. И он не хотел их чинить.

Глава 15

Хейл принес файл в пятницу утром. Положил на стол молча — он всегда клал молча, без предисловий, давая Рою самому решать, когда читать.

Рой прочитал сразу.

Сэр Генри Торнтон. Пятьдесят восемь лет. Антиквариат — официально. Контрабанда — неофициально, но достаточно задокументировано, чтобы это было проблемой. Поддельный Рембрандт, купленный два года назад — Рой уже знал об этом от Артура. Но в файле было новое: три объекта, проходящие через таможню Фелькстоуна с неправильными документами. Один из них — через склад в Тилбери. Через склад, который Артур только что взял под контроль.

Рой закрыл папку. Взял телефон.

— Артур.

— Рой. Что-то случилось?

— Торнтон использует Тилбери.

Пауза. Короткая — Артур думал быстро.

— Когда ты узнал?

— Только что. Хейл нашел.

— И что ты предлагаешь?

— Ничего, — сказал Рой. — Пока. Он не знает, что склад теперь наш. Если мы торопимся — он узнает и уберет товар. Если ждем — сами решаем, когда это становится нашим ры-

чагом.

Молчание. Потом Артур хмыкнул.

— Рычагом, — повторил он с удовольствием. — Рой, ты иногда говоришь вещи, которые мне очень нравятся. Хорошо. Ждем. Но я хочу знать каждое движение этого человека.

— Хейл уже смотрит.

— Конечно, уже смотрит. — Артур помолчал. — Рой. Он пытался нанять твою женщину.

— Она отказалась.

— Знаю. Это делает ее умной. — Пауза. — И это делает ситуацию интереснее. Потому что если бы она согласилась — у нас был бы канал. А так у нас есть только Хейл.

— Хейл лучше канала.

— Обычно да. — Артур отключился.

Рой положил телефон. Посмотрел на папку с делом Торнтон. Потом на папку с концепцией Виллы для «Теней старой Англии», которая лежала рядом — она прислала ее вчера на согласование.

Он не стал думать о том, что обе папки лежат рядом. Иногда совпадения — просто совпадения.

Торнтон сам сделал ошибку через три недели.

Рой узнал об этом от Хейла в семь утра — коротко, по телефону: «Торнтон. Тилбери. Сегодня ночью. Будет лично».

Это была глупость. Люди его уровня не приезжали лично на склады — для этого существовали посредники, курьеры, цепочки. Лично приезжают только тогда, когда что-то идет

не так.

Значит, у Торнтона что-то шло не так.

Рой взял Хейла. Тоби остался у машины — «просто постоять», как обычно. На этот раз постоять у ворот склада в Тилбери в половине второго ночи, при том что один его вид делал вопрос «что вы здесь делаете?» риторическим.

Торнтон стоял у третьего ряда стеллажей. Рядом — двое его людей и открытый ящик. В ящике было что-то завернутое в ткань.

Рой вошел. Хейл — на шаг сзади и чуть правее. Торнтон повернулся — увидел их и побелел так, как белеют люди, когда понимают, что план рассыпался.

— Мистер Кейн, — сказал он. Голос почти ровный.

— Сэр Генри. — Рой посмотрел на ящик. — Поздно для инвентаризации.

— Я не...

— Не нужно объяснять, — сказал Рой. — Я уже знаю. — Он подошел ближе, посмотрел на завернутый предмет. — Это из долины Царей?

Торнтон молчал.

— Из долины Царей, — повторил Рой, уже не вопрос. — Египетское, шестая династия, примерно. Фигурка ушебти. Вывезена незаконно, продана коллекционеру в Вене, перепродана еще раз, теперь едет через мой склад. — Он поднял взгляд на Торнтона. — Это было неудобно, сэр Генри. Без предупреждения.

— Это не ваш склад, — сказал один из людей Торнтона. Молодой, нервный.

Рой посмотрел на него.

— Три недели как мой, — сказал он. — Я понимаю, вы не знали. Это объясняет недоразумение, но не решает его. — Он снова посмотрел на Торнтона. — У вас есть два варианта, сэр Генри. Первый — мы сейчас вызываем таможенную службу. Вы объясняете им происхождение предмета. Я думаю, разговор будет интересным.

Торнтон сглотнул.

— Второй?

— Второй проще. — Рой застегнул пуговицу на пиджаке — медленно, без спешки. — Вы передаете предмет нам. Мы его... правильно документируем. Через наши каналы. За разумный процент. И больше не используете склады Синклера без согласования. Это не наказание. Это условие работы.

— Вы хотите процент с контрабанды.

— Я хочу, чтобы мой склад не использовали как транзитную точку без моего ведома, — поправил Рой. — Процент — это просто вежливость. За использование инфраструктуры.

Торнтон смотрел на него. Потом на Хейла. Потом на ящик.

— Сколько?

— Пятнадцать. Со всего, что пройдет через наши точки. Документация наша, логистика наша, риски — тоже наши. Вы только поставляете товар и получаете восемьдесят пять

процентов чистыми.

— Это грабеж.

— Сэр Генри. — Рой слегка наклонил голову. — Альтернатива — таможня в половине второго ночи. Выберите то слово, которое вам удобнее.

Пауза.

— Хорошо, — сказал Торнтон.

— Хорошо, — согласился Рой. — Хейл пришлет вам контакты для согласования. Приятной ночи, сэр Генри.

Он вышел. На улице Тоби стоял у ворот с руками перед собой и смотрел в пространство. Ночь была холодной, с реки тянул ветер.

— Как? — спросил Тоби.

— Нормально.

— Он согласился?

— Да.

— Хорошо. — Тоби пошел к машине. — Рой.

— Что.

— У него незаконнорожденный сын в Испании.

Рой остановился.

— Откуда ты знаешь?

— Флоренс говорила. Ассистентка Виллы. — Тоби сел за руль. — Она все знает про всех гостей. Интересная женщина.

— Ты разговаривал с Флоренс?

— Она разговаривала со мной. Я слушал.

Рой сел рядом. Подумал.

— Это может быть полезно.

— Я знаю, — сказал Тоби. — Поэтому и говорю.

Прошел месяц. Рой и Вилла продолжали встречаться — раз в несколько дней, иногда чаще. Правила все еще действовали, но держались на честном слове. Она приезжала к нему, он приезжал к ней. Они спали вместе, иногда ели вместе, иногда разговаривали. Но никто не говорил о том, что это становится чем-то большим. Оба боялись спугнуть.

Царица окончательно приняла Роя. Теперь, когда он приезжал, кошка прыгивала с подоконника, терлась о его ноги и требовала, чтобы он сел, потому что она намеревалась спать на его коленях. Вилла наблюдала за этим с кривой усмешкой.

— Ты украл мою кошку.

— Она сама выбрала. Я не вмешивался.

— Она предательница.

Царица, услышав свое имя, приоткрыла один глаз, посмотрела на хозяйку и снова закрыла.

Вилла замечала, что он начал оставлять у нее вещи. Сначала зарядку от телефона. Потом запасную рубашку. Потом книгу, которую читал. Она ничего не говорила, просто складывала их в ящик. У него дома тоже появились ее следы: зубная щетка в ванной, чай с мятой на кухне, пионы в вазе в гостиной — она привезла их однажды и забыла забрать, а он не выбросил.

Они не обсуждали это. Просто так получалось.

Однажды вечером она приехала к нему без предупреждения. У нее был тяжелый день — клиент сорвал сроки, поставщик подвел, ассистентка перепутала даты. Она просто села в машину и поехала. Он открыл дверь, увидел ее лицо и ничего не спросил. Просто впустил. Она сняла пальто, бросила на стул, прошла в гостиную и села на диван, поджав ноги. Он сел рядом. Молчал.

— Мне нужно было куда-то поехать, — сказала она, глядя в стену. — Я подумала о своей квартире. Там тихо, Царица, чай. А потом поняла, что хочу сюда. К тебе. Это странно?

— Нет.

— Мы договаривались без отношений.

— Мы много о чем договаривались.

Она повернула голову, посмотрела на него. Он смотрел на нее — серьезно, без улыбки.

— Это пугает меня, Рой. Я не хотела привязываться. Я не умею привязываться. А с тобой у меня не получается не привязываться.

— У меня тоже.

— И что нам делать?

— Не знаю. Продолжать.

Она вздохнула, придвинулась ближе, положила голову ему на плечо. Он обнял ее. Они сидели так долго, в тишине.

— Ты голодна? — спросил он.

— Да.

— Я приготовлю.

Он встал, пошел на кухню. Она слышала, как он гремит посудой. Через полчаса он принес пасту — простую, с томатным соусом и базиликом. Они ели молча, сидя на диване. Потом она уснула, привалившись к его плечу. Он не стал ее будить, просто укрыл пледом и сидел так, пока за окном не начало светать.

Через пару дней, ближе к вечеру, Кэт приехала без предупреждения — как всегда. Рой был в спортзале, заканчивал тренировку. Она спустилась в подвал, прислонилась к дверному косяку и смотрела, как он бьет грушу.

— Ты опоздал, — сказала она.

— Я не опоздал.

— На пятнадцать минут. На встречу с поставщиком. Ты никогда не опаздываешь. — Она сняла очки, положила на скамью, стянула свитер. Под ним — футболка с длинным рукавом. Тренировочные штаны и кроссовки — она явно приехала не с работы.

— Ты либо болен, либо влюблен, либо и то и другое. Я решила проверить.

— Каким образом?

Вместо ответа она шагнула вперед и ударила — без предупреждения, выбросила правую руку, целясь в корпус. Рой ушел влево, перехватил ее запястье, но она уже вывернулась и ударила снова — на этот раз ногой, низко, в колено. Он заблокировал. Она отскочила.

— Ты стала быстрее, — сказал он.

— Ты стал старше.

Они кружили по матам в подвале его дома, где он обычно бил грушу. Сегодня груша отдыхала. Шрам на предплечье Кэт не показывала никогда, даже на тренировках — длинный рукав всегда. Рой был босиком, в черной майке. Они двигались в одном ритме — не как противники, как люди, которые знают движения друг друга наизусть.

Она снова атаковала — серия ударов, быстрых, точных, без лишних движений. Он блокировал, уходил, один раз пропустил — ее кулак скользнул по ребру, не сильно, но достаточно, чтобы он хмыкнул.

— Больно? — спросила она.

— Терпимо.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который ты получишь.

Она фыркнула. Он использовал ее секундную паузу, чтобы перехватить инициативу — провел захват, развернул ее, прижал к матам. Она попыталась вывернуться — он держал.

— Сдаешься?

— Никогда.

Она двинула локтем назад — он ожидал этого, заблокировал. Она использовала момент, чтобы сменить позицию, и через секунду уже сама сидела сверху, прижимая его плечи к матам.

— Кто теперь сдается? — спросила она.

— Никто.

Он сбросил ее — не грубо, но эффективно. Они оба встали, тяжело дыша. Кэт поправила волосы, сбившиеся на лицо. Рой потер ребро — там, где она попала.

— Ты дерешься грязно, — сказал он.

— Ты меня научил.

— Я научил тебя драться эффективно. Грязно — это твоя авторская доработка.

— Спасибо.

Она взяла бутылку с водой, сделала глоток, протянула ему. Он взял. Они стояли посреди спортзала — брат и сестра, не связанные кровью.

— Как Вилла? — спросила Кэт.

— Нормально.

— Ты говоришь «нормально», когда все хорошо, и «нормально», когда все плохо. Это бесит.

— Знаю.

— Она тебя не боится?

Он посмотрел на нее.

— А ты?

— Я — другое дело. Я сама кого угодно напугаю. — Она чуть усмехнулась. — А она нормальная. Насколько это возможно с тобой.

— Она сильная.

— Я знаю. Я видела ее в клубе. — Кэт покрутила бутылку в руках. — Она мне нравится. Не потеряй ее.

— Я стараюсь.

— Старайся лучше.

Она поставила бутылку и пошла к выходу. У двери обернулась.

— В следующий раз я ударю сильнее.

— Я буду готов.

— Конечно, будешь. — Она вышла. Рой остался в спортзале один. Подошел к груше. Начал бить. Ритмично, сильно, без остановок. Мысли о Вилле, о Кэт, о том, что он старается. И о том, что стараться — недостаточно. Надо меняться. А это было самое трудное.

Прошло еще три дня. Три дня, за которые Рой успел: завершить сделку по новому маршруту (без осложнений), дважды поговорить с Артуром о расширении бизнеса (Артур был в приподнятом настроении — Элинор согласилась на совместный отпуск), и ни разу не перестать думать о ней. Она не писала. Он не писал. Он ждал.

На четвертый день, вечером, телефон завибрировал.

«Сегодня. У меня. 21:00. Захвати еды. Я не готовила.»

Он приехал ровно в девять с пакетом из итальянского. Поднялся по лестнице, постучал. Она открыла. Халат, волосы собраны в небрежный пучок. Под глазами тени.

— Заходи, — сказала она и пошла на кухню.

Он прошел на кухню, начал раскладывать еду. Паста, ризотто, хлеб, бутылка красного — он запомнил, что она пьет красное. Она села за стол, поджав ноги, и смотрела, как он хозяйничает на ее кухне.

— Ты запомнил, где у меня тарелки, — заметила она.

— Да.

— Это пугает.

— Почему?

— Потому что это означает, что ты здесь был достаточно раз, чтобы запомнить. А мы договаривались, что это не отношения.

Он поставил тарелку перед ней, сел напротив.

— Это не отношения. Это логистика. Я ем, ты ешь. Проще поесть вместе, чем по отдельности.

Она хмыкнула, взяла вилку.

— Логистика. Конечно.

Они ели молча.

— Тяжелая неделя? — спросил он.

— Клиент из ада. Хочет средневековый пир с драконами, бюджет как на пикник в парке. Три часа объясняла разницу между гобеленом пятнадцатого века и постером. Не понял.

— Откажешься?

— Не могу. Он друг лорда Эшфорда. Придется довести до конца. Но я заложила в смету тройной запас на нервные клетки.

— Разумно.

Она отпила вино, посмотрела на него.

— А у тебя? Как неделя?

— Сделка по новому маршруту. Без осложнений. Артур доволен. Собирается в отпуск с Элинор.

— Куда?

— Не сказал. Кажется, Италия.

— Элинор любит Италию?

— Она любит все, что делает хорошо. Италию она делает хорошо.

Вилла хмыкнула.

— Она мне нравится. Элинор. Редкая женщина, которая не притворяется.

— Она не умеет притворяться. Артур говорит, это его самая большая проблема и самое большое счастье.

— Он ее любит.

— Да.

— Это заметно. По тому, как он на нее смотрит.

Она замолчала, покрутила бокал в пальцах. Рой смотрел на нее. На тени под глазами, на острые скулы, на то, как она хмурится, глядя в вино.

— О чем думаешь? — спросил он.

— О том, что устала. Не от работы. От чего-то другого.

— От чего?

Она подняла глаза, встретила его взгляд.

— От того, что я жду твоих сообщений. От того, что ты здесь уже в который раз, и я знаю, где у тебя лежат носки, когда ты их снимаешь. От того, что Царица спит с тобой, а она не спит ни с кем, кроме меня. От того, что это уже не похоже на договор. А на что похоже — я не знаю.

Он молчал. Она допила вино, поставила бокал.

— Я не спрашиваю, что с этим делать. Я просто констатирую факт. Можешь не отвечать.

— Я и не собирался.

Она усмехнулась — коротко, без веселья.

— Честно. Ценю.

Он отодвинул тарелку, встал, отнес посуду в раковину. Она смотрела на него с дивана, куда перебралась, пока он убирал.

— Ты моешь посуду, — сказала она.

— Она грязная.

— Ты в моей квартире. Моешь мою посуду. После того как принес мне ужин. Знаешь, как это называется?

— Логистика.

— Это называется по-другому. Я просто не хочу произносить это слово.

Он выключил воду, вытер руки, повернулся к ней.

— Какое слово?

Она долго смотрела на него. Потом покачала головой.

— Неважно. Иди сюда.

Он подошел. Она потянула его за руку, усадила на диван.

— Я не умею в отношения, — сказала она. — У меня их не было. Было два мужика, с которыми я спала. Оба раза я сказала «приходи», они пришли, а утром я сказала «не звони». И они не звонили. Всех устраивало.

— Меня бы не устроило.

— Знаю. Поэтому я и не говорю тебе «не звони».

Он смотрел на нее. Она смотрела на него. Тишина была не напряженной — скорее, усталой. Как после долгого бега.

— Я тоже не умею, — сказал он. — У меня было несколько женщин. Все заканчивалось одинаково: им нужно было больше, чем я мог дать. Я не умею давать «больше». Я умею решать проблемы и контролировать риски.

— А я — проблема или риск?

— И то, и другое.

Она кивнула.

— Взаимно.

Они замолчали. Царица спрыгнула с подоконника, подошла, запрыгнула на диван между ними. Вилла почесала ее за ухом.

— Она тебя приняла. Это хреново.

— Почему?

— Потому что она не принимает случайных людей. Она принимает только тех, кто остается. А ты остаешься. Уже который раз.

Он посмотрел на кошку, потом на нее.

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

Она подняла голову, встретила его взгляд. В ее глазах сверкнула россыпь золота — устало, но упрямо.

— Нет. Иди сюда.

Она потянула его за руку, забралась сверху. Поцеловала — медленно, глубоко, не так, как обычно. Не жадно. Изучающе.

— Сегодня я хочу по-другому, — сказала она, отстраняясь. — Не быстро. Не жестко. Просто медленно.

— Хорошо.

Они переместились в спальню. Он раздел ее медленно — пуговица за пуговицей, хотя на ней был халат, который можно было просто снять. Она улыбнулась, когда он это делал.

— Ты странный, Кейн.

— Ты говорила.

Он целовал ее шею, плечи, грудь. Она откидывалась назад, подставляясь, но не торопила. Позволяла ему вести. Это было необычно — обычно вела она, даже когда он был сверху. Сегодня она отдала контроль. Добровольно.

Он двигался медленно. Не от нежности — от желания растянуть каждую секунду, запомнить каждый ее вздох. Она была где-то далеко — он видел это по ее лицу, по тому, как она прикусила губу, по тому, как ее пальцы вцепились в его плечи, будто боялись отпустить.

Он чувствовал ее дыхание — как оно сбивалось, как тело отвечало ему волнами, идущими откуда-то из глубины, куда он не мог заглянуть.

Она сломалась без звука — просто выгнулась, замерла на несколько секунд, а потом обмякла, будто внутри нее что-то отпустило. Он последовал за ней — не думая, не контролируя, просто падая туда же.

Они лежали, тяжело дыша. Тишина в комнате стала другой — не той, пустой, что была до. Плотной. Наполненной их

дыханием, их запахом, тем, что только что случилось между ними.

Он не отпускал ее талию. Она не убирала руку с его груди. Просто лежали. Дышали. Ждали.

А потом внутри нее снова что-то включилось. Он почувствовал это по тому, как ее пальцы сжались, как ее дыхание изменилось — стало чаще, острее. И в этой тишине, в этой плотной, тягучей темноте, она медленно, не спрашивая, забралась на него сверху.

Двигалась медленно. Глядя ему в глаза.

Он держал ее за талию. Не сжимал — просто касался. Чувствовал, как напрягаются мышцы под его пальцами. Она смотрела. Он смотрел. Никто не отводил взгляд.

— Почему ты смотришь? — спросила она. Ее голос был ровным, но он слышал, что под ним.

— Потому что ты не закрываешь глаза.

— Я хочу видеть.

— Что?

— Тебя. Настоящего. Без очков. Без этой твоей брони.

Он ничего не ответил.

— Ты видишь, — сказал он.

— Да. — Ее голос дрогнул. — И мне страшно.

Она сломалась снова — запрокинула голову, и он видел, как бьется жилка на ее шее. Он сломался следом — не думая, не пытаясь удержать то, что уже не держалось.

Они лежали в темноте. Ее рука — на его груди. Его рука

— на ее спине. Тишина была не тяжелой. Не пустой. Просто тишиной.

— Почему ты не остаешься? — спросила она. Голос был тихим, почти сонным.

— Ты не просила.

— Я прошу.

Он помолчал.

— Хорошо.

Они молчали. Он лежал и смотрел в потолок. Ее голова на его плече, ее волосы пахнут сандалом, ее дыхание ровное и теплое.

«Она попросила остаться. Я остался. Это не логистика».

Он закрыл глаза. Сна не было. Он думал о том, что она сказала: «Знаешь, как это называется? Я просто не хочу произносить это слово».

Он знал это слово. Он тоже не хотел его произносить.

— Рой, — позвала она.

— Да.

— Я не знаю, что мы делаем. Но я не хочу прекращать. Пока.

— Я тоже.

Она повернулась на бок, спиной к нему. Он лежал и смотрел в потолок. Ее дыхание постепенно становилось ровным. Заснула.

Он не спал. Думал о том, что она сказала: «Я хочу видеть тебя настоящего. Без брони. И мне страшно».

Ему тоже было страшно. Но он не мог перестать. Она тоже не могла. И это было единственное, что имело значение.

Утром он проснулся от того, что она уже не лежала рядом. С кухни пахло кофе. Он встал, натянул брюки, вышел.

Она стояла у плиты, в халате, с мокрыми после душа волосами. На столе — две кружки, ваза на подоконнике все еще пустая. Царица сидела на стуле и наблюдала за хозяйкой.

— Кофе готов, — сказала Вилла, не оборачиваясь. — Черный. Как ты любишь.

Он сел за стол, взял кружку. Она села напротив, поджав ноги, обхватила свою кружку ладонями.

— У меня встреча в одиннадцать, — сказала она. — Нужно ехать в офис клиента. Опять объяснять про драконов.

— Я отвезу.

— Не надо. Вызову такси.

— Я отвезу, — повторил он.

Она посмотрела на него. Хотела возразить. Не стала.

— Хорошо.

Они допили кофе молча. Она оделась — строгий костюм, волосы собрала в пучок. Он ждал у двери. Когда она вышла из спальни, он окинул ее взглядом.

— Что? — спросила она.

— Ничего. Идем.

В машине она смотрела в окно. Он вел. Молчали. У офиса, где у нее была встреча, она вышла, наклонилась к открытой двери.

— Вечером?

— Да. Во сколько?

— В восемь. Я приготовлю.

— Хорошо.

Она закрыла дверцу, пошла к входу. Он смотрел, как она идет — прямая спина, быстрый шаг, портфель в руке. Профессионал. Никто не догадался бы, что этой ночью она трижды кончала под ним и кричала его имя.

Он завел двигатель и поехал по своим делам. В голове крутилось: «Я хочу видеть тебя настоящего. Без брони. И мне страшно».

Он понимал. Ему тоже было страшно. Но он уже не мог остановиться.

Глава 16

Лорд Арчибальд Уинтертон был из той породы аристократов, которые родились с серебряной ложкой во рту, потом ее потеряли, потом нашли, но уже с отбитым краем. Он владел поместьем в Беркшире, коллекцией антикварного оружия и репутацией человека, который умеет устраивать приемы, о которых говорят месяцами. К Вилле он обратился по рекомендации леди Эшфорд — та нахваливала «Охота на тень: мифы старой Англии» всем, кто соглашался слушать.

Тема приема: «Охота и миф». Поместье на один вечер превратилось в лабиринт из охотничьих трофеев, гобеленов с единорогами и живых соколов, которых Вилла арендовала у знакомого сокольничего. Гости должны были чувствовать себя участниками древнего ритуала, что-то среднее между королевской охотой и языческим праздником.

Вилла стояла у входа в главный зал, проверяя рассадку по планшету, когда увидела их. Артур Синклер входил первым, в темно-синем костюме, с ленивой улыбкой человека, который точно знает, что здесь главный, даже если формально хозяин, лорд Уинтертон. Рядом шла Элинора, в узком платье цвета шампанского, с голой спиной и бриллиантовой цепочкой, спускающейся по позвоночнику. А за ними — Рой.

Черный смокинг, очки на месте, лицо непроницаемое. Он сканировал пространство, она видела это по движению его

глаз, по тому, как он чуть поворачивал голову, отмечая входы, выходы, людей. На долю секунды их взгляды встретились. Он не улыбнулся, не кивнул. Просто посмотрел — и отвел глаза. Она почувствовала, как внутри все сжалось.

«Черт. Мы в одной комнате. На глазах у всех. И я хочу его так, что это больно».

Она заставила себя вернуться к работе.

Первый час прошел относительно спокойно. Гости пили шампанское, рассматривали соколов, которых вынесли в специальных клетках, обсуждали гобелены. Вилла перемещалась по залу, отдавала тихие указания персоналу, улыбалась клиентам. Профессиональная маска держалась крепко.

Роя она видела краем глаза. Он стоял у бара с водой, разговаривал с каким-то мужчиной, видимо, та самая деловая встреча, ради которой Артур сюда приехал. Его поза была расслабленной, но она знала: он замечает каждое ее движение. Так же, как она замечает каждое его.

Она прошла мимо, направляясь к кухне. Их плечи почти соприкоснулись. Он не повернул головы. Она не замедлила шаг. Но воздух между ними стал горячее.

В середине вечера к Вилле подбежала Флоренс. Лицо белое, голос — скороговорка.

— На кухне масло загорелось. Шеф тушит, но сработал датчик. Через минуту вой начнется.

Вилла даже не вздрогнула. Посмотрела на часы. На гостей. На лорда Уинтертона, который что-то вещал Артуру про ко-

ролевскую охоту.

— Зимний сад?

— Готов.

— Сидр?

— На столах.

Вилла выдохнула. Подошла к лорду Уинтертону, коснулась его локтя.

— Лорд Уинтертон, сюрприз. Дегустация лимитированного сидра. Только для своих.

Он заулыбался, хлопнул в ладоши. Гости, не понимая, что происходит, потянулись за ним, кто с бокалом, кто с улыбкой, кто с любопытством.

Зимний сад встретил их теплом и запахом яблок. Официанты уже разливали напиток. Гости рассредоточились, зацокали бокалами. Никто не смотрел на часы, не оглядывался на особняк.

Вилла осталась в дверях. Через плечо увидела Мика, тот уже бежал к серверной, сжимая в руке планшет. Флоренс стояла у входа в главный зал, перекрывая путь любопытным.

Четыре минуты.

Вилла считала про себя, улыбаясь гостям, кивая, поднося бокал к губам, делая вид, что пьет.

На пятой минуте Мик появился в дверях зимнего сада. Кивнул. Один раз.

Вилла поставила бокал на поднос проходящего официанта.

— Леди и джентльмены, прошу всех к столу.

Гости засмеялись, кто-то пошутил про «скорость подачи». Вернулись в зал. Музыка играла. Свет горел. Никто ничего не заметил. Лорд Уинтертон, довольный, хлопал Виллу по плечу.

Флоренс подошла с планшетом.

— Все чисто.

— Хорошо. Скажи шеф-повару, что я очень расстроена. Он знает, что это значит.

Флоренс кивнула и растворилась в полумраке.

Вилла осталась у колонны. Рой стоял в другом конце зала, смотрел на нее. Она встретила его взгляд. Он чуть заметно кивнул. Она не знала, видел ли он, что происходило. Но почему-то была уверена — да.

В середине вечера Вилла оказалась у окна в дальней части зала. Рядом возникла Элино́р — бесшумно, как кошка.

— Мисс Ашер.

Вилла подняла голову. Элино́р стояла с бокалом шампанского.

— Миссис Синклер.

— Элино́р. Мы уже знакомы, можно без формальностей.

— Вилла.

— Четыре минуты, — сказала Элино́р, глядя на гостей.
— Я засекла.

Вилла не вздрогнула.

— Вы о чем?

— О вашей маленькой паузе. — Элинор повернулась к ней. — Гости ничего не заметили. Лорд Уинтертон, тем более. Но я видела вас. Вы не пили. Вы считали. И вы выдохнули, когда вернулись.

Вилла молчала.

— Хорошая работа. Мне нравится, как вы работаете.

Элинор кивнула, сделала глоток.

— Соколы, это сильно. Лорд Уинтертон в восторге. Чувствует себя почти Генрихом Восьмым.

— Рада, что концепция работает.

— Вы всегда так тщательно подходите к деталям?

— Это моя работа.

— Нет. — Элинор покачала головой. — Вы делаете что-то другое. Вы создаете переживание. Люди выходят отсюда другими.

Вилла посмотрела на нее с интересом.

— Вы правы. Но это все еще работа. Просто я люблю то, что делаю.

— Это редкость. — Элинор сделала паузу. — Как и Рой.

Вилла замерла, но не подала виду.

— Мы знакомы по работе.

— Я помню. — Элинор смотрела на нее слишком внимательно. — Он хороший человек. Станный. Закрытый. Но хороший. Артур ему доверяет. А Артур редко кому доверяет по-настоящему.

— Я это заметила.

Элинор допила шампанское, поставила бокал.

— Я не лезу в чужие дела, Вилла. Но я кое-что вижу. Будьте осторожны. Не с ним, с собой. Такие, как мы, привыкли все контролировать. А когда контроль уходит, можно сломаться.

Она ушла. Вилла осталась у окна.

«Она знает. Или догадывается. Черт».

Через полчаса Вилла вышла в коридор, ведущий к хозяйственным помещениям, проверить лед. Коридор был пустым, пахнувшим старым деревом.

Она не услышала шагов. Просто почувствовала его за секунду до того, как чья-то рука схватила ее за локоть и втянула в подсобку. Дверь закрылась. Щелкнул замок.

Темнота. Запах чистящих средств и, его запах.

— Ты с ума сошел? — прошептала она, но руки уже тянулись к нему.

— Ты прошла мимо меня четыре раза за час, — сказал он. Голос низкий, хриплый. — Пятый я бы не выдержал.

— Я работала.

— Я тоже. Не могу работать. Ты в этом платье, и все на тебя смотрят.

Она усмехнулась в темноте.

— Это ревность, Кейн?

— Это факт. Как и то, что ты в своей стихии. Справилась с огнем как самая настоящая ведьма.

Она замерла.

— Ты все видел?

— Я смотрел на тебя. Не на них.

Она усмехнулась.

— И что, Минотавр? Испугался?

Он взял ее за подбородок, развернул к себе. В темноте она не видела его глаз, но чувствовала — голод.

— Я только начал.

В темноте подсобки она нащупала его лицо. Их губы встретились — жестко, жадно. Он прижал ее к стеллажу.

Где-то за дверью смеялись люди. Это знание подхлестывало. Каждый звук делал то, что между ними, острее.

Она чувствовала его везде. Его пальцы на ее бедрах, его дыхание у ее шеи.

— Презерватив, — выдохнула она.

— В кармане.

Она потеряла контроль первой. А следом — он. Она почувствовала, как его тело напряглось, как он вжался в нее, уткнувшись лицом в ее шею, и замер.

Тишина.

Она прислонилась затылком к холодной стене.

— Черт. Мы ненормальные.

— Да.

Она поправила платье, пригладила волосы.

— Выходи первым. Я через две минуты.

Он кивнул, вышел.

Она осталась в темноте, улыбнулась. Выждала и вышла.

В зале она сразу наткнулась на Элинора. Та стояла у бара.

— Вы в порядке? Вы немного покраснелись.

— Духота. Подсобка. Нет вентиляции.

Элинора медленно кивнула, перевела взгляд на Роя.

— Интересный вечер. Очень насыщенный.

— Да. Насыщенный.

Элинора улыбнулась уголком губ и отошла.

Артур разговаривал с министром, спокойно, лениво, будто обсуждал погоду, а не контракт на инфраструктурный проект.

— Ах, Артур, вот ты где.

Бентли возник рядом с той легкостью, с которой появляются люди, никогда не носившие ничего тяжелее фамильного кольца.

Лорд Себастьян Бентли принадлежал к той разновидности британской аристократии, которую газеты называли «старым Лондоном», а налоговая — хронической головной болью. Наследник графского титула, член совета двух благотворительных фондов, постоянный гость закрытых клубов Сент-Джеймса и человек, который умудрялся одновременно дружить с министрами, банкирами и половиной светских скандалистов страны.

Он выглядел так, будто никогда в жизни никуда не спешил: серебристые виски, безупречно сшитый смокинг, ленивый взгляд человека, привыкшего, что двери открываются раньше, чем он к ним подходит.

Бентли коллекционировал не вещи, людей. Перспективных юристов, молодых политиков, наследников состояний, талантливых финансистов. Он любил сводить их друг с другом и смотреть, что получится. Иногда такие знакомства дедлали карьеры. Иногда, ломали жизни.

— Хочу познакомить тебя с одним человеком. Думаю, вы найдете общий язык.

Это прозвучало достаточно невинно, чтобы насторожить. Артур повернулся.

— Ричард Коул, — сказал Бентли. — Один из самых блестящих юристов, которых я встречал за последние годы. Ричард — это Артур Синклер.

Коул протянул руку.

— Наслышан.

Артур пожал ее.

— Правда? А я вот, боюсь, нет.

Лорд Бентли тихо рассмеялся, не уловив удара. Коул, уловил. Совсем чуть-чуть задержал улыбку перед тем как ответить:

— Тогда мне придется работать усерднее.

— В Лондоне все работают усерднее, — спокойно сказал Артур. — Иначе съедают.

— А вас, насколько я понимаю, пока не съели.

— Пока нет. Но вечер еще молодой.

Бентли отвлекся на кого-то из гостей и, извинившись, отошел, оставив их вдвоем. Несколько секунд они молчали.

Снаружи шел снег. В зале тихо играли скрипки. Коул первым взял бокал с подноса проходящего официанта.

— Вы редко появляетесь на таких мероприятиях, мистер Синклер.

— А вы, наоборот, похоже, появляетесь часто.

— Работа требует.

— Юриспруденция?

— В том числе.

Артур слегка кивнул, будто только сейчас вспомнил, кто перед ним.

— Корпоративное право?

— В основном.

— Скучная область.

— Только если проигрывать.

Уголок губ Артура чуть дрогнул.

— Значит, вам не скучно.

Коул внимательно посмотрел на него.

— А вам?

Артур отпил виски.

— Я давно заметил, Ричард: люди, которые задают слишком много вопросов на первых встречах, обычно либо журналисты, либо хотят что-то продать.

— И кем вы считаете меня?

— Пока не решил.

Пауза. Не неловкая. Очень внимательная. Коул смотрел открыто, почти дружелюбно, но слишком цепко для обычно-

го светского разговора. Он изучал реакцию, темп речи, паузы. Как адвокат перед перекрестным допросом. Артур это видел. И позволял.

— Знаете, что интересно? — сказал Коул. — О вас говорят очень разные вещи.

— Надеюсь, хоть не одновременно.

Коул усмехнулся.

Рой, стоящий у колонны, чуть повернул голову. Услышал.

— Одни считают вас пережитком прошлого. Другие — самым опасным человеком в Лондоне.

— А вы?

Артур посмотрел на него поверх бокала.

— А я не имею привычки составлять мнение о человеке после пяти минут разговора.

В этот раз пауза затянулась чуть дольше. Потом Коул кивнул, будто принимая правила игры.

— Разумно.

— Обычно да.

Мимо прошла женщина в темно-синем платье. Коул машинально проследил взглядом за дорогими часами на ее запястье. Артур заметил.

— Вы оцениваете людей по стоимости вещей или это профессиональное?

— По привычке.

— Полезная привычка?

— Очень.

Артур поставил пустой бокал на поднос официанта.

— Тогда маленький совет, Ричард.

— Мм?

— Самые дорогие люди в этой комнате выглядят так, будто им вообще ничего не нужно доказывать.

Коул улыбнулся.

— Это тоже наблюдение?

— Нет. Просто возраст дает некоторые преимущества.

Он уже собирался уйти, когда Коул вдруг сказал:

— Думаю, мы еще увидимся, мистер Синклер.

Артур поправил манжет.

— В Лондоне все рано или поздно видятся снова. Вопрос только в обстоятельствах.

И ушел. Коул остался стоять с бокалом в руке, провожая его взглядом. Легкая улыбка все еще была на его лице. Но глаза стали значительно внимательнее.

Рой подошел только когда Артур остановился возле окна.

— Ну? — спросил Рой.

— Амбициозный.

— Опасный?

— Пока нет. — Артур взял у официанта новый бокал воды вместо виски. — Но очень хочет им стать.

Рой посмотрел через зал на Коула.

Тот уже снова улыбался людям.

Как человек, который считает, что разговор прошел хорошо.

Артур проследил за его взглядом.

— Самые опасные люди, Рой, — сказал он тихо, — это не те, кто хотят власти. А те, кто уверены, что заслуживают ее.

Вечер закончился. Гости разъехались. Вилла стояла у выхода, провожая последних. Лорд Уинтертон рассыпался в благодарностях. Она улыбалась, кивала.

Перед тем как дверца Ягуара закрылась, Рой посмотрел на нее. Один короткий взгляд. Она едва заметно кивнула.

Машина уехала.

Она осталась на крыльце, вдохнула холодный воздух и подумала: «Мы в полной заднице. И я не хочу, чтобы это заканчивалось».

Это случилось в четверг, в офисе Артура. Рой стоял у окна, просматривая документы по новому маршруту, когда Артур, проходя мимо с чашкой чая, вдруг остановился.

— Рой.

— Да.

— У тебя на пиджаке кошачья шерсть.

Рой опустил взгляд. На левом плече темно-серого пиджака действительно белели несколько тонких волосков. Белых. Длинных. Царица. Он стряхнул их быстрым движением.

— У тебя нет кота, — продолжил Артур тем же ленивым тоном, но Рой слишком хорошо его знал, чтобы не услышать интерес, спрятанный под маской праздного любопытства.

— Нет.

— Значит, ты бываешь где-то, где есть кот. Регулярно. Достаточно регулярно, чтобы его шерсть оказалась на твоём пиджаке.

Рой ничего не ответил. Смотрел в документы.

Артур отпил чай, хмыкнул и пошел к своему столу.

— Интересно, — бросил он через плечо, — что еще завелось у тебя в жизни такого же пушистого и независимого.

Рой не ответил. Но внутри что-то сжалось. Артур знал. Или догадывался. И молчал. Пока.

Телефон Артура завибрировал. Он глянул на экран, хмыкнул.

— Майкл. Опять пропустил занятия. Говорит, скучно.

— В Швейцарии скучно не бывает, — заметил Рой.

— Бывает, если ты Синклер. — Артур убрал телефон. — Уже третий раз за месяц.

Рой молчал — это был не вопрос, не просьба о совете, просто констатация.

— Директор сказал, что если повторится — придется забирать.

— Заберешь? — спросил Рой.

— Нет. Попрошу поговорить с ним. — Артур повернул голову. — Ты с ним хорошо находишь общий язык.

Рой не ответил. Согласие было и так понятно.

— А Элиз, наоборот, выжимает из своих педагогов максимум, — добавил Артур. — В прошлом месяце уговорила директора разрешить ей дебатный клуб. В школе, где дебаты

не были предусмотрены принципиально.

— Элизабет жесткая, — заметил Рой.

— В мать.

— Нет. Жестче. Учитывая, как она в прошлом году весь класс построила... ей недалеко до президента школы.

Артур усмехнулся.

— Только не говори ей этого. Она и так уже непростая.

Артур взял со стола какие-то бумаги, которые принес с собой, и подал Рою.

— Ладно. Давай вернемся к маршруту.

Тот принял, не поднимая глаз. Несколько секунд в кабинете было тихо — только шелест страниц и далекий шум улицы за окном.

Артур откинулся в кресле, взял чашку, но пить не стал — просто держал в руке, глядя на Роя.

Рой поправил очки и углубился в документы.

Артур усмехнулся — уже без насмешки, скорее, по привычке — и отставил чашку в сторону.

Вечером того же дня Рой был у Виллы. Она сидела на диване с ноутбуком, Царица лежала у нее на коленях. Когда Рой вошел, кошка подняла голову, посмотрела на него и снова закрыла глаза, жест высшего одобрения.

— Твоя кошка линяет, — сказал он, садясь рядом.

— Все кошки линяют.

— Ее шерсть была на моем пиджаке. Артур заметил.

Вилла оторвалась от ноутбука, посмотрела на него.

— И что ты сказал?

— Ничего.

— А он?

— Сказал: «Интересно, что еще завелось у тебя в жизни такого же пушистого и независимого».

Вилла фыркнула.

— Он не дурак.

— Знаю.

Они замолчали. Царица мурчала. Вилла снова уткнулась в ноутбук.

— Это проблема? — спросила она, не поднимая глаз.

— Не знаю. Пока нет. Но он запомнил.

— Пусть запоминает. Я не прячусь.

Он посмотрел на нее. На ее острые скулы, на сосредоточенно сдвинутые брови, на то, как она покусывала нижнюю губу, вчитываясь в экран. Она действительно не пряталась. Она просто жила. И он был частью этой жизни — с кошачьей шерстью на пиджаке, с его зарядкой на ее тумбочке, с его вкусом чая, который она покупала, даже когда он не просил.

— Я тоже не прячусь, — сказал он.

Она подняла глаза, встретила его взгляд. Золотые крапинки вспыхнули.

— Хорошо. Тогда иди сюда.

Он подвинулся ближе. Она отложила ноутбук, забралась к нему на колени, поцеловала, медленно, глубоко. Царица, недовольная тем, что ее потревожили, спрыгнула на пол и

ушла на кухню.

Потом они лежали в постели, и ее голова покоилась на его плече. Он смотрел в потолок и думал о том, что Артур сказал «завелось». Слово было точным. Она завелась в его жизни — как кошка, которая приходит и остается, и ты даже не замечаешь, когда это стало нормой.

Они с Роем встречались уже больше месяца, в том странном, недоопределенном режиме, который сами установили и сами нарушали. Он заезжал к ней, она к нему, они спали вместе, иногда завтракали, никогда не говорили о том, что это значит. Вилла знала о его работе. Знала, что он опасен. Не знала почти ничего о его жизни за пределами этой работы.

В тот день она шла по Боро-маркет, суббота, толпа, запах свежей выпечки и пряностей, и увидела его. Рой стоял у прилавка с сыром и разговаривал с женщиной. С Кэт. С той самой «новенькой» из клуба. Они стояли близко, не интимно, но так, как стоят люди, которые давно знают друг друга. Кэт что-то говорила, Рой слушал, кивал. Ничего романтического. Но что-то в том, как они общались, коротко, без лишних слов, с полувзгляда, говорило о близости. О давней. О настоящей.

Вилла подошла.

— Рой.

Он обернулся. Кэт обернулась тоже. Увидела Виллу, и в ее глазах мелькнуло что-то. Не удивление. Скорее, подтвер-

ждение.

— Вилла, — сказал Рой. — Это...

— Мы знакомы, — перебила Вилла. Посмотрела на Кэт.

— Лучный клуб. Три недели назад. Вы учились стрелять.

— Пыталась, — сказала Кэт.

— У вас плохо получалось.

— Я знаю. Я не лучник.

Вилла перевела взгляд с Кэт на Роя, потом обратно. В голове складывались кусочки. Клуб. Станный интерес. Слишком пристальные взгляды. А теперь, она с Роем, на рынке, в субботу утром.

— Ревнивая бывшая? — спросила Вилла прямо. Без злости. Просто вопрос.

Кэт моргнула. Уголок ее губ дрогнул.

— Ревнивая сестра, — поправила она.

Рой поправил очки.

«Сводная», добавил он. Не вслух. Просто подумал.

Вилла смотрела на них обоих еще секунду. Потом кивнула.

— Ладно. Это многое объясняет. — Она повернулась к Рою. — Ты не говорил, что у тебя есть сестра.

— Ты не спрашивала.

— Я не знала, что нужно спрашивать.

Кэт смотрела на них с интересом.

— Вы всегда так общаетесь? — спросила она.

— Почти, — сказал Рой.

— Мне нравится. — Кэт перевела взгляд на Виллу. — Извините за клуб. Я хотела на вас посмотреть. Рой о вас не рассказывал, а я не люблю, когда мне не рассказывают.

— И как? Посмотрели?

— Посмотрела. — Кэт чуть улыбнулась. — Нормально.

— «Нормально»?

— Для него, комплимент. — Она кивнула на Роя. — Он вообще мало кого выносит. А вас, выносит. Это уже достижение.

Рой поправил очки. Ничего не сказал.

Вилла посмотрела на Кэт, потом на Роя. Что-то в этой сцене, сестра, о которой он никогда не упоминал, которая пришла в клуб под видом новенькой, чтобы рассмотреть ее, было очень в его стиле. Он не рассказывал о себе. Но люди из его жизни сами находили ее. И это, пожалуй, говорило больше, чем любые слова.

Это началось незаметно. Вилла заметила первую странность во вторник. Она вышла из офиса после встречи с клиентом и поймала себя на ощущении, что за ней наблюдают. Ничего конкретного, просто холодок между лопаток. Она обернулась. Улица была обычной: прохожие, машины, голуби. Никого подозрительного. Она списала на усталость.

В среду это повторилось. Она выходила из булочной в Блумсбери и снова почувствовала чей-то взгляд. Мужчина в сером пальто стоял у газетного киоска. Обычный, непри-

метный. Она запомнила его лицо.

В четверг она увидела его снова. На этот раз у своего дома. Он стоял на другой стороне улицы, разговаривал по телефону. Она не стала паниковать. Поднялась в квартиру, покормила Царицу, села за стол и начала думать. Клиенты? Конкуренты? Бывшие? Ничего не подходило. Оставался один вариант — мир Роя. Она не стала звонить ему сразу. Сначала хотела убедиться. Но когда в пятницу она заметила ту же машину, темный седан, припаркованный в сотне метров от ее офиса, она набрала его номер.

— За мной следят. Три дня. Мужчина в сером пальто, темный седан. Я не знаю, кто это. Но я хочу знать.

Пауза.

— Где ты сейчас?

— Дома.

— Не выходи. Я буду через двадцать минут.

Он положил трубку.

Рой приехал через семнадцать минут. Вошел, окинул взглядом квартиру, проверил окна. Движения быстрые, точные. Лицо каменное.

— Рассказывай.

Она рассказала. Мужчина в сером пальто. Седан. Три дня. Он слушал молча. Когда она закончила, он достал телефон, набрал кого-то, отошел к окну. Она слышала обрывки фраз: «серое пальто, темный седан Блумсбери проверь тихо».

Он убрал телефон, повернулся к ней.

— Я разберусь.

— Кто это?

— Пока не знаю. Узнаю.

— Это связано с тобой?

Он посмотрел на нее. В его глазах за стеклами очков она увидела что-то, чего раньше не замечала. Холодную, сжатую в кулак ярость.

— Возможно. Я выясню.

— Рой. Если это связано с твоей работой, я имею право знать.

— Ты узнаешь. Когда я буду уверен.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Она смотрела на него. Он смотрел на нее. Воздух между ними стал тяжелым.

— Ты не можешь решать за меня.

— Я не решаю за тебя. Я решаю проблему. Это моя работа.

— Я не твоя работа.

Он ничего не ответил. Просто смотрел. И в этом взгляде было что-то, от чего у нее перехватило дыхание.

— Я позвоню, когда будут новости, — сказал он и ушел.

Она осталась стоять посреди квартиры, глядя на закрытую дверь. Царица подошла, потерлась о ее ноги. Вилла наклонилась, подхватила кошку на руки, прижала к груди.

— Он все решает сам, — прошептала она. — Как будто я

не могу решать за себя. Как будто я хрупкая.

Царица мурчала. Вилла закрыла глаза.

Хейл прислал фотографию спустя 45 минут.

Мужчина в сером пальто. Угол Монтегю-стрит и Бедфорд-авеню. Стоит. Смотрит на дверь книжной лавки.

Рой смотрел на фотографию тридцать секунд. Потом позвонил.

— Сколько?

— Четыре, — сказал Хейл. — Проверил архив с камер, четыре дня.

— Кто?

— Устанавливаю. Но уже есть первое. — Пауза. — Бывший сотрудник охранной фирмы «Харрис и партнеры». Уволен пять месяцев назад.

«Харрис и партнеры». Рой знал это название. Небольшая охранная компания которую Артур вытеснил из одной логистической схемы полгода назад. Не конкурент — мелочь. Он не думал о них с момента сделки.

— Заказчик?

— Пока нет имени. Но оплата прошла через посредника, компания в Дублине.

Рой закрыл глаза на секунду.

Дублин. Тэдди. Или Коул через Тэдди. Или Коул напрямую, через ирландцев как прокладку.

— Как они нашли ее?

— Через тебя, — сказал Хейл ровно. — Твои маршруты. Ты ездил к ней регулярно, каждый вечер почти. Они отслеживали твои перемещения, нашли паттерн, нашли адрес.

Рой молчал.

Это была его ошибка. Профессиональная, конкретная, непростительная для человека его уровня. Он ездил к ней каждый вечер и не менял маршруты потому что перестал думать о себе как о цели. Слишком долго был тем кто следит, и забыл что за ним тоже могут следить.

— Они знают кто она?

— Нет. Пока просто адрес. Место куда ты едешь и откуда не уезжаешь до утра. — Пауза. Хейл взвешивал слова. — Рой. Если они поймут кто она для тебя...

— Я знаю. Уберите человека. Тихо. Найдите заказчика и заморозьте. Кэт знает как.

Хейл помолчал еще секунду.

— Хорошо. Я займусь. Два дня.

— Один.

— Один, — согласился Хейл.

Рой убрал телефон. Стоял у окна своего дома в Хайгет и смотрел на Темзу. Она текла как всегда, широкая, темная, равнодушная.

Он думал о сером пальто у ее двери. О том что это его вина, его маршруты, его невнимательность, его слепое пятно.

Позвонил Кэт.

— Видела?

— Читаю, — сказала она. Голос сонный, был час ночи. — «Харрис». Жалкие люди.

— Нужно, чтобы это закончилось. Быстро. Без следов.

— Хорошо.

— И без ее участия. Она ничего не должна знать о деталях.

Пауза. Небольшая, но Рой ее заметил.

— «Ее», — повторила Кэт. Не вопрос.

— Кэт.

— Рой, я ничего не говорю.

— Отлично.

— Я просто отмечаю употребление местоимения. Академически.

— Кэт.

— Завтра утром.

Она отключилась. К утру у заказчика начались проблемы с партнером по другому делу, анонимный пакет документов, который превращал их отношения в уголовную историю. Хейл к обеду уже знал маршруты серого пальто, квартира в Стратфорде, привычки, расписание. К вечеру человек в сером пальто сидел в поезде до Ноттингема с билетом в один конец и твердым пониманием: Лондон — неподходящий город.

Тоби лично проследил посадку. Потом прислал сообщение: «Уехал. Взял чемодан. Значит, насовсем». Через минуту — второе: «У тебя на подоконнике умирает кактус. Это

Кэт оставила?» Рой посмотрел на подоконник. Маленький кактус в терракотовом горшке, о котором он забыл в тот же день, как тот появился. «Наверное», — напечатал он. «Надо поливать раз в две недели. Кактусы не любят лишней воды. Спокойной ночи, Рой».

Рой убрал телефон. Встал к окну. За стеклом горели огни Лондона. Проблема была решена, тихо, методично, без крови и без шума. Тэдди Морган получил сигнал через три посредника: Синклер — не рычаг, Синклер — стена. Это стоило ему одного уволенного финансиста и двух сорванных контрактов. Умеренная цена за урок. Рой налил воды в стакан, вылил в кактус. Подумал. Это, пожалуй, было больше, чем раз в две недели. Но кактус выглядел как существо, которое давно никто не спрашивал о его предпочтениях. Он не позвонил Вилле в тот вечер. Не объяснил, не рассказал. Это была ошибка. Он это знал. И все равно сделал так, просто решил проблему, потому что так умел. Потому что по-другому не получалось. Он не хотел, чтобы она имела к этому хоть какое-то отношение.

Позвонил ей через два дня.

— Все решено. Слежки больше нет.

Пауза.

— Кто это был?

— Неважно. Важно, что это больше не повторится.

— Рой. Кто это был.

— Люди, связанные с бизнесом Артура. Они искали ры-

чаг. Нашли тебя. Я убрал рычаг.

Она молчала. Он слышал ее дыхание в трубке.

— Ты решил все сам. Не спросив меня.

— Да.

— Это касалось меня. Моей безопасности. Моей жизни.

А ты решил, что я не имею права знать.

— Я решил, что тебе не нужно знать детали. Ты в безопасности. Это главное.

— Ты не понимаешь.

— Чего?

— Что я не хочу, чтобы ты решал за меня. Я не твоя собственность, Рой. Я не твой проект. Я не проблема, которую нужно решить.

— Я знаю.

— Тогда почему ты так поступил?

Он замолчал. Потому что не знал, как объяснить. Потому что когда он узнал, что кто-то следит за ней, у него внутри что-то сломалось. Потому что он не мог думать ни о чем, кроме того, чтобы она была в безопасности.

— Потому что я не мог иначе.

Она молчала. Долго.

— Я не знаю, что с этим делать. Я злюсь на тебя. И я понимаю, почему ты так поступил. Но от этого не легче.

— Мне тоже.

— Я не готова сейчас говорить. Мне нужно подумать.

— Хорошо.

— Я позвоню. Когда буду готова.

Она положила трубку. Он остался сидеть в тишине, глядя на телефон. Он решил проблему. Но создал другую.

Глава 17

Вилла стояла у окна своей квартиры, скрестив руки на груди так крепко, что ногти впивались в кожу. За стеклом Лондон растворялся в дожде, сером, холодном, равнодушном. А внутри у нее все еще кипело.

«Он решил за меня».

Она закрыла глаза.

И почти сразу всплыл голос матери.

Мягкий. Усталый. Вечно оправдывающий.

— Он вернется, солнышко. Просто у мужчин бывает тяжелый период.

Вилле было одиннадцать. В квартире пахло сигаретами и дешевым кофе. Холодильник снова был пустой, а мама снова улыбалась так, будто если улыбаться достаточно долго, жизнь перестанет разваливаться.

Марк исчезал неделями.

Возвращался с подарками, обещаниями и чужим парфюмом на воротнике.

Мать прощала все.

Потому что любила.

И потому что без него будто не понимала, кто она вообще такая.

А потом он начал смотреть на Виллу слишком долго.

Не прикасался.

Ничего не говорил.

Однажды вечером Марк зашел в комнату Виллы, когда матери не было дома. Сел на край кровати. Сказал, что она «уже совсем взрослая». Ничего не сделал, не успел. Мать вернулась раньше. Но этот взгляд Вилла запомнила навсегда.

Через месяц мама умерла. Аневризма. Одно утро, и мир просто кончился.

После похорон Виллу отправили в Бристоль. К двоюродной тетке Маргарет.

Тетка Мег пахла лавандой, церковным мылом и крахмалом. Всегда идеально прямая спина, застегнутый воротник, поджатые губы. Она ни разу не сказала Вилле, что рада ее видеть.

Только:

— В этом доме будут правила.

Правила были для всего.

Как сидеть. Как говорить. Во сколько возвращаться. Какие книги читать. Какие юбки приличны. Сколько времени можно смотреть в зеркало.

— Твоя мать была слабой женщиной, — говорила Мег спокойно, будто сообщала прогноз погоды. — Я не позволю тебе повторить ее ошибки.

Вилла очень быстро поняла: любовь здесь тоже условная. Просто другого сорта.

У матери:

«Будь удобной, и тебя не бросят».

У Мег:

«Будь безупречной, и тебя будут терпеть».

Никаких истерик, слез и проблем.

И Вилла научилась, молчать, быть лучшей, прятать страх так глубоко, что со временем почти перестала его различать. А еще научилась строить миры, в которых все подчинялось ее правилам. Древние языки. Мертвые цивилизации. Ритуалы.

В древнем мире все было проще: если существовал порядок, хаос можно было удерживать. Там никто не решал за нее.

Она открыла глаза. Лондонский дождь все так же стекал по стеклу.

И где-то глубоко внутри поднималось старое, почти детское бешенство. Потому что Рой сейчас сделал именно то, что она ненавидела больше всего.

Решил, что знает, как для нее лучше.

«Я не моя мать», — подумала Вилла.

И почти сразу следом:

«Но я больше не хочу жить так, будто должна воевать со всеми одна».

Дождь шел с самого утра — мелкий, серый, настоящий лондонский дождь, который не льется, а будто висит в воздухе. Артур сидел в закрытом клубе на Сент-Джеймс, пил чай и листал финансовый отчет, когда к его столику подошел

управляющий.

— Мистер Синклер. Прошу прощения. Вас спрашивают.

— Кто?

— Мистер Коул.

Артур поднял взгляд поверх очков. Интересно.

— Пусть подойдет.

Коул появился через минуту, без зонта, в темном пальто, с тем видом спокойной собранности, который Артур уже успел запомнить.

— Надеюсь, не помешал.

— Если бы помешали, вас бы сюда не пустили.

Коул усмехнулся и сел напротив. Несколько секунд молчали. Не потому что не о чем говорить. Потому что оба привыкли сначала смотреть, а потом разговаривать.

— Вы что-то хотели, Ричард?

— Вообще-то, предупредить.

Артур чуть наклонил голову. Коул снял перчатки аккуратным, почти хирургическим движением.

— Один из ваших контейнеров в Тилбери сегодня утром попал в список на внеплановую проверку.

Артур не изменился в лице.

— И?

— И проверка была инициирована не таможей.

Теперь Артур смотрел на него внимательнее.

— Продолжайте.

— Один молодой заместитель министра решил, что смо-

жет красиво отчитаться о борьбе с контрабандой. Очень амбициозный человек. Очень глупый человек. Но с неприятным рвением.

— И откуда вы это знаете?

— Я вчера ужинал с его женой.

Артур тихо хмыкнул.

— Надеюсь, исключительно в юридическом смысле.

— Разумеется.

— Конечно.

Коул чуть улыбнулся.

— Контейнер проверят уже завтра, как-только получать все разрешения. Если внутри есть что-то, чего там быть не должно, у вас будут проблемы.

— А если там ничего нет?

— Тогда у вас просто будет испорчен день.

Артур отложил папку.

— Почему вы мне помогаете?

Коул пожал плечами.

— Мне любопытно.

— Это плохая причина.

— Зато честная.

Пауза. Артур смотрел на него так, будто мысленно переставлял фигуры на шахматной доске.

— Что вы хотите взамен?

— Ничего.

— Все хотят что-то взамен.

— Хорошо. Тогда, ужин. Когда-нибудь. Без попыток оскорбить мою профессию.

— Это невозможно. Я слишком долго общался с адвокатами.

Коул рассмеялся. Настояще, без фальши. И именно это Артуру не понравилось больше всего. Потому что на секунду Ричард Коул перестал быть функцией, схемой, потенциальной угрозой. Он стал человеком, с которым приятно разговаривать. Это опасно.

— Контейнер чист? — спросил Коул.

— Конечно.

— Тогда почему вы выглядите так, будто мысленно уже кого-то убиваете?

— Потому что я ненавижу, когда кто-то без спроса заглядывает в мои дела.

— Даже государство?

— Особенно государство.

Коул медленно кивнул. Потом достал из внутреннего кармана тонкую папку и положил на стол.

— Здесь имя чиновника, который инициировал проверку. И имя журналиста, которому он уже успел проговориться.

Артур не притронулся к папке.

— Вы очень подготовлены для случайного разговора.

— Я не люблю случайности.

— И снова у нас что-то общее.

Официант поставил перед Коулом кофе. Тот поблагода-

рил его по имени. Артур заметил. Коул заметил, что Артур заметил.

— Люди полезнее, когда чувствуют себя замеченными, — спокойно сказал Коул.

— Нет. Люди опаснее, когда чувствуют себя недооцененными.

На этот раз молчание было почти дружелюбным. Почти. Коул отпил кофе.

— Знаете, Артур. Большинство людей при первой встрече пытаются мне понравиться.

— И как? Получается?

— Обычно да.

— Сочувствую.

Уголок губ Коула дрогнул.

— А вы вообще умеете быть обаятельным?

— Иногда. Но это дорого стоит.

— Тогда, возможно, однажды я смогу себе это позволить.

Артур впервые за разговор улыбнулся по-настоящему. Очень слабо. Но достаточно, чтобы Коул это увидел. И именно в этот момент Коул совершил свою первую настоящую ошибку. Он решил, что этот человек начинает его уважать. На самом деле Артур просто начал считать его достойным противником.

Спустя три дня она все еще злилась на него. Приехала в лучший клуб в воскресенье, как обычно, два часа тишины,

только мишень и лук. Кэт сидела на скамейке для зрителей, с термосом зеленого чая, и смотрела, как Вилла стреляет.

— Ты снова здесь, — сказала Вилла, опуская лук.

— Я не слежу, если ты об этом. Просто иногда прихожу. Здесь тихо.

Вилла посмотрела на нее. Потом села на скамейку рядом.

— Он все сделал сам. Со слезкой. Решил проблему, не спросив меня.

— Он такой, — сказала Кэт. — Я ему говорю об этом годами. Иногда он даже слушает.

— И как успехи?

— Никак. Но ты его меняешь. Медленно, но меняешь. Раньше он вообще никому не давал шанса что-то менять.

Вилла хмыкнула.

— Каким он был в детстве? — спросила она. — Ну, когда вы жили вместе. Ты же знала его подростком.

Кэт помолчала. Потом отпила чай.

— Злым, — сказала она. — Не на меня. На весь мир. Его мать вышла за моего отца, когда мне было шесть, ему — одиннадцать. Это был плохой брак. Мой отец был жестоким человеком. Поднимал руку на его мать. И на нас с Роем. Рой терпел, пока не стал достаточно сильным, чтобы дать понять: еще раз тронешь — пожалеешь. Тогда отец ушел. Со скандалом. И забрал меня с собой.

— Просто забрал?

— Я была несовершеннолетней. Он имел право. Рой пы-

тался что-то сделать, но ему было семнадцать, у него не было денег, не было связей. А его мама за годы с моим отцом стала болезненной, слабой и вскоре умерла. Мы потеряли друг друга на несколько лет.

— А потом?

На лице Кэт мелькнула тень, быстрая, почти незаметная.

— Потом я попала в неприятности. В очень плохие неприятности. Он нашел меня и вытащил. Из такого, из чего обычно не вытаскивают.

Вилла не спросила, что именно. Она видела шрам на запястье Кэт каждый раз, когда та поправляла рукав. Она понимала: «неприятности», это не то слово.

— Поэтому ты с ним, — сказала Вилла.

— Да. — Кэт посмотрела на нее. — Ты первая, с кем он позволил себе быть не просто функцией. Я видела его с женщинами до тебя. Это было не всерьез. А ты, всерьез. Я поняла это еще здесь, в клубе. Он никогда не был таким рассеянным, как после встречи с тобой.

— Рассеянным?

— Хейл говорит, он дважды переспросил одно и то же на встрече. Рой Кейн. Дважды. Это как если бы Земля остановилась.

Вилла фыркнула.

— Я не специально.

— Я знаю. — Кэт встала. — Но ты его меняешь. Это хорошо. Продолжай.

Она ушла. Вилла осталась на скамейке. Смотрела на мишень. Думала о том, что сказала Кэт. О том, каким он был, злым, одиноким, никому не дававшим шанса. О том, что она первая, с кем он позволил себе быть не просто функцией. Это что-то значило. Но злость никуда не делась. Он все решил сам. Не спросил. Она не была готова это отпустить. Пока.

Контейнер действительно остановили. В Тилбери. В 14:17. Рой узнал об этом через три минуты после начала проверки, Кэт переслала сообщение без комментариев, только время, номер контейнера и короткое: «Уже внутри». К тому моменту контейнер был пуст. Не официально. Официально там находились детали промышленного оборудования для бельгийской компании. Но еще ночью Хейл снял настоящий груз и заменил его. По приказу Артура, без объяснений, без обсуждений. Рой стоял у окна кабинета и смотрел на дождь.

— Он предупредил заранее, — сказал он.

Кэт сидела за столом с ноутбуком.

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

— Врешь.

Кэт подняла глаза.

— Не знаю наверняка.

Рой повернулся.

— Тогда предположения.

Она помолчала секунду.

— Либо он хочет показать Артуру свою полезность. Либо проверяет скорость нашей реакции.

— Либо и то и другое.

— Да.

В кабинет вошел Хейл. Мокрый, раздраженный и с привычной зубочисткой.

— Таможня нервничает, — сказал он. — У них был ордер, красивые бумажки и ощущение собственной важности. Ничего не нашли, теперь делают вид, что так и планировалось.

Рой кивнул.

— Кто инициировал?

Кэт развернула ноутбук. На экране, фотография молодого чиновника.

— Замминистра транспорта. Двадцать девять лет. Любит интервью, реформы и журналисток.

— Кто дал ему информацию?

— Вот это интересно.

Кэт вывела второе фото. Мужчина лет пятидесяти. Серый костюм. Неприметное лицо. Рой узнал его сразу.

— Нортон.

Хейл тихо выругался. Нортон работал на одной из промежуточных логистических компаний Артура уже шесть лет. Не близкий круг. Но достаточно близко, чтобы видеть маршруты.

— Он не мог знать про этот контейнер, — сказал Хейл.

— Мог, — спокойно ответила Кэт. — Если кто-то из диспетчерской сливал ему обновления.

Рой смотрел на экран.

— Он жадный или напуганный?

— Пока неясно.

— Проверяли счета?

— Уже.

— И?

Кэт чуть повернула ноутбук.

— Последние два месяца, странные переводы через офшоры. Небольшие суммы. Очень аккуратно. Так платят не за предательство. Так платят за информацию, ценность которой человек сам еще не понимает.

Рой молчал. Потом сказал:

— Артур знает?

— Уже.

Как по команде открылась дверь. Артур вошел спокойно, без спешки, снимая перчатки.

— Где Нортон?

— Едет, — ответил Хейл. — Думает, что его вызвали по поводу аудита.

— Хорошо.

Артур подошел к окну рядом с Роем.

— Контейнер?

— Чисто.

— Разумеется.

Пауза. Рой посмотрел на него.

— Ты поверил Коулу?

— Нет.

— Тогда зачем снял груз?

Артур чуть улыбнулся.

— Потому что я не люблю сюрпризы.

Он сел в кресло Кэт, даже не спрашивая разрешения.

— Самое интересное здесь не проверка. Проверка, шум.

Мне интереснее другое.

— Что именно? — спросил Рой.

— Коул узнал о ней раньше нас.

Тишина. Хейл перестал жевать зубочистку.

— Думаешь, он уже внутри?

— Нет. — Артур спокойно закурил. — Но он ищет дверь.

Кэт закрыла ноутбук.

— И почти нашел.

Артур посмотрел на нее.

— Да.

Внизу хлопнула дверь. Хейл взглянул на часы.

— Нортон.

Артур кивнул.

— Приведите.

Через минуту Нортон ввели в кабинет. Он еще не понимал. Это было видно сразу. Люди, которые знают, что их раскрыли, входят иначе. Быстрее дышат. Избегают смотреть

по сторонам. Готовят оправдания заранее. Нортон выглядел просто растерянным.

— Мистер Синклер, — начал он. — Мне сказали

— Садитесь.

Он сел. Артур смотрел на него спокойно. Почти устало.

— Сегодня утром кто-то инициировал проверку одного из моих контейнеров.

Нортон сглотнул.

— Я слышал.

— Правда?

— Да. Люди говорят.

— Люди вообще много говорят. — Артур стряхнул пепел.

— А вы?

— Простите?

— Вы много говорите, Нортон?

Тот нервно улыбнулся.

— Я не совсем понимаю

Артур достал папку. Тонкую. Положил перед ним.

— Тогда помогу.

Нортон открыл ее. И побледнел. Там были переводы. Счета. Время звонков. Фотография его встречи с посредником в Саутуарке.

— Я могу объяснить

— Не можете, — спокойно сказал Артур.

Нортон поднял взгляд. В глазах уже был страх. Настоящий.

— Я не продавал маршруты, клянусь. Только номера контейнеров иногда. Просто номера. Мне сказали, это для страховых проверок, я

— И вы поверили?

— Мне нужны были деньги.

Артур смотрел на него несколько секунд. Потом вдруг спросил:

— Сколько?

Нортон растерялся.

— Что?

— Сколько стоила ваша верность?

Тот молчал.

— Восемнадцать тысяч фунтов, — сказала Кэт, не поднимая глаз от ноутбука.

Артур тихо выдохнул через нос. Не злость. Разочарование.

— Шесть лет работы, — сказал он. — И восемнадцать тысяч.

Нортон начал говорить быстро, сбивчиво:

— У меня сын проблемы с кредитами я не думал, что это

— Вот это, — мягко перебил Артур, — ваша главная ошибка. Люди вроде вас никогда не думают до конца.

Тишина. Рой стоял у окна и молчал. Он уже знал, что сейчас будет. Артур затушил сигару.

— Вы исчезнете из Лондона сегодня вечером, Нортон.

Тот замер.

— Что?..

— Вам оплатят дом в Испании на полгода. Вашей жене переведут деньги. Ваш сын закрое кредиты. — Артур смотрел на него спокойно. — И вы никогда больше не приблизитесь ни к одному моему человеку. Ни случайно, ни намеренно.

Нортон тяжело дышал.

— Вы отпускаете меня?

— Нет. — Артур встал. — Я убираю вас с доски.

Он подошел ближе.

— И передайте тому, кто вас купил: если он хочет играть со мной — пусть хотя бы перестанет покупать людей по скидке. Это оскорбительно.

Вилла не звонила пять дней. Рой не писал. Это было их обычное молчание после ссор, оба упрямые, оба не умеющие просить прощения, оба уверенные в своей правоте. На шестой день он увидел ее. Случайно. Он ехал по Блумсбери после встречи и заметил ее у входа в ресторан. Она стояла с каким-то мужчиной, высоким, хорошо одетым, с породистым лицом и ленивой улыбкой. Мужчина что-то говорил, наклонившись к ней слишком близко, и она смеялась. Не так, как смеялась с ним, низко, хрипло, запрокидывая голову. По-другому. Вежливо. Светски.

Рой почувствовал, как внутри что-то сжалось. Он не сразу понял, что это. А когда понял, ему захотелось выйти из машины, подойти и убрать этого человека из ее личного про-

странства. Не грубо. Просто убрать. Он не вышел. Проехал мимо. Но вечером, когда она наконец написала: «Завтра. У меня. Семь», он ответил: «Буду» и не спал всю ночь.

Он приехал ровно в семь. Она открыла дверь, халат, волосы распущены, лицо уставшее. Впустила молча. Он вошел, закрыл дверь. Царица сидела на подоконнике и смотрела на них с выражением «ну, началось». На столе в гостиной стояла ваза с белыми пионами.

— Кто был тот мужчина? — спросил он.

Она замерла у кухонного стола, повернулась.

— Какой мужчина?

— Вчера. У ресторана. Высокий, хорошо одетый. Ты с ним смеялась.

Она нахмурилась, потом ее лицо прояснилось.

— А, это. Доминик Блэквуд. Потенциальный клиент. Приглашал на ужин обсудить проект.

— И ты согласилась?

Она посмотрела на него долго, изучающе.

— Да, это часть моей работы. Что не так?

— Я спросил.

— Ты спросил так, будто имеешь право спрашивать.

Он промолчал. Она скрестила руки на груди.

— В любом случае, тебя это не касается, Рой. Мы не в отношениях. Помнишь? Ты сам согласился на правила.

— Я согласился. Но правила не работают.

— Это не моя проблема.

— Это наша проблема.

Она смотрела на него. Он смотрел на нее. Воздух между ними накалялся. Его взгляд упал на пионы.

— Откуда они? — спросил он.

— От Блэквуда. В знак благодарности за встречу. Прислал заранее, еще до ужина.

— Он знает, какие цветы ты любишь.

— Видимо, угадал.

— Или узнал.

Она вспыхнула.

— Что ты хочешь этим сказать? Что я рассказала ему о себе? Что я обсуждала с ним свои предпочтения? Это была деловой ужин, Рой. Де-ло-вой. Ты вообще знаешь, что это такое, говорить с кем-то о работе, а не допрашивать?

— Я не допрашиваю. Я спросил.

— Ты спросил как ревнивый муж. Но ты мне не муж, Рой. Ты мне никто.

Слова ударили его. Он не показал виду, но она увидела, как дрогнули его пальцы. Он сжал их в кулак.

— Я не никто. Я человек, который не спит ночами, думает о тебе. Я человек, который приезжает сюда каждый раз, когда ты зовешь, и уходит, когда ты говоришь «уйди». Я не никто.

— Тогда кто ты? Назови.

Он молчал. Слова застревали в горле. Он не умел. Слишком много лет он давил в себе все, что не касалось работы,

контроля, эффективности. А это было больше, чем работа. Больше, чем контроль. Это пугало его.

— Не можешь, — сказала она, и в ее голосе была горечь.
— Ты не можешь. Я так и знала.

Она отвернулась, отошла к окну, встала спиной к нему. Царица спрыгнула с подоконника и ушла в спальню. Вилла смотрела на темную улицу за стеклом и чувствовала, как внутри что-то закипает. Это затянулось. Все это — встречи без обязательств, правила, которые они сами нарушали, негласные договоренности, которые ничего не решали. Они не были вместе, но не могли быть порознь. Они мучили друг друга, не понимая, зачем. И это слишком затянулось. Пора было заканчивать — так или иначе. Она глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

— Я больше не хочу тебя, Рой. Хватит. На этом все.

Тишина. Густая, звенящая. Он смотрел на ее спину напряженную, прямую, и чувствовал, как внутри что-то рушится. Он медленно подошел к ней. Она не обернулась. Он встал вплотную, чувствуя жар ее тела. Она не двигалась. Он развернул ее к себе, она не сопротивлялась, но смотрела в сторону, избегая его взгляда. Он взял ее лицо в ладони, заставил посмотреть на себя. Она попыталась вырваться, он держал крепко. Ее дыхание стало рваным. Он поцеловал ее. Глубоко, жестко, вкладывая в этот поцелуй все, что не мог сказать словами. Она застонала ему в губы, низко, утробно, и он почувствовал, как ее тело отвечает, как она прижимает-

ся к нему, как ее пальцы впиваются в его плечи. И в ту же секунду он отстранился. Резко. Отошел на шаг. Она стояла, тяжело дыша, глядя на него расширенными глазами.

— Себе хоть не ври, — сказал он. Голос низкий, твердый. Развернулся и ушел.

Она осталась стоять посреди кухни, глядя на закрытую дверь. Губы горели. Тело дрожало. Она ненавидела его. Ненавидела за то, что он был прав. За то, что она действительно врала себе. За то, что хотела его так, что это разрывало изнутри. Она села на пол, обхватила колени руками и закрыла глаза. Пионы стояли на столе — белые, нежные, ни в чем не виноватые. Она смотрела на них и думала: «Откуда он узнал?»

Рой позвонил Кэт в восемь утра.

— Доминик Блэквуд. Найди все.

— Доброе утро, Рой.

— Доброе.

— Ты в порядке?

— Работаю.

Кэт помолчала секунду, ровно ту, которая означала: «я слышу, что ты не в порядке, но раз ты говоришь работаем — работаем».

— К обеду будет, — сказала она.

К обеду было.

Доминик Блэквуд. Сорок один год. Наследник поместья

в Дорсете. Отец — старые деньги, частично легальные. Сам Доминик — деньги новые и полностью нелегальные: два уголовных дела, оба закрыты за недостаточностью доказательств. Оба закрыты одним и тем же юристом.

Рой остановился.

Юрист — партнер в «Коул и Беннет».

Он перечитал. Потом позвонил Хейлу.

— Юрист Блэквуда.

— Вижу, — сказал Хейл. Он тоже читал. — Коул.

— Да.

Пауза.

— Это не случайность, — сказал Хейл.

— Нет. — Рой смотрел в окно. — Блэквуд появился в ее жизни через три недели после того как Тэдди Морган начал проверять систему. Коул связан с Торнтоном. Торнтон связан с Виллисом. А теперь Блэквуд, через того же юриста, появляется рядом с Виллой.

— Думаешь, это целенаправленно?

— Думаю, что Коул ищет рычаги. — Рой закрыл файл.

— Он уже пробовал через инфраструктуру. Теперь пробует через личное. Блэквуд контактировал с кем-то из наших?

— Проверяю, — сказал Хейл. Пауза — три минуты, пока Рой ждал. — Нет прямых контактов. Но он был на двух мероприятиях, где были наши люди. Эшфорд. Уинтертон.

— Он знает, кто такая Вилла Ашер.

— Знает, — подтвердил Хейл. — Он к ней обратился не

случайно. Рекомендация — через цепочку, которую сложно отследить. Но Кэт отследила.

— И?

— Рекомендация идет через человека, который знает Торнтона.

Рой закрыл глаза на секунду.

— Они связаны.

— Косвенно. Но — да.

— Он пытался использовать ее как канал к нам.

— Вероятно. Или хотел понять, насколько она близко к тебе. — Хейл переставил зубочистку. — Она отказалась от него.

— Знаю.

— Это его остановило. Но ненадолго. Блэквуд знает на кого работает?

Рой подумал.

— Нет. Блэквуд думает что ухаживает за красивой женщиной. Он инструмент которому не сказали зачем он нужен.

— Пауза. — Это делает его опаснее — он не осторожничает.

— Что делать?

— Сделай так, чтобы у него появились другие интересы. Без шума. Без следов.

— Уже думаю.

— Не торопись. Пусть он исчезнет сам.

— Понял.

Рой убрал телефон. Посмотрел в окно. За окном был Лон-

дон — серый, деловитый, полный людей, которые думали, что их ходы никто не видит. Он не стал писать Вилле. Не потому что не хотел. Потому что она сказала «хватит». Потому что он ушел, хлопнув дверью. Потому что она врала себе, а он не мог ей врать. Но Блэквуд никуда не делся. И Рой, даже в ссоре, даже на расстоянии, продолжал делать то, что умел, защищать ее. Даже когда она об этом не знала. Даже когда она его об этом не просила. Это было его работой. Ее работа была другой.

Глава 18

Первые дни были самыми трудными. Вилла просыпалась и первым делом тянулась к телефону — проверить, не написал ли он. Он не писал. Она бросала телефон на кровать и шла в душ, ругая себя за эту слабость. Она сама сказала «хватит». Сама поставила точку. Какого черта она ждала, что он будет ее разубеждать? Он не будет. Он не из тех, кто уговаривает. Он из тех, кто принимает решение и живет с ним. Она это знала. Она на это и рассчитывала, когда говорила те слова. Вот только легче не становилось.

На пятый день она поймала себя на том, что стоит у полки в супермаркете и держит в руках его любимый чай. Поставила обратно. Взяла свой. На кассе развернулась, вернулась, взяла его чай и бросила в корзину. Дома поставила пачку в шкаф — туда, где она всегда стояла, когда он приходил. Открывала шкаф, смотрела на нее, закрывала.

Царица ходила за ней по пятам и мяукала чаще обычного. Вилла знала, что кошка чувствует ее состояние, но ничего не могла с собой поделать. Она работала — механически, без огня. Клиенты подписывали контракты, проекты двигались, но она не чувствовала ни удовлетворения, ни радости. Просто делала свою работу.

На десятый день она удалила его номер.

Через двадцать минут восстановила из облака.

После этого швырнула телефон через всю спальню.

Экран выдержал.

Она — не очень.

Вечером Вилла поймала себя на том, что мысленно спорит с ним. Полчаса доказывала Рою Кейну, что он самодовольный контролирующийся ублюдок.

Проблема была в том, что Роя в комнате не было.

Только она.

И это бесило еще сильнее.

Иногда ей казалось, что разрыв должен был принести облегчение.

Разве не этого она добивалась?

Свободы.

Воздуха.

Права принимать решения без чужого вмешательства.

Так почему же теперь квартира казалась больше, тише и пустее, чем раньше?

Ответ ей не нравился.

Поэтому она старалась о нем не думать.

Прошло полторы недели после ссоры. Вилла пыталась работать, пыталась не думать, пыталась убедить себя, что ей все равно. Не получалось. Рой не писал. Она не писала. Тишина давила.

Хейл подготовил почву, компрометирующие документы по поместью Блэкуда легли на стол его адвокатам, и те на-

стоятельно рекомендовали Доминику затаиться. Но Блэквуд, не подозревавший об истинной причине, списал это на совпадение и все равно позвонил Вилле, уже из Дорсета, уже после того, как якобы уладил дела.

У него было конкретное предложение по мероприятию, благотворительный вечер в его поместье, человек на сто, срочный заказ. Она согласилась встретиться. Не потому что он был ей интересен, потому что работа была единственным, что держало ее на плаву.

Они встретились в ресторане в Мейфэре. Блэквуд был, как всегда, безупречен — темно-синий костюм, легкая улыбка, манеры человека, который привык получать желаемое. Но сегодня он говорил меньше о делах и больше о ней. О ее работе, о ее вкусе, о том, как она создает «не мероприятия, а переживания». Он цитировал ее же фразы, которые она обронила при первой встрече. Он помнил. Он слушал.

— Вы редкая женщина, Вилла, — сказал он, когда подали кофе. — Не просто красивая, красивых много. Вы умны. Вы страстны. Вы знаете, чего хотите. Это притягивает.

— Я знаю, чего хочу в работе, — ответила она. — В остальном, не всегда.

— Это честно. — Он улыбнулся. — Мне нравится ваша честность.

Она смотрела на Блэквуда и понимала, что он делает все правильно.

Слушает. Помнит детали. Не лезет в голову. Не пытается

принимать решения за нее. Не считает, что знает лучше.

С ним легко. Слишком легко. Никакого напряжения, никакого голода, никакой опасности. Просто приятный вечер с приятным мужчиной, который говорил правильные слова и не пытался контролировать каждый ее шаг. Еще месяц назад она бы назвала такого мужчину идеальным.

Так почему ей хотелось уйти? Почему вместо облегчения она чувствовала раздражение? Почему все время сравнивала его с человеком, которого сама же выставила за дверь?

Ответ ей не нравился.

Потому что он означал, что проблема никогда не была только в Рое.

Потому что она понимала: ей не нужен «приятный вечер» с Блэквудом или с кем-то еще. Ей нужен Рой. Который бесит ее, душит контролем, молчит, когда нужно говорить, и говорит не то, когда нужно молчать. Но который заставляет ее чувствовать себя живой. С Блэквудом ей было хорошо. С Роем ей было — все. Больно, страшно, жарко, невыносимо. Все.

Она поймала себя на том, что злится не на Блэквуда. И даже не на Роя. А на себя.

Потому что рядом с человеком, который был нормальным, правильным, удобным — внутри не становилось тише.

Не появлялось облегчения. Не приходило то самое долгожданное «все, отпустило». Только раздражение. Как будто ее лишили чего-то, к чему она уже успела привыкнуть.

Она резко отставила чашку. Нет. Это слово ей не понравилось.

«Привыкла» — звучало слишком мягко. Слишком безопасно.

Правда была хуже.

Она не просто привыкла. Она была в этом завязана.

И теперь это сидело в ней, как заноза, которую нельзя вытащить, не вспоров все остальное.

— Мне пора, — сказала она, отодвигая чашку.

Блэквуд не стал спорить. Проводил ее до такси, взял за руку — легко, почти невесомо.

— Я хотел бы видеть вас снова. Не как клиент. Как женщину, которая мне интересна.

Она молчала. Смотрела на него. Он был красив, богат, обходителен, и совершенно ей не нужен. Но она не сказала «нет». Просто села в такси и уехала. Это молчание было ее выбором. Она еще не готова была ни отпустить Роя окончательно, ни признать, что он ей нужен. Она застряла где-то посередине.

В следующие дни она почти не вспоминала о нем.

Зато собственное тело напоминало о себе постоянно.

Сначала легкой тошнотой по утрам. Вилла списала на испорченные продукты. Потом на стресс. Она почти не ела, пила слишком много чая, спала урывками. Организм сбоил, это было объяснимо. Но тошнота не проходила. Приходила волнами, утром, днем, иногда вечером. Она стала раздражитель-

ной, вспыльчивой. Сорвалась на Флоренс, которая перепутала время встречи, накричала так, что сама потом испугалась. Извинилась, но осадок остался. Расставание с Роем вывело ее из равновесия, что теперь это сказывалось, как на ментальном, так и на физическом уровне, и она не могла с этим совладать к ее стыду и копящейся злости.

Вилла заметила женщину еще за стеклом. Та сидела у окна кофейни в Мэрилебоне — слишком прямая осанка, слишком спокойный взгляд для человека, который просто ждет кофе. Темно-серое пальто, кожаные перчатки на столе, чашка нетронутая. Когда Вилла вошла, женщина подняла глаза сразу. Будто засекала ее еще минуту назад. Плохой знак. Вилла подошла к стойке, заказала американо. Не оборачиваясь, почувствовала, как женщина встала.

— Мисс Ашер?

Голос спокойный. Вежливый. Очень британский. Вилла повернулась.

— Да?

— Эвелин Марш.

Никакого «приятно познакомиться». Женщина протянула удостоверение ровно на секунду. Достаточно, чтобы Вилла увидела герб. Контрразведка. Внутри что-то неприятно жжалось, но лицо осталось спокойным.

— И?

— Я бы хотела поговорить.

— У меня встреча через сорок минут.

— Тогда постараюсь не отнять больше двадцати.

Не вопрос. Констатация. Вилла взяла кофе и села за дальний столик. Эвелин устроилась напротив. Несколько секунд они молчали. За окном шел дождь. Люди проходили мимо, прячась под зонтами. Эвелин первой нарушила тишину.

— Вы хорошо работаете, мисс Ашер.

— Спасибо.

— Прием у Уинтертона был впечатляющим.

Вилла сделала глоток кофе.

— Это моя работа.

— Особенно быстро вы решили проблему с пожарной системой.

Пауза. Очень короткая. Но достаточная. Вилла медленно поставила чашку.

— У богатых людей хрупкая нервная система. Я стараюсь избегать паники среди гостей.

— Да. У вас это получилось отлично.

Эвелин смотрела спокойно. Без давления. Именно это раздражало сильнее всего.

— Вы пришли обсудить мой бизнес?

— Отчасти.

— Тогда вам стоило записаться через ассистента.

— Ваш ассистент отказал бы мне.

— Вероятно.

Уголок губ Эвелин чуть дрогнул.

— Мне говорили, вы непростой человек.

— А мне, что спецслужбы любят тратить государственные деньги на странные разговоры в кофейнях.

Тишина. Эвелин не обиделась.

— Вы в последнее время часто пересекаетесь с Артуром Синклером и его приближенными.

— У меня много клиентов.

— Но не все ваши клиенты вызывают такой интерес у правительства.

— Если правительство интересуется организаторами мероприятий, у страны явно хорошие времена.

Эвелин сцепила пальцы.

— Мисс Ашер, я не пытаюсь вас напугать.

— Правда? Тогда у вас очень специфическая манера заводить знакомства.

Эвелин чуть подалась вперед.

— Люди вроде Артура Синклера не появляются из ниоткуда. И не строят такие структуры, оставаясь чистыми.

— Я не веду расследований. Я организую мероприятия.

— И все же вы бываете рядом. Видите людей. Слышите разговоры.

— На приемах все пьяны и лгут.

— Иногда и пьяные говорят правду.

Вилла молчала. Эвелин достала тонкую папку. Не открыла. Просто положила на стол.

— За последние годы вокруг структур Синклера исчезли

несколько человек.

Вилла даже не посмотрела на папку.

— Вы пришли показать мне фотографии трупов?

— Нет. Я пришла понять, насколько хорошо вы осознаете, рядом с кем находитесь.

— А если осознаю?

— Тогда вы умнее, чем выглядите в светской хронике.

— Осторожнее. Еще немного, и я решу, что это комплимент.

Эвелин впервые улыбнулась. Очень слабо.

— Рой Кейн.

Имя прозвучало спокойно. Но слишком точно. Вилла ничего не ответила.

— Опасный человек, — продолжила Эвелин. — Даже по меркам людей Синклера.

— Вы знакомы?

— Достаточно.

— Тогда странно, что он до сих пор на свободе.

Эвелин выдержала паузу.

— Умные люди редко попадают быстро.

— А вы, видимо, считаете себя умнее.

— Я считаю, что люди вроде Кейна оставляют после себя разрушения. Просто не всегда сразу заметные.

Вилла медленно откинулась на спинку стула.

— Теперь понятно.

— Что именно?

— Вы пытаетесь воззвать к моей совести.

— А она у вас есть?

— Иногда. Когда мне не хамят с государственным гербом в кармане.

Эвелин не отвела взгляда.

— Вы независимый человек, мисс Ашер. У вас хороший бизнес. Репутация. Имя. Было бы жаль, если бы все это оказалось втянуто в проблемы, к которым вы не имеете отношения.

Вот оно. Наконец. Вилла тихо усмехнулась.

— Значит, все-таки угрозы.

— Предупреждение.

— Нет. Предупреждение звучит иначе. Это было: «с нами лучше сотрудничать».

Эвелин ничего не сказала. И этого было достаточно. Вилла посмотрела на часы.

— Давайте я сэкономлю нам обоим время. Я не ваш информатор.

— Пока нет.

— Вообще нет.

— Вы уверены?

Вилла наклонилась вперед.

— Абсолютно. И еще один совет, мисс Марш. Если вы хотите разговаривать с людьми вроде меня, не начинайте с попытки напугать их мужчинами, с которыми они общаются.

— Почему?

— Потому что это работает только на тех, кто уже боится.

Тишина. За окном проехал автобус. Где-то у стойки зашипела кофемашина. Эвелин внимательно смотрела на Виллу. Уже иначе. Без снисходительности.

— Вы ему доверяете? — спросила она наконец.

Вилла взяла чашку.

— Это очень личный вопрос для первой встречи.

— И все же?

Она сделала глоток кофе.

— Я доверяю себе.

Эвелин медленно кивнула.

— Понимаю.

— Сомневаюсь.

Вилла встала из-за стола, надела пальто.

— Если это все, у меня действительно работа.

— Конечно.

— И, мисс Марш?

— Да?

— Если мои клиенты узнают, что спецслужбы вызывают меня на подобные беседы, это создаст проблемы не только мне.

Эвелин спокойно выдержала взгляд.

— Это угроза?

— Нет, — сказала Вилла. — Просто профессиональное наблюдение.

Она развернулась и вышла под дождь. Эвелин осталась си-

деть за столиком еще несколько секунд. Потом достала телефон.

— Это Марш, — сказала она спокойно. — Нет, не испугалась. Хуже. Она уже привыкла стоять рядом с такими людьми.

Разговор не выходил у Виллы из головы. Не потому что Марш ее напугала. Больше всего бесило даже не то, что она назвала Роя опасным.

И даже не то, что это звучало убедительно. Впервые кто-то посмотрел на ее жизнь со стороны и назвал Роя опасным.

А то, что на секунду Вилла захотела его увидеть. Просто увидеть.

Убедиться, что он существует где-то за пределами ее головы.

И как внутри на это, что-то отозвалось. Она поймала себя на этом и почти физически поморщилась. Как будто тело предало ее раньше, чем она успела подумать.

Эта мысль была настолько жалкой, что она разозлилась сама на себя.

— Черт, — тихо сказала она себе.

И встала работать так резко, будто могла вытолкнуть это из головы усилием воли. Как будто работу можно использовать вместо терапии.

Вилла злилась на это весь вечер.

А утром поняла, что есть проблема посерьезнее.

Она сидела в ванной, смотрела на календарь в телефоне и считала дни. Раз. Второй. Третий. Задержка была почти две недели. Она вспомнила все те разы, когда они забывали о защите. Вспомнила, как он входил в нее в подсобке, как она сама доставала презерватив из его кармана, но это было потом, а до того сколько раз они теряли голову и не думали ни о чем, кроме того, чтобы почувствовать друг друга. У нее стояла спираль. Это должно было защищать. Но она знала: ничто не дает ста процентов.

Она записалась к врачу на следующий день. Врач, немолодая женщина с усталыми глазами и добрыми руками, подтвердила то, о чем Вилла уже догадывалась. Срок — около семи недель. Спираль сместилась, такое бывает, редко, но бывает.

Врач что-то говорила про анализы, про наблюдение, про следующий прием. Вилла кивала. Слушала вполуха.

Семь недель. Семь недель.

Она снова посмотрела на снимок. Странно.

На нем почти ничего не было. Нечто размером с фасолину переворачивало ее жизнь вверх дном.

— Вы в порядке? — спросила врач.

— Да.

Ложь.

Она взяла бумаги и вышла из кабинета.

На улице шел дождь. Люди спешили по своим делам. Кто-

то смеялся под зонтом. Кто-то ругался в телефон. Мир продолжал жить так, словно ничего не произошло.

Вилла остановилась под козырьком клиники.

Семь недель.

Она машинально достала телефон. Открыла его контакт. Посмотрела. Не позвонила.

Потому что стоило позвонить, и все стало бы настоящим. Потому что тогда это перестало бы быть только ее проблемой. Только ее решением. Только ее жизнью.

Вилла медленно убрала телефон обратно в сумку.

И вдруг поняла вещь, от которой внутри стало холодно.

Даже если она больше никогда его не увидит. Даже если они никогда не будут вместе. Даже если через год она будет жить в другом городе, с другим мужчиной, другой жизнью.

Рой Кейн никуда не денется. Никогда.

Она закрыла глаза.

— Черт.

Тихо. Почти шепотом.

Потому что впервые за весь день ей стало по-настоящему страшно.

Она стояла под козырьком, смотрела на серое небо и не чувствовала ничего. Пустота. Огромная, звенящая пустота. Она не заплакала. Не засмеялась. Просто стояла и смотрела на дождь.

Дома она села на пол в гостиной, достала телефон и снова открыла его контакт. Палец завис над кнопкой вызова. Она

смотрела на экран минуту, две, пять. Потом заблокировала телефон и отложила в сторону. Что она ему скажет? «Я беременна, но я не знаю, хочу ли, чтобы ты участвовал, потому что ты решаешь все за меня, а я не готова к этому снова»? «Я боюсь, что ты снова начнешь контролировать мою жизнь, а у меня и так нет сил сопротивляться»? Она не знала. И решила пока ничего не говорить.

Через три дня начались проблемы. Сначала — мелкие. Настолько мелкие, что любой другой человек списал бы их на обычный рабочий хаос. Вилла — нет. Она стояла посреди офиса, слушая Флоренс, и медленно снимала перчатки.

— Еще раз.

Флоренс нервно поправила планшет.

— Историческое общество Сомерсета отзывает разрешение на использование поместья Уэксфорд для зимнего приёма.

— Основание?

— «Обновленные требования пожарной безопасности».

Вилла молчала.

— Мы работали там два года, — осторожно добавила Флоренс. — У них никогда не было претензий.

— Кто звонил?

— Некий мистер Хадсон из муниципального совета.

— Соедини.

Через минуту в динамике раздался усталый мужской го-

лос.

— Мисс Ашер, боюсь, решение окончательное.

— Боюсь, нет, мистер Хадсон. Мы вложили в проект почти сто тысяч фунтов. Основание для отзыва?

— Проверка показала нарушения

— Какие именно?

Пауза. Слишком длинная. Вилла медленно подошла к окну.

— Понимаю, — сказала она спокойно. — Кто вам позвонил?

Молчание.

— Простите?

— Обычно люди хотя бы пытаются врать убедительно. У вас не получилось. Кто вам позвонил?

Хадсон нервно кашлянул.

— Мне кажется, вы неверно интерпретируете ситуацию

— Конечно. Тогда завтра мой юрист отправит официальный запрос в совет. И копию — в прессу. Посмотрим, как общественность отреагирует на внезапное закрытие благотворительного мероприятия леди Хаверфорд из-за «секретных нарушений».

Еще одна пауза.

— Я попробую пересмотреть документы.

— Попробуйте.

Она сбросила звонок. Флоренс осторожно посмотрела на нее.

— Проблемы?

— Пока нет.

Но внутри уже неприятно холодело. Слишком аккуратно. Слишком вовремя. Телефон завибрировал снова. На этот раз — страховая компания. Через десять минут Вилла уже слушала объяснения о «пересмотре уровня рисков» и «необходимости дополнительного аудита подрядчиков». Когда разговор закончился, она очень медленно положила телефон на стол. Флоренс молчала.

— Кто-то лезет в бизнес, — спокойно сказала Вилла.

— Конкуренты?

— Нет.

Она уже знала. И именно это бесило сильнее всего.

Вечером она сидела в кабинете одна. Лондон за окнами тонул в мокром тумане. На столе лежали письма. Отмена разрешения. Проверка страховой. Запрос налоговой службы по одному из прошлогодних мероприятий. Слишком кучно. Вилла перечитывала документы, когда зазвонил телефон. Незнакомый номер. Она ответила сразу.

— Да?

— Мисс Ашер. Эвелин Марш.

Конечно. Вилла прикрыла глаза.

— Вы невероятно предсказуемы.

— Я просто хотела узнать, как ваши дела.

— Прекрасно. Обожаю бюрократический терроризм по четвергам.

Эвелин проигнорировала выпад.

— Некоторые структуры начинают нервничать, когда люди отказываются сотрудничать.

— А некоторые структуры, видимо, забывают, что я плачу налоги и имею адвокатов.

— Это не угроза.

— Нет, это именно угроза. Просто в хорошем пальто.

Тишина. Потом Эвелин тихо сказала:

— Вы умная женщина, Вилла. Зачем вам люди вроде Синклера?

— А вам?

Пауза.

— Потому что я знаю, на что они способны.

— Правда? И на что же?

Голос Эвелин стал холоднее.

— Люди исчезают рядом с ними.

— Люди исчезают рядом с правительством тоже. Но вы почему-то продолжаете на него работать.

Тишина стала тяжелее.

— Рой Кейн опасен.

Вилла усмехнулась.

— Господи. Опять это.

— Вы не понимаете

— Нет, это вы не понимаете. Вы пришли ко мне как будто я какая-то впечатлительная идиотка, которая случайно влюбилась не в того мужчину. Это оскорбительно.

— Я пытаюсь предотвратить ситуацию, в которой вам будет больно.

— А я пытаюсь понять, насколько далеко спецслужбы готовы зайти, чтобы добраться до людей, которых не могут посадить сами.

Эвелин помолчала.

— Вы защищаете его.

— Я защищаю себя. И свой бизнес. От людей, которые решили, что могут ломать мне жизнь ради своих игр.

— Это не игры.

— Тогда ведите их профессиональнее.

Она сбросила звонок.

На следующий день проблемы стали хуже. Один из подрядчиков отказался работать с ней без объяснений. Два клиента внезапно перенесли встречи. Налоговая запросила документы за последние три года. Вилла сидела в переговорной и слушала юриста.

— Формально все законно, — говорил тот осторожно. — Но выглядит скоординированным.

— Я знаю.

— Вы кому-то перешли дорогу?

Она посмотрела на него.

— Если бы знала кому, уже бы оторвала голову.

Юрист нервно улыбнулся, не понимая, шутка это или нет.

К полуночи их офис почти опустел.

Флоренс уехала домой час назад, пообещав «не открывать

ноутбук хотя бы до утра», но Вилла прекрасно знала — откроеет.

Мик остался. Он сидел на полу посреди переговорной, окруженный кабелями, схемами света и двумя пустыми стаканами из-под кофе. На экране планшета мигал список подрядчиков, которые за последние дни внезапно решили «времененно пересмотреть сотрудничество».

— Этот тоже отвалился, — мрачно сказал он.

— Какой по счету?

— Я перестал считать после восьмого.

Вилла устало потеряла переносицу.

— Мик

— Даже не начинай.

— Я серьезно. Если станет совсем плохо, тебе не обязательно тонуть вместе со мной.

Он медленно поднял на нее взгляд.

Потом фыркнул.

— Господи, Ашер, ты вообще помнишь, как мы познакомились?

Мик был первым, кто поверил в нее по-настоящему. Когда она работала в крупном агентстве, ее босс — обаятельный ублюдок по имени Грэм — быстро понял, насколько она талантлива. Сначала хвалил. Потом начал ставить свое имя под ее концепциями. «Мы же одна команда, Вилла». А потом намеки стали тяжелее: «Ты далеко пойдешь если правильно выстроишь отношения». Она молчала. Тер-

пела. Пока однажды не сломалась и не написала заявление. В тот же день к ней подошел Мик — коренастый, вечно растрепанный, с руками вечно в проводах и скотче. Он работал техническим директором и почти год молча наблюдал за ней.

— Ты серьезно уходишь? — спросил он.

— Да.

— Тогда я с тобой.

Вилла удивленно подняла брови.

— Ты даже не спросил, куда я иду.

— Не важно. Я видел, как ты работаешь. Видел, как этот пидор присваивает твои идеи и еще пытается засунуть руку тебе под юбку. Я с тобой. Хоть в сарай, хоть в подвал. Но с тобой.

Так и началось их маленькое агентство. Мик ушел без выходного пособия, без рекомендаций, без единого колебания. Позже он сказал ей:

— Я видел, как ты создаешь миры из ничего. А он хотел сделать из тебя приложение к своему члену. Я не мог на это смотреть.

С тех пор Вилла знала: Мик — один из очень немногих людей, которым она может доверять безоговорочно.

— Ты тогда сказала, что уходишь без плана, без инвесторов и почти без денег, — сказал Мик, возвращаясь к планшету. — И знаешь что? Это все равно была самая разумная идея в том агентстве.

Вилла невольно улыбнулась.

— Очень вдохновляющая речь.

— Я техник, а не мотивационный коуч.

Он выдернул какой-то кабель из коробки и добавил уже спокойнее:

— Я ушел не потому, что верил в бизнес. Я ушел потому, что верил в тебя.

Вилла отвела взгляд. Почему-то именно это, не давление спецслужб, не сорванные контракты, не бесконечные проверки, ударило сильнее всего.

Потому что Мик никогда ничего от нее не требовал взамен. Ни восхищения. Ни преданности. Ни власти над ней. Он просто однажды выбрал остаться.

Мик посмотрел на нее поверх планшета.

— Эй.

— Что?

— Не смотри так, будто собираешься похоронить себя заживо.

Она хмыкнула.

— Поздно.

— Нет. Поздно будет, когда ты начнешь отвечать на письма муниципалитета в три утра. Вот тогда я вызову тебе психиатра.

Вилла тихо рассмеялась впервые за весь день. Мик удовлетворенно кивнул.

— О, живая.

Он поднялся с пола, поморщившись.

— Ладно. Завтра я попробую прижать световиков через старые контакты. Флоренс добьет площадку. А ты сейчас пойдешь домой.

— Это был приказ?

— Это была забота. Не путай.

Он направился к двери, потом остановился.

— И Вилла?

— Мм?

— Не позволяй этим ублюдкам убедить тебя, что ты одна.

Когда дверь закрылась, в переговорной снова стало тихо. Вилла посмотрела на хаос из бумаг, планшетов и схем света. А потом впервые за последние недели почувствовала, что, возможно, мир все-таки еще не разваливается окончательно. Она бережно положила ладонь на живот, поглаживая повела большим пальцем.

Дождь начался около полудня и не думал заканчиваться.

Вилла сидела на полу в гостиной, спиной к дивану, и смотрела на подоконник. Ваза стояла там уже недели три — пустая, чистая, совершенно бессмысленная. Она не помнила, зачем вообще ее купила.

Царица запрыгнула к ней без предупреждения, потопталась, свернулась клубком на коленях и начала мурчать — низко, ровно, как маленький двигатель.

Вилла погладила ее. Раз. Другой.

И вдруг обнаружила, что плачет.

Не громко — почти беззвучно. Просто слезы текли, и она не делала ничего, чтобы их остановить. Она даже не знала, из-за чего именно. Не из-за него. Не из-за ссоры. Просто что-то накопилось до краев и начало переливаться — тихо, без драмы.

Царица не пошевелилась. Продолжала мурчать.

Вилла сидела так, пока дождь не стал тише. Потом вытерла лицо ладонью, посмотрела на пустую вазу и подумала, что надо бы выбросить ее наконец.

Она уже собиралась подняться с пола, когда телефон завибрировал.

Напоминание о следующем приеме у врача.

Среда. 11:30.

Вилла смотрела на экран несколько секунд. Потом перевела взгляд на пустую вазу.

И впервые за все это время подумала не о Рое.

А о том, что через несколько месяцев в этой квартире будет ребенок. И о том, что Рой больше не может стать прошлым. Никогда.

Телефон погас.

Дорогой читатель, я снова повторяюсь, если вы дошли до этих строк, то значит история Роя и Виллы вас зацепила. Но при всей огромной статистике, которая показывает прочтения. Мало кто из вас вообще хоть как-то отметил лайком,

комментарием или какой-либо другой реакцией. Тем кто отмечает мои благодарность и почтение.

Дальнейшая выкладка проды сильно зависит от обратной связи читателей. Согласитесь это справедливый обмен, так как я выкладываю книгу бесплатно, пока что, и без реакции от вас, мне и вовсе становится неинтересно это делать. А если так и продолжится, молчаливое чтение, то продолжение вскоре станет доступно только тем кто проявляет интерес, на тех ресурсах на которых, это возможно сделать. Благодарю за понимание.

Глава 19

Рой не спал уже четвертые сутки. Не потому что не мог — он мог. Просто не хотел. Каждый раз, когда закрывал глаза, видел ее. Не в постели. Не в подсобке. А ту, последнюю секунду — как она стояла у окна, прямая, как струна, и сказала: «Я больше не хочу тебя».

Он верил каждому слову. И именно поэтому не мог простить.

В спортзал он спускался каждый день. Здесь все было предсказуемо. Вес не спорил. Штанга не врала. Тело либо выдерживало, либо нет.

Он начинал с привычного. Разминка. Груша уже давно перестала быть просто снарядом. Она стала наказанием. Он бил ее до тех пор, пока костяшки не начинали кровоточить даже сквозь перчатки.

Потом — нагрузка. Потом — еще.

До тех пор, пока мышцы не начинали гореть так, что мысль о чем-то другом становилась невозможной.

Но даже там, в этой простоте, она прорывалась.

«Я больше не хочу тебя».

Он ловил себя на том, что повторяет это в такт подъему штанги.

Раз. Два.

«Я больше не хочу тебя».

И еще раз.

Словно если проговорить достаточно раз — смысл изменится.

Не изменился.

На седьмой день он впервые пропустил счет подходов.

Просто продолжил, пока не перестал чувствовать пальцы.

Потом стоял под ледяным душем и смотрел в стену. Вода стекала по лицу, по плечам, по шрамам, которые он давно перестал замечать.

Утром в среду в офисе Артура было тихо. Слишком тихо. Хейл стоял у окна и жевал зубочистку, глядя на улицу. Кэт сидела за столом, закинув ноги на соседний стул, и листала документы. Артур пил кофе и наблюдал за Роем.

Рой стоял у стола и читал отчет по Ливерпулю. Читал уже третий раз. Буквы не складывались.

— Рой, — тихо сказал Артур.

— Что.

— Ты третий раз читаешь одну и ту же страницу.

Рой медленно положил бумаги на стол. Поднял взгляд. В комнате стало еще тише.

— У нас проблема с Гиллом, — сказал он ровным голосом. — Он вдруг решил, строить бизнес за счет компании.

Хейл переставил зубочистку.

— Я могу с ним поговорить.

— Нет, — отрезал Рой. — Я сам.

Артур поставил чашку.

— Рой.

— Что.

— Ты сейчас не в том состоянии, чтобы «сам».

Рой посмотрел на него. Взгляд был холодным. Абсолютно.

Таким, от которого у людей, знавших его меньше десяти лет, начинали дрожать руки.

— Я в самом что ни на есть состоянии.

Он вышел из кабинета. Дверь закрылась тихо. Слишком тихо.

Гилл, работавший на портовом маршруте, решил, что можно немного заработать на стороне. Немного — это пятнадцать процентов с каждого груза, перенаправленного конкурентам. Он делал это четыре месяца. Кэт обнаружила нестыковку в цифрах в понедельник. Рой приехал на склад в Гринвиче.

Хейл был за рулем. Молчал. Рой смотрел в окно на серую Темзу.

— Он один? — спросил Рой.

— С напарником. Оба в курсе.

— Хорошо.

На складе пахло машинным маслом и сырым бетоном. Двое ждали у дальней стены — молодые, один нервничал, другой пытался держать лицо. Рой вошел, снял очки, убрал в карман. Огляделся. Посмотрел на стеллажи, на ящики, на

цифры в голове, которые Кэт перевела в таблицу. Потом посмотрел на них.

— Четыре месяца, — сказал он.

Тот, что нервничал, открыл рот.

— Мы думали

— Не думали, — спокойно перебил Рой. — Если бы думали, не стали бы.

Второй, тот, что держал лицо, попробовал другой подход:

— Послушайте, это можно решить. Я верну деньги. До последнего фунта. Дайте срок.

Рой смотрел на него. Долго. Молча. Именно это молчание было хуже всего — не угрозы, не повышенный голос, просто этот взгляд, абсолютно ровный, как у человека, которому неинтересно то, что ты говоришь, потому что решение уже принято.

— Деньги не проблема, — сказал Рой наконец. — Деньги Артур спишет как операционный убыток. Проблема в другом.

— В чем?

— Ты четыре месяца смотрел мне в глаза на еженедельных встречах. Отвечал на мои вопросы. Кивал. — Пауза. — Это не воровство. Это решение работать против меня. Сознательное, системное, ежедневное.

Тот, что нервничал, побледнел окончательно.

— Мы не

— Не продолжай, — тихо сказал Рой. — Ты уже сказал

достаточно.

Он подошел ближе. Не быстро. Без спешки. Остановился в метре.

— Я скажу вам, что будет. Вы оба уходите с маршрута сегодня. Навсегда. Имена уходят с вами — ни один человек Синклера не будет с вами работать нигде. Деньги вернете в течение недели. Если через неделю деньги не вернутся — Хейл напомнит. — Он посмотрел на второго. — Ты понял, что я только что сказал?

— Да.

— Повтори.

Тот повторил — слово в слово, дрожащим голосом. Рой слушал. Кивнул.

— Хорошо.

Он развернулся и пошел к выходу. Хейл двинулся следом. У двери Рой остановился, не оборачиваясь.

— И еще. Если я когда-нибудь снова услышу ваши имена в контексте, который мне не понравится — не Хейл. Я сам.

Он вышел.

На улице было холодно. Хейл шел рядом, переставил зубочистку.

— Мягко, — заметил он.

— Они молодые. Испугались. Деньги вернут.

— А если нет?

— Тогда ты поедешь напомнить.

Они сели в машину. Хейл завел двигатель.

— Ты в порядке? — спросил он после паузы. Осторожно. Хейл почти никогда не спрашивал такого.

— Веди.

Хейл повез.

Кэт пришла в четверг. Без звонка — просто оказалась у него дома в половине восьмого вечера с пакетом из тайского ресторана. Он открыл дверь, посмотрел на нее, посторонился.

Она расставила контейнеры на кухне. Он сидел за столом, смотрел, как она это делает.

— Ты могла бы хотя бы спросить, нравится ли мне тайская кухня, — сказал он.

— Ты ешь все. — Она поставила перед ним контейнер.
— Как ты?

— Нормально.

— Рой.

— Нормально, Кэт.

Она села напротив, открыла свой контейнер. Некоторое время ели молча. Она не давила. Это была их порода — молчать, пока не готов, и не требовать раньше времени.

— Хейл сказал, ты в последнее время жесткий, — произнесла она наконец.

— Хейл преувеличивает.

— Хейл никогда не преувеличивает. В этом вся проблема с Хейлом.

Рой ел, глядя в стол.

— Это она? — спросила Кэт тихо.

Долгая пауза.

— Кэт.

— Да или нет.

Он поднял взгляд.

— Да.

Она кивнула. Не сказала «я так и думала». Не начала советоваться. Просто кивнула, как человек, который услышал то, что хотел подтвердить.

— Ты напишешь ей?

— Нет.

— Почему.

— Потому что она права.

Кэт смотрела на него.

— В чем именно?

Он молчал долго. Потом — неожиданно для самого себя:

— Я не умею быть рядом, не контролирую. Я не знаю, как это — просто быть. Без плана. Без периметра.

— Это ты всегда умел делать. В работе.

— В работе это называется эффективностью.

— А с ней?

— С ней это называется проблемой.

Кэт отложила палочки. Посмотрела на него — пристально, с той прямоотой, которую он не терпел ни от кого другого и которую только от нее мог вынести.

— Знаешь, в чем твоя проблема?

— Нет.

— Когда тебе кто-то нужен, ты начинаешь вести себя так, будто это имущество.

— Знаю.

— И что ты с этим делаешь?

— Пока, ничего.

Кэт долго смотрела на него. Потом тихо:

— Ты похож на папу. Знаешь?

Рой поднял взгляд резко. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. Любой другой человек уже пожалел бы о сказанном. Кэт — нет.

— Не в плохом смысле, — добавила она. — Он тоже не умел просить. Считал, что просить — значит слабость. А слабость нельзя. Нельзя показать, что тебе что-то нужно больше, чем ты сам.

— Кэт.

— Я не читаю лекцию. Просто говорю, что вижу.

Он смотрел на нее. Она, на него. Они были похожи этим: оба умели смотреть в лицо неудобным вещам. Оба предпочитали правду, даже когда она была некомфортной.

— Позвони ей, — сказала Кэт.

— Нет.

— Тогда перестань разносить людей на складах.

Он почти усмехнулся. Почти.

— Они заслужили.

— Может быть. Но ты был жестче, чем нужно. Это не ты, это она сидит в тебе и давит изнутри.

Он ничего не ответил. Она убрала контейнеры, накинула пальто.

— Позвони ей, Рой.

— Спокойной ночи, Кэт.

Она ушла. Он остался за столом. За окном темнел Лондон.

Ресторан Коул выбрал сам. Не модный. Не показной. Старый французский ресторан в Мейфэре, где официанты работали дольше, чем существовали некоторые банки, а люди за соседними столиками говорили тише, чем в библиотеках. Артур пришел ровно в восемь. Коул уже ждал. Поднялся навстречу — без лишней любезности, но с тем уважением, которое невозможно сыграть идеально, если его нет совсем.

— Артур.

— Ричард.

Они пожали руки. На столе уже стояла бутылка вина. Артур посмотрел на этикетку.

— Вы или очень стараетесь произвести впечатление, или у вас проблемы с самоконтролем.

— Второе интереснее.

— Согласен.

Официант разлил вино. Некоторое время говорили ни о чем — о погоде, о строительстве нового крыла Националь-

ной галереи, о том, как Лондон за последние десять лет стал богаче и уродливее одновременно. Со стороны это выглядело почти приятно. Именно поэтому Артур был особенно внимателен. Коул умел создавать ощущение комфорта. Это был талант.

— Я проверил того чиновника, — сказал Артур между делом. — Слишком глуп для самостоятельной инициативы.

— Да.

— Значит, его кто-то подтолкнул.

Коул слегка улыбнулся.

— Вы задаете вопрос или констатируете факт?

— С вами никогда не понятно.

— Это взаимно.

Им принесли закуски. Коул отложил приборы.

— Вы ведь понимаете, что Лондон меняется?

— Вы уже говорили это на приеме.

— Тогда вы не слушали.

— Я всегда слушаю. Просто не всегда соглашаюсь.

Коул кивнул, будто ожидал именно этого.

— Люди вашего поколения строили влияние через страх и личную преданность. Это работало. Долго работало. Но сейчас мир другой. Теперь настоящая власть — это не улицы. Не грузы. Не оружие. Настоящая власть — это возможность одним звонком начать расследование. Или остановить его.

Артур спокойно ел закуски, не перебивая. Коул продолжил:

— Вы создали очень устойчивую структуру. Почти уникальную. Даже ваши враги это признают. Но она держится на вас. На людях вроде Роя. На репутации. На старых принципах.

— Старые принципы обычно надежнее новых.

— Да. Но менее прибыльны.

Артур посмотрел на него поверх бокала.

— Вот мы и добрались до сути.

Коул улыбнулся.

— Я предлагаю вам эволюцию.

— Красивое слово для человека вашей профессии.

— А вы предпочитаете слово «делка»?

— Я предпочитаю, когда люди говорят прямо.

Пауза. Коул чуть подался вперед.

— Хорошо. Тогда прямо. Через несколько лет старые схемы начнут задыхаться. Государство усиливает контроль. Банки меняют правила. Маршруты становятся уязвимыми. Люди вроде Тэдди, шумные, жадные идиоты, этого не понимают. Но вы понимаете.

Артур молчал. Коул продолжил:

— Вам нужен человек, который сможет сделать вашу империю неприкасаемой. Легальной сверху. Невидимой внутри. Чтобы министры сами звонили вам первыми. Чтобы расследования заканчивались раньше, чем начинаются.

— И этим человеком, разумеется, будете вы.

— Разумеется.

Артур тихо усмехнулся. Коул тоже улыбнулся. Это было почти похоже на флирт. Интеллектуальный. Хищный. Очень мужской.

— А что получаете вы? — спросил Артур.

— Место за столом.

— Маловато для таких амбиций.

Коул отпил вино.

— Хорошо. Тогда честно? Я не люблю людей, которые получили власть случайно. Наследников. Политиков. Истерикиков вроде Тэджи. А вы вы ее построили. Это вызывает уважение.

— Опасная вещь, уважение.

— Почему?

— Из него часто вырастает желание занять чужое место.

На секунду между ними стало тихо. Потом Коул неожиданно рассмеялся. Не фальшиво. Именно неожиданно.

— Вот за это вы мне и нравитесь, Артур. Большинство людей на вашем месте уже начали бы угрожать.

— А большинство людей на вашем месте уже начали бы врать.

— Возможно, поэтому мы до сих пор разговариваем.

Им принесли горячее. Некоторое время ели молча. Потом Артур вдруг спросил:

— Почему юриспруденция?

Коул чуть удивился вопросу.

— Потому что это самая цивилизованная форма насилия.

Артур медленно кивнул.

— Хороший ответ.

— А у вас?

— Что, у меня?

— Почему вы выбрали именно этот путь?

Артур промокнул губы салфеткой.

— Потому что когда я был молод, бедные люди в моем районе умирали очень быстро. А богатые, почти никогда. Мне стало любопытно, как это работает.

Коул смотрел на него внимательно.

— И разобрались?

— Более-менее.

Пауза. Потом Коул сказал тихо:

— Вы ведь понимаете, что однажды придется выбрать сторону? Либо остаться человеком прошлого. Либо стать частью того мира, который приходит ему на смену.

Артур посмотрел на него спокойно. Почти мягко.

— Ричард. Самая распространенная ошибка умных людей, думать, что новый мир обязательно умнее старого.

Коул выдержал взгляд.

— А если все-таки да?

Артур чуть улыбнулся.

— Тогда посмотрим, кто переживет переходный период.

Спустя время они говорили уже о вещах почти нейтральных. О Лондоне. О том, как старые районы становятся слишком дорогими даже для старых денег. О политиках, которые

меняются быстрее, чем их предвыборные обещания. О людях, которые путают влияние с известностью. Со стороны это выглядело как ужин двух уважаемых мужчин, которым действительно интересно друг с другом. И в этом была самая опасная часть. Потому что оба понимали: им интересно.

Когда принесли кофе, ресторан уже почти опустел. За окнами дождь превратился в мокрый снег. Коул медленно покрутил чашку в руках.

— Можно задать личный вопрос?

— Это обычно плохое начало.

— Вы всегда были таким недоверчивым?

Артур чуть улыбнулся.

— Нет. Когда-то я был бедным. Это намного опаснее.

Коул тихо усмехнулся. Потом стал серьезнее.

— Вы ведь мне не доверяете ни секунды.

— Ни секунды.

— Тогда зачем пришли?

Артур посмотрел на него поверх чашки.

— Потому что умных людей полезно слушать. Даже если однажды придется их хоронить.

На этот раз Коул не улыбнулся сразу. Он выдержал паузу. Короткую. Настоящую.

— Знаете, что мне в вас нравится? — сказал он наконец.

— Вы никогда не притворяетесь безопасным человеком.

— А вы притворяетесь.

Коул чуть склонил голову, принимая удар.

— Возможно.

Официант принес счет. Артур даже не взглянул, просто достал карту. Коул остановил его жестом.

— Сегодня плачу я. Все-таки это я приглашал.

— Терпеть не могу быть должным.

— Тогда считайте это инвестицией в будущие отношения.

Артур посмотрел на него очень внимательно. Вот оно. Не угроза. Не предложение. Не давление. Формулировка. Будущие отношения. Как будто они неизбежны. Артур медленно убрал карту обратно.

— Хорошо, — сказал он спокойно. — Но тогда в следующий раз ужин выбираю я.

Коул улыбнулся. Почти довольно.

— Значит, следующий раз будет?

Артур надел пальто.

— Ричард. В Лондоне люди вроде нас всегда встречаются снова. Вопрос только в том, кто к тому моменту останется на ногах.

Коул тихо рассмеялся.

— Подумайте над моим предложением.

— Я уже подумал.

— И?

Артур поправил манжет.

— Если однажды мне понадобится человек, который объяснит, как продать душу через офшоры, я обязательно вам позвоню.

Они вышли из ресторана вместе. Снег ложился на тротуары тонкой серой пылью. У входа уже ждали машины. Водитель Артура открыл дверь. Но прежде чем сесть, Артур вдруг повернулся к Коулу:

— Маленький совет.

— Мм?

— Никогда не пытайтесь купить людей, которые десятилетиями строили себя сами. Такие люди очень плохо продаются.

Коул засунул руки в карманы пальто.

— А если они сами однажды захотят купить меня?

Артур чуть улыбнулся.

— Тогда вам действительно стоит начать бояться.

Он сел в машину. Дверь закрылась. Коул остался стоять на тротуаре, глядя вслед уезжающему автомобилю. Улыбка медленно исчезла с его лица. Потому что впервые за очень долгое время он встретил человека, которого не мог просчитать до конца. И вместо того чтобы насторожиться — ему это понравилось.

Вторая неделя была тише. Это было хуже. Тишина не давала отвлечься. Сейчас он просыпался в три, в четыре, в половине второго. Лежал в темноте и смотрел в потолок. Квартира была правильной температуры. Тихой. Никаких посторонних звуков. Все переменные под контролем.

Кроме одной.

Он не думал о ней намеренно — просто она была там, фоном, постоянно. Голос. Угол плеча. Манера держать кружку двумя руками. То, как она произносила его имя, когда злилась — коротко, без интонации, как приговор.

Он вставал. Шел на кухню. Не пил. Не включал свет. Просто стоял у окна и смотрел на пустую улицу.

Телефон он держал экраном вниз. Не потому что ждал звонка. Потому что ждал и не хотел в этом признаться даже самому себе. Иногда он открывал переписку. И просто смотрел на пустоту между сообщениями. Палец зависал над экраном. Ни одного движения дальше.

Потом блокировал телефон и уходил в зал.

Там он начал ломать структуру тренировок. Не из плана. Из хаоса. Если раньше это было дисциплиной, теперь стало наказанием.

Грудь — до отказа. Спина — сразу после. Кардио — без паузы. Потом снова железо. Инструктор в его собственном теле начал терять право голоса. Иногда он ловил себя на том, что смеется. Коротко. Без звука. Потому что тело наконец-то давало то, что мозг не мог получить: усталость, которая заглушает все остальное.

Но это не работало.

Рой ненавидел, когда его заставляли повторять одно и то же. Особенно когда это касалось элементарных вещей. Например, того, что его нельзя трогать.

Сегодня трогали.

Встреча проходила в одном из складов в Тилбери — нейтральная территория, которую он сам выбрал. Человек напротив него называл себя Дейвом. Средних лет, дорогой костюм, который сидел чуть хуже, чем должен, и взгляд человека, который привык, что ему отвечают «да» раньше, чем он закончит вопрос.

— мы понимаем, что у мистера Синклера сейчас много дел, — говорил Дейв, улыбаясь той улыбкой, которую Рой давно научился переводить как «я пытаюсь тебя купить». — Но рынок меняется. Ирландцы становятся агрессивнее. Восточные партнеры тоже. Мы предлагаем взаимовыгодное усиление позиций.

Рой сидел, не шевелясь. Руки на столе. Очки на месте. Он слушал уже двенадцать минут. Двенадцать минут человек говорил красивыми словами о «синергии», «новых горизонтах» и «разделении рисков».

На тринадцатой минуте Дейв решил, что пора переходить к главному.

— Конечно, мы понимаем, что личные обстоятельства тоже влияют. У всех они бывают. — Он сделал паузу, многозначительную, почти заботливую. — Например, у вас, мистер Кейн, в последнее время появилось новое увлечение. В Блумсбери. Красивая женщина. Организатор мероприятий. Очень талантливая.

В комнате повисла тишина.

Рой смотрел на него. Не двигался. Только пальцы на столе медленно сжались в кулак и разжались. Один раз.

— Продолжай, — сказал он тихо.

Дейв, приняв это за интерес, подался вперед.

— Мы не угрожаем, боже упаси. Просто хотим, чтобы вы понимали: в нашем мире все взаимосвязано. Если вы будете чуть сговорчивее по некоторым маршрутам, мы, в свою очередь, можем гарантировать, что никто не станет проявлять излишнее любопытство к вашей личной жизни.

Рой молчал еще несколько секунд. Потом очень спокойно спросил:

— Ты серьезно пришел сюда и решил, что можешь торговать ее именем?

— Мы лишь хотим сотрудничества.

— Нет.

— Именно сотрудничества.

— Тогда ты очень плохо понимаешь значение этого слова.

— Вы слишком эмоционально реагируете.

— Правда?

Дейв моргнул. Улыбка начала сползать.

— Я лишь хотел показать, что мы в курсе

— Нет, — мягко перебил Рой. — Ты хотел показать, что у тебя есть яйца. Сейчас ты пытаешься понять, остались ли они у тебя после моих слов.

Он встал. Дейв невольно отодвинулся вместе со стулом.

Рой медленно обошел стол и остановился напротив Дейва.

Тот все еще пытался улыбаться, но улыбка уже выглядела как плохо пришитый ярлык.

— Знаешь, что самое смешное? — тихо сказал Рой. — Ты пришел сюда и решил, что нашел рычаг. Маленький, удобный, в Блумсбери. — Он чуть наклонил голову. — Как мило. Прямо трогательно.

Дейв открыл рот.

Рой поднял палец. Один. Этого хватило.

— Не надо. Я уже услышал достаточно. Ты сейчас сидишь и думаешь, что я испугаюсь. А я сижу и думаю, как же низко надо пасть, чтобы пытаться давить на человека через женщину, которую даже не имел смелости назвать по имени.

Он сделал шаг ближе. Голос остался ровным, почти дружелюбным.

— Ты не рычаг нашел, Дейв. Ты просто сунул руку в мясорубку и теперь удивляешься, почему пальцы хрустят.

Дейв побледнел. Рой продолжал так же спокойно:

— Передай своему хозяину: следующий раз, когда захочет поиграть в шантаж, пусть пришлет кого-нибудь с мозгами. А не ходячий намек на костюм. Потому что если я еще раз услышу, что кто-то рядом с ней дышит слишком громко я найду не того, кто дышал. Я найду всех, кто это слышал.

Он выпрямился и поправил манжету.

— А теперь иди. И постарайся не обоссаться по дороге. Мне будет неприятно объяснять уборщикам, почему на полу следы от твоего мужества.

Дейв встал так резко, что стул отлетел. Он вышел, почти не дыша, — мелкими, торопливыми шагами, как человек, который внезапно вспомнил, что у него есть очень важные дела в другой стране.

Когда дверь закрылась, Рой остался стоять посреди комнаты. Сжал челюсти так, что желвак проступил.

— Мелкие пидоры, — тихо, почти ласково сказал он в пустоту. Потом достал телефон и набрал Хейла.

— Дейв. Только что. Проследи, чтобы он доехал домой. И чтобы по дороге очень хорошо подумал о жизни.

— Понял, — ответил Хейл. — Артур спрашивал про тебя.

— Скажи ему, что я в норме.

— Он не поверит.

— Пусть не верит.

Рой убрал телефон. Подошел к окну. За стеклом шел дождь. Он смотрел на него и думал только об одном: если кто-то еще раз попробует использовать Виллу как инструмент — он не будет таким сдержанным.

Вечером того же дня Рой сидел в машине у ее дома. Не выходил. Просто сидел. Дождь стучал по крыше. Он смотрел на освещенные окна ее квартиры и думал.

Она сказала «хватит». Он уважал это слово.

Но внутри все кипело. Ярость. Желание. Боль. Он не умел с этим справляться. Он умел только решать проблемы. А она стала проблемой, которую нельзя было решить.

На семнадцатый день Тоби попросил его подписать накладные по одному из маршрутов. Принес папку, положил на стол, стоял молча, пока Рой перелистывал страницы.

Рой подписал. Протянул папку обратно.

Тоби взял. Не ушел.

Рой поднял взгляд.

— Что.

— Ничего, — сказал Тоби.

— Тогда иди.

— Угу.

Тоби не ушел. Стоял. Смотрел в сторону. Потом сказал, без нажима, почти в воздух:

— Хлорофитум пересадил. Хорошо прижился.

Рой смотрел на него.

— Тоби.

— Да?

— У тебя есть смысл в этом разговоре?

— Нет, — честно сказал Тоби. — Просто ты сегодня третий раз смотришь в телефон и не звонишь.

Рой опустил взгляд на стол.

— Иди работать.

— Уже иду.

Тоби ушел. Рой посмотрел на телефон.

Убрал в ящик стола. Через минуту снова достал.

На восемнадцатый день, это уже не было ни режимом, ни привычкой. Это стало давлением.

Он перестал спать нормально. Не из-за мыслей. Из-за того, что тело не выключалось. Он лежал в темноте и пытался вспомнить ее лицо так, будто это задача.

Но память начинала расплываться, как будто кто-то убирал детали.

Это пугало сильнее, чем злость.

Каждый раз, когда он закрывал глаза, происходило одно и то же: не воспоминание — фиксация. Ее голос. Короткий. Четкий.

«Я больше не хочу тебя».

Он начал ловить себя на том, что отвечает ей в пустоту. Не вслух — губами. Иногда — в машине. Иногда — в душе.

Однажды он поймал себя на том, что стоит в подвале, не начиная тренировку. Просто стоит. Перед штангой. Как перед чем-то, что больше не подчиняется.

И тогда он впервые сделал то, чего не делал никогда: он ударил по стойке рукой. Металл отозвался глухо. Боль пришла сразу. Он не убрал руку. Стоял так, пока боль не стала яснее мысли.

Потом начал тренировку. Без разминки. Без счета. Без пауз. До момента, когда тело перестало быть точным.

И только тогда остановился. Не потому что закончил. А потому что иначе сломалось бы уже не только внутри.

В тот же день Рой провел встречу с поставщиком из Роттердама. Рутинная. Он делал такие встречи сотни раз — слушал, оценивал, давал добро или нет. Обычно на это уходило

двадцать минут.

На этот раз — сорок пять. Потому что он дал добро на первой.

Хейл отозвал его в сторону уже в коридоре.

— Рой.

— Что.

— Ван дер Берг.

— Что с ним?

— Он изменил структуру платежей три месяца назад. Я проверил после встречи.

Рой остановился.

— Покажи.

Хейл достал телефон, открыл файл. Рой смотрел на цифры. Они были там — перед ним, очевидные, такие, которые он заметил бы в первые пять минут. В любой другой день. В любой другой встрече за последние восемь лет.

— Ты подписал, не глядя в финансовый лист, — тихо сказал Хейл. Без осуждения. Просто факт.

Рой убрал телефон Хейла обратно.

— Отмени.

— Уже.

— Хорошо.

Он пошел дальше по коридору. Хейл не двинулся.

— Рой.

— Что.

Хейл помолчал. Переставил зубочистку.

— Первый раз за восемь лет.

Рой не обернулся.

— Я знаю.

Артур заметил, что с ним что-то происходит, но не спрашивал. Только однажды, когда Рой третий раз за день переспросил одно и то же, Артур отложил бумаги и посмотрел на него.

— Рой. Ты где?

— Здесь.

— Нет. Ты физически здесь. А мыслями где-то еще. Уже три недели. Что случилось?

— Ничего.

Артур вздохнул, откинулся в кресле.

— Ладно. Не хочешь говорить — не надо. Но ты хреново выглядишь. И работаешь хреново. Я не давлю, но если тебе нужно время — возьми. Ты мне нужен в форме, а не вот такой.

Рой кивнул. Время ему не помогло бы. Ничего не помогало. Она сказала: «Я больше не хочу тебя». Он ответил: «Себе хоть не ври». И ушел. И с тех пор каждую ночь лежал в постели и думал: а что, если она не врала? Что, если она действительно решила, что с нее хватит? Что, если он перегнул? Он не знал. И не писал, потому что боялся получить ответ, который его убьет.

Артур задержал пристальный взгляд на Рое и добавил:

— Ужин с Паркером. Он хочет тебя видеть, ему нужны

гарантии по южному маршруту. Ресторан в Мейфэре, восемь вечера.

— Хорошо.

— Рой.

— Что.

— Оденься нормально. Ты последние дни выглядишь как человек, которого зовут на войну, а не на переговоры.

Рой переоделся. Поехал.

В ресторане он окинул зал привычным взглядом, выходы, посетители, слепые зоны, и замер.

Он увидел ее спину. Ее волосы, собранные в низкий пучок. Острые плечи под тонкой тканью платья. Она шла в сторону коридора, не видя его.

Он пошел за ней.

Сам не понял как.

Просто пошел.